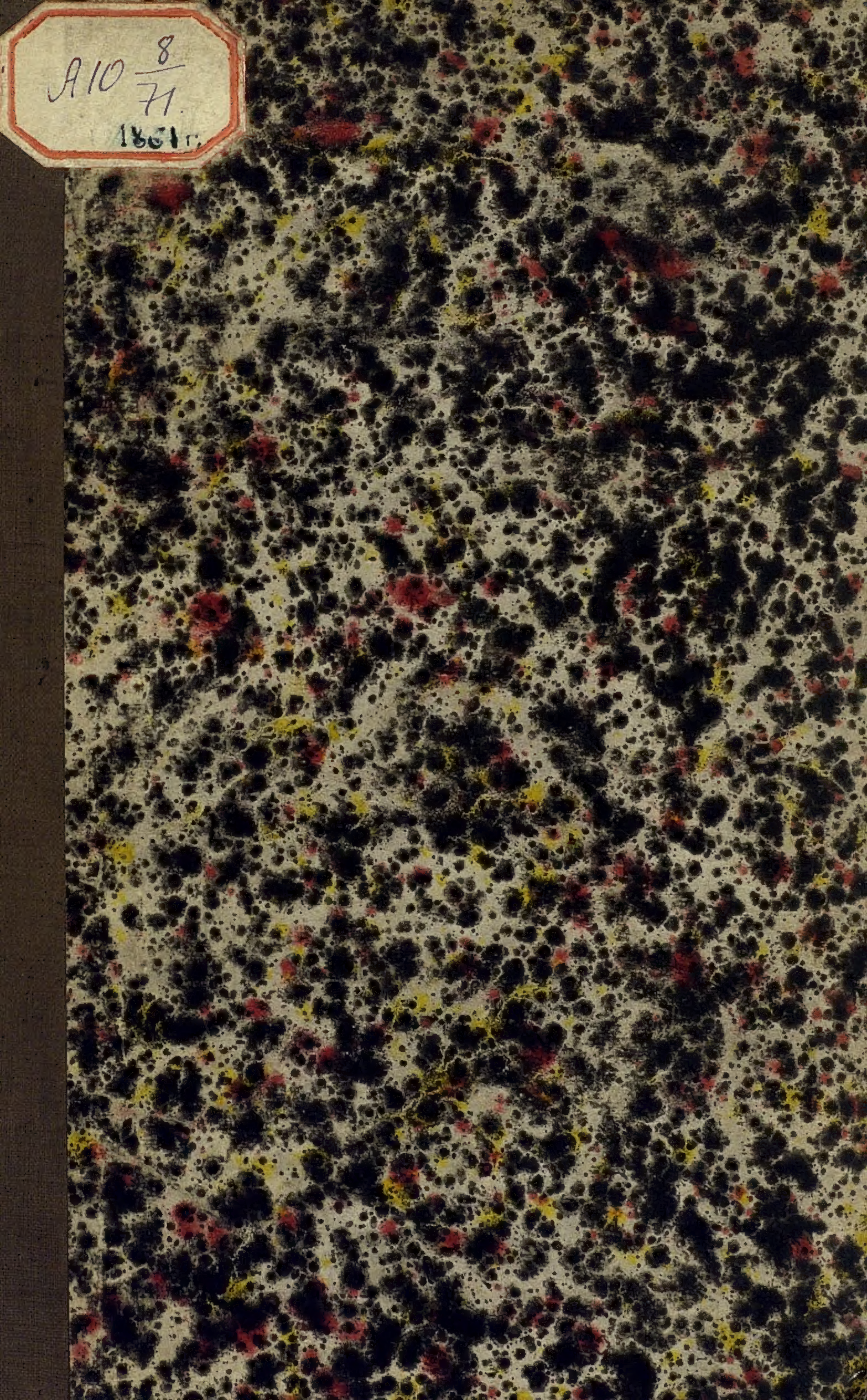
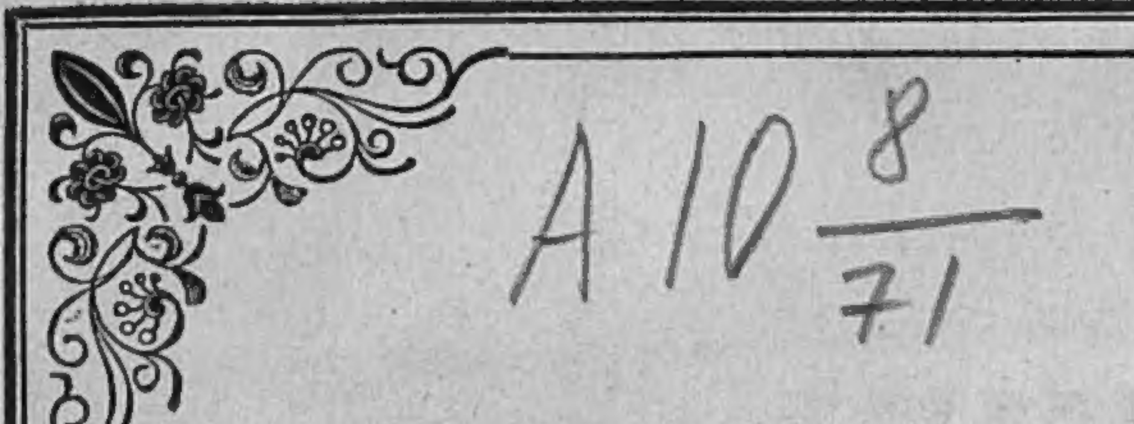

АКТЪ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ,

30 Августа 1861 года.

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи.

1861.

ГОДИЧНЫЙ

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ АКТЪ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ,

30-го Августа 1861 года.

ХАРЬКОВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1861.

О ЗАДАЧАХЪ

ПРЕДСТОЯЩЕЙ РЕФОРМЫ

АКЦІОНЕРНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

РѢЧЬ

НАПИСАННАЯ,

для произнесенія въ торжественномъ собраніи

ИМПЕРАТОРСКАГО ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

30 Августа 1861 года,

Ординарнымъ Профессоромъ

С. ПАХМАНОМЪ.

ХАРЬКОВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1861.

ныхъ оковъ невѣжества и рутины, возгорѣлась пылкая готовность вынести любую цѣлебную операцію, лишь бы только выбраться на лучшую дорогу. Въ уровень съ благородными стремленіями общества къ улучшенію своего быта закипѣла и животворная дѣятельность правительства; общественное сознаніе необходимости многихъ коренныхъ преобразованій нашло въ немъ живой и сочувственный отголосокъ; наука и просвѣщенный опытъ призваны къ участію въ законодательныхъ предначертаніяхъ. Далеко не все приведено къ осуществленію, многое еще въ зародышѣ, на многихъ начинаніяхъ лежитъ ясный отпечатокъ переходной эпохи; но и въ томъ, что уже совершено, ярко просвѣчиваетъ блестящая наша будущность.

Въ ряду вопросовъ, поступившихъ недавно на преобразовательную очередь, не послѣднее мѣсто занимаетъ вопросъ объ одной чрезвычайно больной сторонѣ нашей общественной дѣятельности: я говорю объ акціонерныхъ обществахъ. Акціонерный вопросъ обратилъ на себя въ послѣднее время общее вниманіе просвѣщенной публики. Отдѣльныя его стороны стали разъясняться путемъ протестовъ и журнальной полемики. Пытливыя наблюденія надъ дѣятельностію отдѣльныхъ компаній, соединенныя съ изученіемъ условій заграничной акціонерной практики, привели экономистовъ и публицистовъ къ меткимъ и основательнымъ соображеніямъ и выводамъ. Отважные и настойчивые акціонеры приняли дѣятельное участіе въ компанейскихъ дѣлахъ и приступили къ тщательному пересмотру уставовъ, составленныхъ большею частію по устарѣлымъ патріархальнымъ началамъ.

Наконецъ само правительство, зорко слѣдящее за современными потребностями общества, пришло къ убѣжденію, что общее законоположеніе объ акціонерныхъ компаніяхъ, служащее основаніемъ частныхъ уставовъ, должно быть подвергнуто многимъ существеннымъ измѣненіямъ. И вотъ — по распоряженію министерства финансовъ составленъ уже проектъ новыхъ общихъ правилъ для акціонерныхъ обществъ, изъ котораго недавно напечатаны (въ газетѣ «Вѣкъ» № 13) подробныя выдержки, обнимающія важнѣйшія изъ предполагаемыхъ преобразованій.

Радуясь предстоящему обновленію акціонерныхъ узаконеній, мы привѣтствуемъ глубокимъ сочувствіемъ и то многознаменательное направленіе, которое высказывается въ ходѣ современной нашей законодательной дѣятельности. Благомыслящее правительство, не приступая къ окончательному рѣшенію отдѣльныхъ законодательныхъ вопросовъ, предлагаетъ преобразовательныя свои предположенія на гласное обсужденіе, считая полезнымъ выслушать предварительно отзывы спеціалистовъ и голосъ общественнаго мнѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя въ виду пріучить общество къ самостоятельной заботливости о своихъ интересахъ. Акціонерный вопросъ, по своей многосложности и разнородности обнимаемыхъ имъ интересовъ, представляетъ одну изъ труднѣйшихъ общественныхъ задачъ, неминуемо требующую всесторонняго обсужденія знатоковъ. И у передовыхъ народовъ Европы акціонерное законодательство не можетъ похвалиться законченностію; и тамъ нынѣ наука и практика усиленно работаютъ надъ его усовершенство-

ваніемъ. Тѣмъ труднѣе удовлетворительное рѣшеніе этой задачи у народа менѣе опытнаго въ промышленномъ дѣлѣ и слабѣе усвоившаго себѣ духъ самостоятельной ассоціаціи. Мы далеки отъ мысли взять на себя рѣшеніе акціонернаго вопроса во всемъ его объемѣ и со всѣхъ сторонъ. Въ настоящемъ же случаѣ мы рѣшаемся предложить просвѣщенному вашему, Мм. Гг., вниманію только общія соображенія *о задачахъ предстоящей реформы акціонернаго законодательства*, и сочтемъ за счастіе, если намъ удастся хоть сколько-нибудь выяснить тѣ существенныя основанія, на которыя должна опираться предполагаемая реформа.

I.

Акціонерная наша дѣятельность находится въ состояніи тяжкаго кризиса. Жаръ, съ какимъ публика такъ еще недавно бросалась въ водоворотъ компанейскихъ предпріятій, сталъ замѣтно простывать. Заманчивыя надежды на высокіе дивиденды и обѣщанія золотыхъ горъ барыша утратили обаятельную силу. Солидные капиталы отшатнулись отъ компаній и ищутъ другаго помѣщенія. Акціи значительной части обществъ упали и не перестаютъ падать даже ниже своего пари; на акціонерной биржѣ невозмутимый застой. Компанейская предпріимчивость стала слабѣе и утратила прежнюю отвагу и энергію. Новыя общества возникаютъ и рѣже и въ болѣе скромныхъ размѣрахъ: о громадныхъ затѣяхъ свыше милліона нѣтъ почти и слуху. За исключеніемъ немногихъ компаній, которыя держатся стой-

ко и бодро, остальныя влачатъ незавидную участь; иныя закрываются, ликвидируютъ дѣла, иныя сдаютъ свои предпріятія въ аренду или въ собственность частныхъ предпринимателей, иныя не далеки отъ несостоятельности. Словомъ, плачевное состояніе нашего акціонернаго дѣла такъ ясно и общеизвѣстно, что вошло почти въ поговорку. Какія же причины вызвали столь неутѣшительное явленіе?

По естественному закону равновѣсія, всякое чрезмѣрное напряженіе силъ оканчивается ослабленіемъ ихъ, упадкомъ. Послѣ долгаго и томительнаго застоя въ нашей общественной жизни, новыя благопріятныя условія возбудили въ насъ столь сильную жажду дѣятельности, что мы быстрымъ движеніемъ впередъ, не сдерживая своихъ порывовъ, какъ-бы рѣшились вдругъ вознаградить то, что потрачено въ многолѣтнемъ бездѣйствіи. Это стремленіе отразилось и въ акціонерной нашей дѣятельности. Долго развивалась она медленно и въ слабыхъ размѣрахъ. Съ 1799 года, когда у насъ появилось первое акціонерное общество — извѣстная россійско-американская компанія, до 1855 года включительно, слѣдовательно въ теченіе слишкомъ полустолѣтія, образовалось всего около 40 компаній, съ основнымъ капиталомъ, не доходящимъ, считая на всѣ компаніи, и до 40 мил. р. Съ 1856 акціонерное дѣло какъ-бы внезапно приняло громадные размѣры; наступила акціонерная горячка, какою ознаменовались особенно годы 1857 и 1858, когда появилось около 50 обществъ, потребовавшихъ, преимущественно, впрочемъ на желѣзныя дороги, до 320 милліоновъ руб. Капиталы съ

неудержимою силою полились въ акціонерныя предпріятія, чему не мало содѣйствовало и пониженіе банковаго процента, такъ-что пронесся даже слухъ, будто правительство, опасаясь запустѣнія кредитныхъ учрежденій, хотѣло запретить основаніе новыхъ компаній. Но чрезмѣрный разгаръ долженъ былъ вызвать реакцію: наступило охлажденіе къ акціонернымъ предпріятіямъ, и компанейская предпріимчивость стала сильно падать особенно въ послѣдніе полтора года. Реакція была ускорена общимъ экономическимъ кризисомъ, отразившимся въ застоѣ промышленной и торговой дѣятельности. Объдненіе денежнаго рынка, общій упадокъ кредитно-бумажныхъ цѣнностей и появленіе массы процентныхъ государственныхъ бумагъ разнаго рода — все это не могло оказывать благопріятнаго вліянія и на движеніе акціонерной предпріимчивости и на курсъ акцій. Но причинамъ такого рода не должно придавать универсальнаго значенія, иначе дѣйствіе ихъ должно было бы обрушиться съ одинаковою силою на всѣ компанейскія предпріятія, тогда-какъ есть общества, которыя ведутъ свои дѣла благополучно и даже блистательно, выдаютъ высокіе и не мнимые, а истинные дивиденды, и отличаются непоколебимою устойчивостію курса акцій. Праздныхъ капиталовъ, ищущихъ надежнаго и выгоднаго помѣщенія, еще слишкомъ много, для того чтобы общее безденежье не выставлять за главную причину упадка акціонернаго дѣла. Независимо отъ общихъ экономическихъ невзгодъ и финансовыхъ потрясеній, какъ причинъ внѣшнихъ и случайныхъ, есть внутреннія и весьма серьезныя причины упадка и во-

обще слабаго развитія компанейской предпріимчивости, лежащія въ характерѣ и направленіи самой акціонерной дѣятельности. Онѣ выдаются наружу такъ рельефно и осязательно, что вы конечно догадываетесь, о какихъ акціонерныхъ недостаткахъ мы намѣрены говорить.

Успѣхъ акціонерной предпріимчивости, какъ и всякой публичной дѣятельности, находится въ неотразимой зависимости отъ общественнаго довѣрія. Публика, отуманенная непривычною быстротою общаго движенія и убаюкиваемая надеждами на крупные барыши, глядѣла на ходъ акціонерныхъ предпріятій съ слѣпою довѣрчивостію или съ равнодушіемъ; жадно разбирая акціи, она видѣла въ компаніяхъ не болѣе какъ банковыя конторы, раздающія высокіе проценты. Но — пылъ движенія пріутихъ, и достаточно было нѣсколькихъ сильныхъ ударовъ злополучія, разразившихся надъ карманами акціонеровъ, чтобы слѣпое довѣріе обратилось въ паническій страхъ. Раскрывъ дремлющіе глаза, не трудно было разглядѣть, что за пышною обстановкою компаній давно скрываются спекуляціонныя стремленія акціонерныхъ вожатыхъ, отзывающіяся разрушительно не только на интересахъ участниковъ, но и на интересахъ цѣлаго общества и всего народнаго хозяйства. Не чего доказывать, что цѣль всякаго акціонернаго общества, какъ промышленной ассоціаціи, кроется существенно въ спекуляціи, что исключительное побужденіе къ образованію промышленныхъ компаній — матеріальная прибыль, барышъ. Правда, наши компаніи, въ подражаніе французскимъ, обыкновенно выстав-

ляютъ на первый планъ общественное благо, стараясь увѣрить публику, что предпріятія открываются для ея именно пользы, во имя интересовъ цѣлаго общества. Но кто-же теперь не понимаетъ истиннаго смысла такихъ заявленій, кто не догадывается, что общественнымъ благомъ прикрываются матеріальные интересы самой компаніи? Мы и не вооружаемся противъ спекуляціи, понимаемой въ истинномъ ея значеніи: какъ честный меркантильный разсчетъ, она выше всякаго порицанія. Спекуляція — это сильнѣйшій рычагъ промышленнаго развитія, это самый могучій двигатель человѣчества по пути прогресса. Во всѣхъ почти великихъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ и улучшеніяхъ главный толчокъ къ дѣятельности давала спекуляція. Побѣды этой творческой силы неисчерпаемы. Она окрыляла и тѣхъ, кто отважно пускался въ дальнія страны на золотоносные пріиски, и тѣхъ, кто трудился надъ обширнымъ примѣненіемъ силы пара; она одушевляла и тѣхъ, кто придумывалъ акціонерную систему. Самая торговля есть не что иное, какъ нескончаемая, вѣчная спекуляція. Правда, спекуляція раждаетъ жажду громадныхъ барышей, но за-то и подвергаетъ смѣлыхъ предпринимателей риску и раззорительнымъ неудачамъ. Безъ спекуляціи промышленность утратила бы жизнь и энергію, культура пришла бы въ оцѣпенѣніе. И такъ, во имя интересовъ всего человѣчества, мы отбрасываемъ всякую мысль о подавленіи свободнаго движенія спекуляціи.

Не то мы думаемъ, когда говоримъ о спекуляціи, какъ о темной сторонѣ акціонерной дѣятельности: мы

разумѣемъ здѣсь то, что называютъ битьемъ по чужимъ карманамъ, безчестнымъ поползновеніемъ на общественный кошелекъ. Мы имѣемъ въ виду тѣхъ индустріальныхъ рыцарей безъ страха, но не безъ упрека, которые нерѣдко являются и у насъ въ образѣ учредителей и директоровъ акціонерныхъ компаній. Для учредителей обыкновенно самый предметъ предпріятія и успѣхъ его безразличны, интересы акціонеровъ и публики — еще менѣе; ихъ прямой разсчетъ — поживиться на счетъ компаніи, и даже безъ собственнаго денежнаго взноса, какъ было по крайней мѣрѣ не далѣе двухъ лѣтъ назадъ, когда учредительскія акціи понимались какъ безплатныя, даровыя. Успѣвъ заманчивыми объявленіями о выгодности предпріятія привлечь довѣрчивую публику и возбудивъ страхомъ разверстки поспѣшность въ разборѣ акцій, учредители, еще до открытія дѣйствій компаніи, не чуждаются искусственныхъ мѣръ вліянія на биржевой курсъ и спекулируютъ продажею и покупкою акцій — конечно не въ пользу компаніи. Болѣе обширное поле для спекуляціонныхъ видовъ учредителей открывается съ момента образованія правленія. Имѣя въ виду званіе директора, они обыкновенно въ самомъ уставѣ выговариваютъ себѣ право носить его безсмѣнно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; а по истеченіи срока, при содѣйствіи пріятелей, снова удостоиваются выбора въ общемъ собраніи акціонеровъ, и такимъ образомъ успѣваютъ упрочить за собой бразды правленія. Пользуясь равнодушіемъ и безропотностію акціонеровъ, члены правленія забираютъ общественное имущество въ свои руки и, помня только личные свои ин-

тересы, распоряжаются имъ большею частію небрежно и неразсчетливо, начиная щедрыя траты съ пышной отдѣлки собственныхъ великолѣпныхъ квартиръ на счетъ компаніи. Директоры и вообще управляющіе компанейскими дѣлами такъ мало заинтересованы въ успѣхѣ самаго предпріятія, что ихъ, по замѣчанію Дж. Ст. Милля [1], можно сравнить съ наемно-служащими (hired servants), глядящими на хозяйское добро обыкновенно въ очки собственныхъ личныхъ выгодъ. Такое сравненіе было бы однакожъ слишкомъ оскорбительно для директорской чести. На дѣлѣ, члены правленій чуждаются даже значенія повѣренныхъ компаніи, приписываемаго имъ самимъ закономъ: они считаютъ себя полновластными хозяевами предпріятія и безотвѣтственными распорядителями компанейскаго имущества, а на акціонеровъ привыкли смотрѣть какъ на безгласныхъ и смиренныхъ овецъ, подлежащихъ безнаказанному стриженію. Расточительность, выдача фиктивныхъ дивидендовъ, хвастливыя и лживыя публикаціи о ходѣ и успѣхахъ предпріятія, непомѣрное своекорыстіе и азіатское самовластіе — вотъ отличительныя черты управленія нашихъ акціонерныхъ обществъ, независимо отъ утѣшительныхъ исключеній. Мы говоримъ съ голоса самой публики [2]. Горькія сѣтованія, громкія жалобы и вопли, неумолкаемые и отчаянные протесты — все это слилось какъ-бы въ одинъ хоръ единодушныхъ заявле-

---

[1] Principles of Political Economy, by *J. S. Mill.* B. I. Ch. IX, § 2.

[2] Ср. напр. Вѣстн. промышл. 1860 и 1861, Акціонеръ, Журналъ для акціонеровъ, Биржевыя вѣдомости и проч.

ній о неразсчетливости, дурномъ веденіи дѣлъ и злоупотребленіяхъ, свойственныхъ нашимъ компаніямъ. Изъ массы напечатанныхъ фактовъ, красноръчиво свидѣтельствующихъ о безобразіи внутренняго компанейскаго управленія, можно бы составить преинтересную акціонерную мозаику. Но мы не имѣемъ въ виду представить картину или лѣтопись всѣхъ возмутительныхъ явленій въ области компанейской дѣятельности: физіологія акціонерныхъ директоровъ общеизвѣстна и, въ существенныхъ чертахъ, вездѣ одинакова. И той бѣглой характеристики, какую мы сейчасъ представили, достаточно, чтобы понять, что дурное управленіе, проникнутое духомъ безсовѣстной спекуляціи, должно отталкивать довѣріе публики отъ самихъ предпріятій, а безъ общественнаго довѣрія и немыслимо успѣшное развитіе акціонерной предпріимчивости.

Другой важный недостатокъ, задерживающій это развитіе, заключается въ неестественномъ направленіи нашей акціонерной дѣятельности. Мы говоримъ о централизаціи съ обыкновенными ея спутницами: исключительностію правъ и чрезмѣрною громадностію предпріятій. Мѣстное производство подавлено у насъ столичнымъ, а мелкое большимъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли назвать естественымъ явленіемъ въ нашей экономической жизни сосредоточеніе всей компанейской дѣятельности въ одномъ почти Петербургѣ? Со всѣхъ концовъ Россіи народныя сбереженія привлекаются въ одинъ пунктъ для составленія большихъ капиталовъ, вмѣсто того чтобы оплодотворять мѣстную и скромную провинціальную предпріимчивость. Такой приливъ тѣмъ

неестественнѣе, что столичныя компаніи избираютъ предметомъ своей дѣятельности обыкновенно предпріятія, осуществляемыя въ отдаленныхъ мѣстахъ, какъ напр. пароходство на Черномъ морѣ, устройство паровыхъ мукомольныхъ мельницъ въ Ростовѣ-на-Дону и т. п. Съ централизаціею капиталовъ соединено и сосредоточеніе управленія компанейскими дѣлами: отсюда, съ одной стороны, крайнее затрудненіе для акціонеровъ, живущихъ вдали отъ столицъ, наблюдать за ходомъ предпріятій и дѣйствіями правленій, а съ другой — просторъ безконтрольныхъ распоряженій и самовластія директоровъ.

И такъ, дурное управленіе, вселяющее въ публикѣ недовѣріе къ компанейскимъ предпріятіямъ, и централизація, мѣшающая образованію мѣстныхъ обществъ и затрудняющая самый контроль управленія, — вотъ главные недостатки нашей акціонерной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ причины упадка и вообще слабаго развитія акціонерной промышленности. Гдѣ же корень этихъ недостатковъ? Не кроется ли онъ въ недостаткахъ самаго законодательства? Если такъ, то какія же преобразованія необходимы для устраненія причинъ, препятствующихъ успѣшному развитію нашей акціонерной дѣятельности? — Обыкновенно, прежде вопроса объ отдѣльныхъ поправкахъ и починкахъ въ какомъ-либо зданіи, приходитъ на мысль болѣе крупный и важный вопросъ: прочно ли цѣлое зданіе, годно ли оно въ своемъ основаніи и не лучше ли разрушить его вмѣсто того, чтобы предпринять лишнія и безполезныя траты на его улучшеніе? Точно такой-же капитальный вопросъ

представляется относительно преобразованій въ акціонерномъ законодательствѣ: не кроются ли въ самой акціонерной системѣ столь крупные недостатки, что, безъ дальнѣйшихъ соображеній, должна быть отвергнута и акціонерная ассоціація?

Въ основаніи нашей акціонерной системы, по прямому смыслу самаго законодательства (т. X, ст. 2139, 2172, 2173, 2167), лежатъ два принципа: ограниченная отвѣтственность вкладчиковъ и свобода обращаемости акцій. Существенная черта, отличающая акціонерную форму ассоціаціи отъ товарищества въ собственномъ смыслѣ, заключается въ томъ, что акціонеры, въ случаѣ несостоятельности компаніи и вообще по обязательствамъ ея съ сторонними лицами, отвѣтствуютъ не всѣмъ своимъ имуществомъ, а только тѣми вкладами, изъ которыхъ составляется складочный компанейскій капиталъ. Такъ-какъ директоры считаются также акціонерами, то сила этого принципа распространяется и на нихъ: они также рискуютъ не всѣмъ своимъ достояніемъ, а только стоимостію принадлежащихъ имъ акцій. Здѣсь-то и скрывается слабая сторона акціонерной ассоціаціи въ томъ отношеніи, что директоры, не подвергаясь полному имущественному риску, распоряжаются чужимъ, нерѣдко весьма значительнымъ капиталомъ почти всегда небрежно, неразсчетливо и вообще не такъ усердно и бережливо, какъ если-бы на нихъ лежала полная, личная отвѣтственность въ случаѣ неудачи предпріятія или несостоятельности компаніи [1].

[1] Ср. *Schäffle*, Die National-Oekonomie. Leipzig. 1861. S. 208.

Въ этомъ отношеніи преимущество, безспорно, на сторонѣ предпріимчивости отдѣльныхъ капиталистовъ и товариществъ: частный предприниматель или полный товарищъ, рискуя всѣмъ своимъ имуществомъ за себя и за товарищей солидарно, лично заинтересованъ въ успѣхѣ предпріятія и потому ведетъ дѣла несравненно лучше и разсчетливѣе, чѣмъ лица, управляющія ходомъ акціонерныхъ предпріятій. — Другая слабая сторона акціонерной системы, не составляющая впрочемъ существенной принадлежности акціонерной формы ассоціаціи, заключается въ подвижной природѣ акцій, въ принципѣ свободнаго ихъ обращенія. Акція, какъ долговой актъ, дающій ея владѣльцу право на полученіе дивиденда, составляетъ личную его собственность, подлежащую свободному распоряженію. Колебаніе цѣны акцій, происходящее отъ неравномѣрности ожидаемой прибыли, дѣлаетъ акціи предметомъ биржевой торговли, раждаетъ спекуляцію акціями. Она является преимущественно орудіемъ своекорыстныхъ стремленій учредителей, которые пользуются законнымъ правомъ первенства въ разборѣ акцій (т. X, 2165), но, на общихъ правахъ акціонеровъ, не стѣснены въ свободномъ распоряженіи своими акціями. Они нерѣдко затѣваютъ предпріятіе вовсе не потому, чтобы были существенно заинтересованы въ его успѣхѣ, а единственно для выгодной спекуляціи акціями. Для осуществленія этой цѣли представляется имъ легкая возможность. Стóитъ только, взявъ значительное число акцій, употребить на первыхъ же порахъ искусную уловку для возвышенія биржеваго ихъ курса и, далеко преж-

де чѣмъ начнется исполненіе самаго предпріятія, сбыть свои акціи съ большимъ барышомъ, предоставивъ новымъ неопытнымъ акціонерамъ переплатить огромныя суммы. Примѣръ изъ иностранной практики, приведенный однимъ изъ нашихъ экономистовъ, наглядно объясняетъ систему и значеніе такой спекуляціи. Одно французское общество желѣзной дороги выпустило 400 т. акцій, по 500 фр. за каждую, и бóльшая часть акцій была взята самими учредителями; благодаря ихъ личному вліянію на дѣла биржевыя, къ концу мѣсяца курсъ акцій значительно возвысился, а за нихъ внесено было всего еще только 125 фр.; учредители воспользовались благопріятнымъ курсомъ, продали свои акціи и получили нѣсколько милліоновъ чистаго барыша; новые же акціонеры заплатили лишекъ въ нѣсколько милліоновъ. Подобныя продѣлки не рѣдкость, потому что искусственное возвышеніе цѣны акцій — нетрудная задача для спекуляторовъ, пользующихся биржевымъ авторитетомъ. Мало было бы бѣды, если-бы отъ такихъ спекуляцій терпѣли одни акціонеры, которымъ пришлось переплатить нѣсколько милліоновъ: это не болѣе какъ справедливая дань, платимая увлеченію невѣрными барышами. Но истинное горе въ томъ, что такими спекуляціями безплодно поглощается масса народныхъ сбереженій, въ которыхъ такъ сильно нуждается производительная дѣятельность; лишнія затраты, особенно при малонадежности самыхъ предпріятій, отзываются тяжкимъ урономъ на всемъ народномъ хозяйствѣ [1].

[1] См. *П. Бабста,* Публичныя лекціи политической экономіи. М. 1861. Стр. 128 — 129.

Спекуляція акціями не ограничивается выгоднымъ сбытомъ собственныхъ акцій до начала предпріятія, но раскрывается, независимо отъ сдѣлокъ на срокъ (marchés à terme), въ постоянныхъ сдѣлкахъ по покупкѣ и перепродажѣ акцій, производимыхъ учредителями и директорами, которымъ, ближе чѣмъ кому либо, извѣстны всѣ колебанія въ ходѣ предпріятія, при чемъ, смотря по надобности, не щадятся и искусственныя мѣры не только къ возвышенію, но и къ пониженію курса акцій. Свободное распоряженіе акціями имѣетъ и ту невыгодную сторону, что директоры, для привлеченія голосовъ общаго собранія на свою сторону, не стѣснены закономъ въ возможности переписывать заблаговременно на имя пріятелей часть учредительскихъ акцій, если свободная передача послѣднихъ не возбранена частнымъ уставомъ. Наконецъ, и въ рукахъ простыхъ акціонеровъ акція рѣдко имѣетъ значеніе акта, дающаго право на участіе въ предпріятіи, а цѣнится какъ прибыльная бумага и какъ орудіе биржевой спекуляціи; сущность предпріятія и его успѣхъ для нихъ большею частію чужды; они не связаны лично съ интересами самого предпріятія; отсюда слабое ихъ участіе въ дѣлахъ компаніи и даже совершенное равнодушіе къ ходу управленія, отзывающееся пагубными послѣдствіями и для нихъ самихъ и для интересовъ всего народнаго хозяйства.

Таковы въ общихъ чертахъ слабыя стороны акціонерной системы. Если же акціонерные принципы слабы, то не въ-правѣ ли мы отвергнуть и самую ассоціацію

въ формѣ акціонерной и вычеркнуть ее изъ кодекса? Но о цѣнности системы нельзя судить по однимъ мрачнымъ ея проявленіямъ, для которыхъ она является только опорой, но не источникомъ. Акціонерная система — плодъ промышленнаго развитія, и потому должна имѣть разумное основаніе. Для безпристрастной ея оцѣнки слѣдуетъ взглянуть и на свѣтлыя стороны акціонерной ассоціаціи и разсмотрѣть, не заключается ли въ томъ, что мы назвали слабыми сторонами системы, внутренняя сила самой ассоціаціи.

Главное достоинство акціонерной ассоціаціи состоитъ въ томъ, что она даетъ возможность осуществлять предпріятія любаго размѣра. Есть, разумѣется, предпріятія, для выполненія которыхъ не достало бы средствъ у самаго богатаго капиталиста; но и товарищество далеко не можетъ стать въ уровень съ акціонернымъ обществомъ по легкости составленія значительныхъ капиталовъ. Это объясняется тѣми-же акціонерными принципами, въ которыхъ мы видѣли однѣ невыгодныя стороны. Свобода обращаемости акцій даетъ, правда, поводъ къ развитію вредныхъ спекуляцій, но за-то оказываетъ самой ассоціаціи важную услугу: не стѣсняя свободнаго перемѣщенія капиталовъ изъ однихъ бумагъ въ другія, изъ одного предпріятія въ другое, она служитъ сильнымъ подспорьемъ, безъ котораго было бы затруднено самое привлеченіе капиталовъ къ акціонернымъ предпріятіямъ. Но въ обращаемости акцій, какъ мы уже замѣтили, не заключается сущность акціонерной формы ассоціаціи; притомъ она представляетъ нѣкоторыя спорныя стороны, которыя будутъ

нами разсмотрѣны въ своемъ мѣстѣ. Гораздо важнѣе другой принципъ, составляющій существо акціонерной формы, и дающій ей безспорное преимущество не только предъ индивидуальною предпріимчивостію, но и предъ всякой формой товарищества. Рѣчь идетъ о степени риска, падающаго на участниковъ въ случаѣ неудачи предпріятія. Извѣстно, что въ полномъ товариществѣ (société en nom collectif, offene Gesellschaft) участники, связанные неограниченною и взаимною отвѣтственностію, рискуютъ всѣмъ своимъ имуществомъ (т. X, 1. ст. 2129 и 2134. т. XI, уст. торг., ст. 756 и 763): оттого такая форма примѣнима преимущественно въ предпріятіяхъ, соединенныхъ съ наименьшею опасностію риска для капиталистовъ; она составляетъ почти исключительное достояніе торговаго міра. Почти тѣ-же неудобства присущи и т. н. товариществу на вѣрѣ (société en commandite, stille Gesellschaft), въ которомъ къ одному или нѣсколькимъ полнымъ товарищамъ присоединяются вкладчики или компаньоны, ввѣряющіе имъ свои капиталы: правда, въ случаѣ разрушенія товарищества, вкладчики отвѣтствуютъ только наличнымъ вкладомъ (т. X, 2130 и 2135, т. XI, 772, 775); но главные товарищи всё-таки подлежатъ полной отвѣтственности, слѣд. точно такъ-же, какъ и члены полнаго товарищества, рискуютъ всѣмъ своимъ достояніемъ. При такихъ условіяхъ число участниковъ можетъ быть только весьма ограниченное, а составленіе значительнаго капитала для предпріятій рискованныхъ почти невозможно. Эта цѣль легче и удобнѣе достигается именно акціонерною формою ассоціаціи

капиталовъ: всѣ члены акціонернаго общества, въ качествѣ вкладчиковъ, отвѣтствуютъ только внесеннымъ вкладомъ, не рискуя прочимъ своимъ имуществомъ, а по отсутствію полной отвѣтственности акціонеровъ и самое общество называется также безъименнымъ или безличнымъ (société anonyme). Акціонерный рискъ тѣмъ нечувствительнѣе для вкладчиковъ, чѣмъ ниже номинальная цѣна акцій, такъ-что при самомъ обширномъ предпріятіи рискъ распадается на мелкія частицы. Понятно, что ограниченная отвѣтственность, соединенная съ ничтожностію риска, дѣлаетъ участіе въ акціонерныхъ предпріятіяхъ доступнымъ для всякого, по крайней мѣрѣ даетъ возможность привлеченія къ нимъ значительной массы мелкихъ капиталовъ. Въ этомъ отношеніи акціонерная ассоціація признана вездѣ самою удобною формою промышленныхъ предпріятій. Правда, акціонерное общество можетъ быть основано и въ формѣ полнаго товарищества, слѣд. подъ условіемъ неограниченной отвѣтственности всѣхъ участниковъ: въ такомъ видѣ дѣйствительно учреждаются компаніи въ Англіи, и долго акціонерно-полное товарищество было тамъ господствующею формою ассоціацій; но она оказалась для осуществленія многихъ промышленныхъ предпріятій неудобною, и потому принципъ ограниченной отвѣтственности (limited liability), допускавшійся въ рѣдкихъ случаяхъ съ дозволенія правительства, получилъ наконецъ и въ Англіи съ 1855 года законное признаніе для бо́льшей части торгово-промышленныхъ предпріятій [1]. Въ этомъ принципѣ — могущественная

[1] Limited Liability Act (1855), 18. 19. Vict. c. 133. Ср. *N. Lindley*

экономическая сила акціонерной формы. Имъ объясняется легкая возможность образованія массы отдѣльныхъ компаній и то, почему акціонерная ассоціація составляетъ любимую форму современной промышленности. Нѣтъ той сферы общественной дѣятельности, куда бы не проникала акціонерная предпріимчивость: она сооружаетъ дороги, мосты, каналы, доки, телеграфы, пароходы, фабрики, страховыя конторы, банки, сберегательныя кассы, даже, какъ напр. въ сѣверо-американскихъ штатахъ, академіи, библіотеки, школы, храмы, богоугодныя заведенія и т. п. Понятно, что примѣненіе акціонерной ассоціаціи не ограничивается предпріятіями скромнаго размѣра: истинное ея могущество и преимущество заключается именно въ томъ, что она является двигателемъ большаго производства. Она дѣлаетъ возможными самыя громадныя и смѣлыя предпріятія. Не говоря уже о желѣзныхъ дорогахъ, вспомнимъ, что акціонерная форма породила колоссальныя общества движимаго кредита, изъ которыхъ парижское Crédit mobilier, основанное въ 1852 году съ фондомъ въ 60 м. фр., извѣстно какъ могучій двигатель многихъ важныхъ операцій коммерческихъ, банкирскихъ и финансовыхъ. При помощи акціонерной формы стали въ новѣйшее время возможны столь гигантскія предпріятія, что стоимость ихъ почти ускользаетъ отъ вычисленія, каковы атлантическій телеграфъ (1858) и пароходъ-левіаѳанъ (1859): тутъ затрачены не милліоны, а милліарды. — Правда, съ большимъ производ-

A treatise on the law of partnership, including its application to joint-stock and other companies. Lond. 1860. P. 300, 301, 309, 310.

ствомъ, составляющимъ главную задачу акціонерной ассоціаціи, связаны и экономическія невыгоды: расширяя монополію капитала, она вмѣстѣ съ тѣмъ вытѣсняетъ и поглощаетъ мелкіе промыслы и усиливаетъ бѣдственную участь большинства рабочаго класса. Такому упреку должно бы однакожъ подвергнуть не одни акціонерныя общества, но и всѣ большія предпріятія отдѣльныхъ капиталистовъ и товариществъ. Притомъ, естественные законы экономическаго развитія, породившіе монополію капитала, должны были вызвать къ жизни и дѣйствительно вызвали равносильное орудіе противовѣсія. Въ самомъ дѣлѣ, рабочія силы, взятыя порознь, слабы, скудны, лишены энергіи и достаточной гарантіи необходимой для кредита, и потому или нуждаются въ помощи со стороны частной и общественной благотворительности, или находятся въ рабской зависимости отъ капитала. Эманципація труда изъ-подъ этой зависимости и самостоятельное его развитіе возможны только при посредствѣ того-же начала, которымъ такъ силенъ капиталъ. Таковы рабочія ассоціаціи — явленіе новѣйшаго времени, грозящее противостать гнетущему вліянію капитала. Эта новая мощная сила раскрылась пока еще въ слабыхъ очертаніяхъ, но и въ нихъ проглядываютъ богатые задатки блистательной ея будущности, какая несомнѣнно предстоитъ и нашей народной формѣ ассоціаціи — рабочей артели. И такъ, опасаться большаго производства не чего; а безъ него были бы немыслимы тѣ великія и общеполезныя предпріятія, въ осуществленіи которыхъ и заключается благодѣтельное значеніе акціонерной формы.

Этимъ однакожъ далеко не исчерпываются выгоды и преимущества акціонерной ассоціаціи предъ товариществомъ въ экономическомъ отношеніи. Укажемъ на важнѣйшія: 1) мы видѣли, что въ товариществѣ, по самому его юридическому устройству, можетъ участвовать ограниченное число лицъ, и слѣдовательно не иначе какъ значительными вкладами, тогда-какъ участіе въ акціонерныхъ предпріятіяхъ могутъ принимать самые мелкіе капиталы. Отсюда вытекаютъ экономическія выгоды двоякаго рода. Съ одной стороны, скудные плоды бережливости, самые незначительные денежные запасы, самыя по видимому ничтожныя частицы народнаго капитала получаютъ въ ассоціаціи жизнь и производительную силу, иначе они оставались бы безъ употребленія, лежали бы даромъ или растрачивались безъ всякой пользы для народнаго хозяйства. Съ другой стороны, мелкіе капиталы, сами по себѣ безсильные, въ соединеніи пріобрѣтаютъ не только могущество, но несравненно болѣе кредита, чѣмъ какимъ они пользуются въ разъединеніи, находясь въ рукахъ многихъ лицъ. 2) Независимо отъ величины капитала, потребнаго для предпріятія, акціонерная ассоціація представляетъ еще слѣдующія преимущества въ сравненіи съ предпріимчивостію отдѣльныхъ капиталистовъ и товариществъ. Вопервыхъ, есть учрежденія, которыя, находясь въ рукахъ одного лица, какъ бы оно ни было богато, не пользовались бы общественнымъ довѣріемъ и не представляли бы достаточной гарантіи настолько, насколько это возможно въ ассоціаціи. Таковы напримѣръ: страховыя конторы и банки. Оставляя въ сторонѣ

исключенія, нельзя сомнѣваться въ томъ, что отдѣльное лицо, дѣйствующее единственно по собственному усмотрѣнію, никогда не въ силахъ привлечь къ себѣ столько довѣрія публики, а въ свою кассу столько мелкихъ сбереженій, насколько это возможно для компаніи, дѣйствующей по установленнымъ правиламъ, подъ контролемъ собственныхъ членовъ и общественнаго мнѣнія. То-же можно сказать и о преимуществѣ акціонерной компаніи предъ товариществомъ, не смотря на то, что первой чужда та гарантія, которая заключается въ полной личной отвѣтственности товарищей. Другое преимущество: такъ-какъ успѣхъ предпріятія зависитъ не отъ одного количества капитала, но и отъ умѣнья употребить его въ дѣло, то ассоціація удобна въ томъ отношеніи, что, открывая способному предпринимателю или участнику случай примѣнить на дѣлѣ свои дарованія, свѣдѣнія и трудолюбіе, она даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность, изъ среды многихъ участниковъ, избрать людей свѣдущихъ, опытныхъ и дѣятельныхъ, какіе необходимы для управленія компанейскимъ предпріятіемъ; между тѣмъ какъ въ другихъ формахъ предпріятій нерѣдко, при огромныхъ матеріальныхъ средствахъ, успѣхъ дѣла терпитъ отъ личной неспособности и невѣжества. — Наконецъ, акціонерная ассоціація не мало содѣйствуетъ оживленію и развитію народнаго хозяйства вообще. Вызывая въ дѣло мелкіе запасы бережливости, расшевеливая дремлющія силы, пробуждая въ нихъ энергію, расширяя предпріимчивость, она пріучаетъ общество вдумываться въ свои интересы, изучать экономическіе законы и явленія, способствуетъ къ разви-

тію въ обществѣ экономическаго самосознанія и тѣмъ исторгаетъ народное хозяйство изъ оковъ застоя и мертвящей рутины [1].

Не одно экономическое значеніе даетъ акціонерному обществу преимущество предъ товариществомъ, но и значеніе соціальное. Акціонерная ассоціація принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ формъ, въ которыя вылился духъ союзнаго начала, духъ общественности. Это одно изъ самыхъ оригинальныхъ проявленій самобытнаго соціальнаго элемента, который носитъ названіе «общества» въ особомъ, добытомъ современной наукой, значеніи этого слова. Здѣсь идетъ рѣчь объ обществѣ, не въ смыслѣ совокупности представителей современной образованности и общественнаго мнѣнія, и не въ смыслѣ народа, какъ составной части государственнаго организма, различаемой отъ правительства, а въ значеніи общественнаго соединенія, чуждаго отношеній частныхъ, государственныхъ и родственныхъ, и вызываемаго силою интереса. Общественныхъ соединеній можетъ быть столько, сколько есть разнообразныхъ интересовъ матеріальной и духовно-нравственной культуры, каковы: религія, наука, просвѣщеніе, искусство,

---

[1] Ср. *И. Бабста*, Значеніе промышленныхъ товариществъ въ развитіи народнаго богатства. Жур. д. акц. 1857. *Его-же*, Публ. лекціи полит. экономіи, М. 1861, 8-я. *Н. Бунге*, Значеніе промышленныхъ товариществъ и условія ихъ распространенія, въ Жур. д. акц. 1857 и 1858. *А. Львова*, О существѣ и цѣли промышленныхъ предпріятій на правахъ компаній, и о вліяніи ихъ на народн. богатство, ib. 1857; *В. Безобразова*, Товарищество какъ экономическая сила. Экон. указ. 1858, вып. 6 и 7, и др.

промышленность, торговля, благотворительность, общественныя удовольствія и т. д., съ безчисленными ихъ развѣтвленіями. Какъ явленіе самобытное, подчиненное своимъ внутреннимъ законамъ и различное отъ элементовъ частнаго и государственнаго, общество стало только съ недавняго времени предметомъ особой отрасли т. н. общественныхъ наукъ (Gesellschaftswissenschaften), обособившихся преимущественно изъ области наукъ государственныхъ [1]. Обществовѣдѣніе еще въ младенчествѣ; отдѣльныя вѣтви его, большею частію, только намѣчены; собираются еще только матеріалы для созданія полной соціальной науки. Самое понятіе объ обществѣ, въ указанномъ смыслѣ, не выяснилось еще окончательно, въ особенности съ юридической точки зрѣнія. Тѣмъ не менѣе и теперь есть уже возможность уловить и распознать нѣкоторые отдѣльные признаки, характеризующіе самостоятельное значеніе общества. Для нашей цѣли считаемъ нелишнимъ указать, по крайней мѣрѣ, на важнѣйшіе изъ нихъ. Первый существенный признакъ общества заключается въ томъ, что оно возникаетъ не силою произвола, создается не властію государства, хотя и можетъ быть органомъ его дѣятельности, а силою самого интереса. Изъ этого впрочемъ не слѣдуетъ, чтобы общественныя соединенія были непремѣнно неорганизованныя. Они могутъ возникать безъ предварительнаго соглашенія членовъ и су-

---

[1] См. *Mohl*, Gesch. und Lit. der Staatswissensch. B. I. *Stein*, System der Staatswissenschaft. B. II. (Gesellschaftslehre). *Д. Каченовскаго*, Взглядъ на исторію политическихъ наукъ. М. 1859, стр. 128—142, и др.

ществовать безъ опредѣленной формы и устройства; такого рода соединенія образуютъ, напр., единовѣрцы, ученые, капиталисты, землевладѣльцы, фермеры, рабочіе, артисты и т. п. Но есть общественныя соединенія образующіяся въ-слѣдствіе добровольнаго соглашенія и получающія извѣстную форму, опредѣленную организацію; таковы ассоціаціи въ собственномъ смыслѣ. Съ другой стороны, побужденіемъ къ образованію того или другаго общества можетъ быть или безкорыстное служеніе общественнымъ интересамъ или же матеріальный разсчетъ. Но ни форма, ни побужденіе не измѣняютъ сущности общества, какъ соединенія, вызываемаго силою самого интереса, естественными требованіями и законами общественнаго развитія. Понятно также, что общественныя соединенія, по самой природѣ дающихъ имъ жизнь интересовъ, не могутъ сковываться ни числомъ членовъ ни пространствомъ территоріи; по этому, съ одной стороны, общество по объему можетъ быть не только меньше государства или равно ему, но и больше, шире его; съ другой стороны, оно не замыкается предѣлами данной государственной области и ея населеніемъ, напр. общество ученыхъ, разсѣянныхъ по всему міру, общество промышленное, торговое, общество единовѣрцевъ и т. п. — Гораздо важнѣе другой признакъ, который, по нашему мнѣнію, долженъ составлять неотъемлемую характеристическую особенность общества въ указанномъ его значеніи: это — свободное отношеніе отдѣльной личности къ самому обществу. Мы не противопоставляемъ этого признака принципу той исключительности, въ которой отдѣльная личность совер-

шенію поглощается: общность, какую предлагали за идеалъ общественной жизни коммунисты и соціалисты, давно отвергнута наукой, какъ нелѣпая мечта, подрывающая въ самомъ корнѣ нравственную самостоятельность и личную свободу. Мы считаемъ также излишнимъ опровергать мнѣніе того мыслителя, который, настаивая на различіи общества, какъ самостоятельнаго элемента, отъ отдѣльнаго лица и государства, но разумѣя подъ обществомъ всякое общественное соединеніе, органическое и естественное, сословное, общинное и т. п., утверждаетъ, будто членъ такого соединенія относится къ обществу всею жизнію, всею дѣятельностію, всѣми силами, словомъ — всею личностію [1]. Мы понимаемъ свободное отношеніе лица къ обществу такъ, что лицо можетъ въ одно и то-же время быть членомъ не только разнородныхъ общественныхъ соединеній, но и нѣсколькихъ обществъ одного рода. Этимъ важнымъ признакомъ общество отличается прежде всего отъ государства: лицо можетъ быть членомъ только одного государства, гражданиномъ одного государственнаго союза, слѣд. можетъ принадлежать къ одному лишь народу, въ смыслѣ государственнаго общества. То-же можно сказать и о различіи общества отъ нѣкоторыхъ союзовъ, разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія государственной: нельзя быть членомъ двухъ различныхъ сословій или двухъ административныхъ общинъ. Тѣмъ-же признакомъ отличается общество отъ

---

[1] См. *В. Лешкова*, Русскій народъ и государство. Исторія Рус. обществ. права до XVIII вѣка. М. 1858.

каждаго изъ естественныхъ союзовъ: семейства, рода, племени, націи. Наконецъ — что для насъ особенно важно — то-же должно сказать объ отличіи общества отъ союзовъ лично-договорныхъ, принадлежащихъ къ области т. н. частнаго права. Въ этомъ отношеніи становится яснымъ различіе акціонернаго общества отъ товарищества. Члены одного товарищества, какъ товарищи, связанные полною личною отвѣтственностію, не могутъ быть въ то-же время членами другаго товарищества, тогда-какъ акціонерная ассоціація не представляетъ такой узды для личной свободы ея участниковъ: можно быть членомъ различныхъ акціонерныхъ компаній, точно такъ-же какъ можно быть членомъ различныхъ ученыхъ обществъ, многихъ благотворительныхъ обществъ и т. п. Если всякая ассоціація является необходимымъ условіемъ успѣшнаго общественнаго развитія и прогресса, то это въ особенности должно сказать объ ассоціаціяхъ, основанныхъ на началѣ свободнаго, самостоятельнаго движенія личной дѣятельности. Крѣпость и внутренняя сила союза не нуждаются въ стѣсненіи личной свободы. Соціальная свобода — вотъ неотъемлемый принципъ акціонерной ассоціаціи, дающій ей важное преимущество предъ формой товарищества.

Таковы, мм. гг., свѣтлыя стороны акціонерной ассоціаціи. Принципы ея благодѣтельны. Правда, чистота ихъ нерѣдко помрачается вредными проявленіями акціонерной дѣятельности. Но развѣ по дурнымъ проявленіямъ или примѣненіямъ принципа слѣдуетъ заключать, что дуренъ и самый принципъ? Злоупотребленія пред-

ставителей администраціи даютъ ли право казнить и самую администрацію? Темныя стороны акціонерной, какъ и всякой общественной дѣятельности, коренятся въ иныхъ источникахъ. Это не болѣе какъ злокачественные наросты, которые, какъ явленія случайныя, даже чуждыя многимъ солиднымъ компаніямъ, не даютъ права предавать осужденію и проклятію и самую ассоціацію. Поэтому совершенное запрещеніе учреждать акціонерныя компаніи, за образецъ котораго можно указать на декретъ французскаго конвента 1793 г., пережившій впрочемъ не болѣе двухъ лѣтъ, принадлежитъ безспорно къ числу самыхъ нелѣпыхъ явленій въ исторіи государственной политики.

Защищая акціонерную ассоціацію, мы противополагали чисто-акціонерную форму формѣ акціонерно-полнаго товарищества, существующей до-нынѣ въ Англіи. Но есть еще одна форма, которую можетъ принять акціонерное общество и которая занимаетъ средину между чисто-акціонернымъ обществомъ и полнымъ товариществомъ; это — товарищество на вѣрѣ. Акціонерное общество, облеченное въ такую форму, называется акціонернымъ обществомъ на вѣрѣ или, вѣрнѣе, коммандитнымъ товариществомъ на акціяхъ (société en commandite par actions, Commanditenaktiengesellschaft). Эта форма ассоціаціи — исконное достояніе французскаго промышленно-юридическаго быта. Въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій она употреблялась во Франціи для большихъ предпріятій, и не ранѣе 1807 года получила впервые законное признаніе въ торговомъ кодексѣ,

дозволившемъ товариществамъ на вѣрѣ, подобно анонимнымъ обществамъ (sociétés anonymes), дѣлить свои капиталы на акціи[1]. Она оттѣснила на задній планъ чистую форму акціонернаго общества, пріобрѣла право гражданства и въ тѣхъ земляхъ, гдѣ получилъ законную силу французскій торговый кодексъ, между прочимъ и въ царствѣ польскомъ, и наконецъ узаконена въ проектѣ обще-германскаго торговаго кодекса. Въ нашемъ законодательствѣ, хотя существуетъ форма товарищества на вѣрѣ, но безъ указаній на возможность распространенія ея на акціонерныя общества. Не смотря на обширное примѣненіе этой формы въ западной, особенно французской акціонерной практикѣ, мнѣнія иностранныхъ ученыхъ о ея достоинствѣ далеки еще отъ гармоніи; у насъ же нѣкоторыми экономистами она признана за наилучшую форму акціонерной ассоціаціи, и даже высказано рѣшительное желаніе ввести ее и въ нашу промышленную практику, замѣнивъ или оттѣснивъ ею чисто-акціонерную форму[2]. Не входя въ подробную и всестороннюю оцѣнку этой формы и вполнѣ сознавая всю трудность рѣшительнаго приговора, мы намѣрены сказать о ней нѣсколько словъ въ отношеніи къ одной изъ указанныхъ нами слабыхъ сторонъ чисто-акціонерной формы. Принципъ ограниченной отвѣтственности всѣхъ акціонеровъ, составляющій, какъ

---

[1] См. Code de commerce, art. 38: «Le capital des sociétés en commandite pourra être aussi divisé en actions, sans aucune autre dérogation aux règles établies pour ce genre de société».

[2] См. *Н. Бунге*, в. о. статью въ Ж. д. акц. 1857, № 26; также Рус. Вѣстн. 1860, № 20, Совр. лѣтоп., стр. 416 и слѣд.

мы видѣли, существенную особенность акціонерной ассоціаціи, имѣетъ то неудобство, что и директоры, какъ акціонеры, не рискуя всѣмъ своимъ имуществомъ въ случаѣ несостоятельности компаніи, ведутъ дѣла обыкновенно неосмотрительно и неразсчетливо. Это неудобство устраняется въ формѣ акціонернаго общества на вѣрѣ именно тѣмъ, что, между тѣмъ какъ простые вкладчики (simples bailleurs de fonds, associés commanditaires) отвѣчаютъ въ случаѣ потерь только въ размѣрѣ внесеннаго вклада (art. 23 и 26), учредители или директоры-распорядители (gérants) подвергаются полной имущественной отвѣтственности. Въ такомъ принципѣ обыкновенно видятъ средство — связать директоровъ тѣсными узами съ ходомъ предпріятія, возбудить въ нихъ личный интересъ въ его успѣхѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ надежную гарантію для интересовъ акціонеровъ и публики. Если это справедливо, то не слѣдуетъ ли узаконенную у насъ чисто-акціонерную форму замѣнить формой компаніи на вѣрѣ или, по крайней мѣрѣ, измѣнить ее внесеніемъ принципа, свойственнаго товариществу на вѣрѣ, или же — что почти то-же — расширить самую форму товарищества на вѣрѣ дозволеніемъ усвоивать ей свойства акціонерныхъ компаній? Но основанія, приведенныя нами въ пользу неизвѣстной у насъ формы, представляются шаткими. Сомнительно, чтобы полная гражданская отвѣтственность учредителей служила надежнымъ ручательствомъ за добросовѣстность управленія и серьезной гарантіей для интересовъ участниковъ и публики. Въ самомъ дѣлѣ, охота ли честному и солидному капиталисту идти въ основатели

компаніи распорядители предпріятія подъ тяжкимъ условіемъ безвиннаго личнаго риска? Это возможно только въ томъ случаѣ, если самое предпріятіе такого свойства, что можно напередъ разсчитывать на непремѣнный его успѣхъ. Въ учредители обыкновенно идутъ спекуляторы сомнительной честности, биржевые «кулаки», разсчитывающіе безъ всякихъ пожертвованій на возможность легко нажиться на счетъ компаніи подъ прикрытіемъ той особенности товарищества на вѣрѣ, въ силу которой, по общему правилу, учредители не подлежатъ выбору въ директоры со стороны акціонеровъ, а становятся во главѣ управленія по самому уставу безсмѣнно и на правѣ самовластныхъ распорядителей. Они не страшатся полной отвѣтственности и не задумываются рисковать всѣмъ своимъ имуществомъ, потому-что у нихъ или нѣтъ ничего въ собственномъ карманѣ, или же есть въ виду, въ случаѣ грозящей неудачи, утаить капиталы, нажитые акціонерными спекуляціями и даже лично скрыться отъ взысканій. Въ томъ и другомъ случаѣ полная гражданская отвѣтственность очевидно лишена практическаго смысла, является не болѣе какъ юридическимъ призракомъ, не говоря уже о томъ, что въ предпріятіи, поглощающемъ милліоны, такая гарантія, будь она даже солидная, имѣетъ для кредиторовъ компаніи значеніе обыкновенно самое ничтожное. Правда, благодаря указанной приманкѣ для учредителей и болѣе свободнымъ условіямъ, съ которыми, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, соединено основаніе компаній, эта форма была на европейскомъ материкѣ господствующимъ двигателемъ промышленной предпріимчивости. Но мно-

гія ли изъ массы такихъ компаній окончили свои дѣла благополучно? Лѣтописи французской акціонерной дѣятельности свидѣтельствуютъ о безпрерывныхъ значительныхъ злоупотребленіяхъ распорядителей и о многихъ тысячахъ несчастныхъ лицъ и семействъ, сдѣлавшихся жертвами раззорительныхъ дѣйствій директорскаго своекорыстія. Правительство спохватилось, что сдѣлало важную ошибку, дозволивъ акціонерное устройство товарищества на вѣрѣ, и рѣшилось прибѣгнуть къ крайней, радикальной мѣрѣ: въ 1838 году составленъ былъ проектъ закона, запрещавшаго подъ страхомъ тяжкаго наказанія учрежденіе такихъ компаній, но, встрѣтивъ сопротивленіе въ палатѣ депутатовъ, остался безъ дѣйствія. Между-тѣмъ злоупотребленія не прекращались, а еще увеличивались по мѣрѣ того, какъ духъ предпріимчивости обхватывалъ болѣе и болѣе самыя значительныя предпріятія. Они вызвали новое постановленіе 17 іюля 1856 (Loi sur les sociétés en commandite par actions)[1], узаконившее разныя гарантіи противъ самовластнаго управленія и недобросовѣстныхъ спекуляцій, свойственныя чисто-акціонернымъ компаніямъ, но совершенно чуждыя принципамъ товарищества на вѣрѣ. Строгія регламентарныя мѣры не въ силахъ однакожъ искоренить зло, успѣвшее пустить глубокіе

---

[1] См. *Courcelle-Seneuil*, Traité théorique et pratique des entreprises, etc. Paris. 1857. P. 538 — 541. *M. E. Paignon*, Commentaire de la loi sur les sociétés en commandite par actions etc. P. 1857. *P. Bravard-Veyrières*, Explication analytique et synthétique des lois nouvelles sur les commandites par actions etc. P. 1857. *M. A. Frouart*, De la société en commandite par actions etc. P. 1858.

коріи въ акціонерной практикѣ: достаточно вспомнить о недавней печальной судьбѣ одного изъ корифеевъ акціонернаго плутовства. Конечно, утѣшительно и то, что есть страны, гдѣ Миресы, при всемъ ихъ громадномъ состояніи, клеймятся позоромъ уголовнаго наказанія, а не оставляются въ подозрѣніи... Но не менѣе справедливо и то, что полная гражданская отвѣтственность — плохая гарантія противъ недобросовѣстности и злоупотребленій. Вотъ почему и въ практической Англіи, послѣ тщательнаго обсужденія въ особомъ комитетѣ 1853 года вопроса о введеніи формы акціонерныхъ обществъ на вѣрѣ, она была отвергнута значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Итакъ, отдавая чисто-акціонерной формѣ преимущество предъ англійской формой акціонерно-полнаго товарищества и не находя во французской формѣ акціонерно-коммандитнаго товарищества надежныхъ задатковъ правильнаго и солиднаго развитія акціонерной дѣятельности, мы не видимъ никакой нужды въ законодательномъ преобразованіи существующей у насъ акціонерной формы, развѣ естественное развитіе нашей промышленной предпріимчивости само вызоветъ новыя формы или потребуетъ расширенія узаконенныхъ формъ товарищества. Заимствованіе иноземныхъ принциповъ умѣстно только въ томъ случаѣ, если польза и состоятельность ихъ дознаны опытомъ, и если они подходятъ подъ ту ступень, на которой стоитъ собственное наше общественное и экономическое развитіе: даже многое изъ того, что признано у передовыхъ народовъ хорошимъ, можетъ быть намъ не по-плечу и даже вредно. Законо-

дательная реформа, по-крайней мѣрѣ въ настоящее время, не можетъ касаться самого существа акціонерной системы. Оставляя ее неприкосновенною, она должна быть направлена къ устраненію отдѣльныхъ недостатковъ акціонернаго дѣла, насколько возможно этого достигнуть путемъ законодательства. Въ чемъ же именно должны заключаться задачи реформы нашего акціонернаго законодательства?

II.

Акціонерная ассоціація представляетъ одну изъ формъ промышленныхъ предпріятій. Свобода промышленности[1] признана однимъ изъ коренныхъ условій экономическаго развитія и общественнаго благосостоянія. Если такъ, то принципъ свободы сохраняетъ неизмѣнную силу, въ какомъ бы видѣ ни проявлялась промышленная дѣятельность — въ формѣ ли индивидуальнаго труда или же въ формѣ ассоціаціи. *Свобода* — вотъ основное общественное условіе успѣшнаго развитія акціонерной дѣятельности. Она заключается въ свободѣ образованія и дѣятельности компаній, и должна быть признана неприкосновенною настолько, насколько она не вредитъ правамъ и интересамъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлаго общества. Не трудно вывести отсюда и задачу самого государства въ отношеніи акціонерныхъ компаній. Государство относится къ цѣлому обществу, какъ элементъ ор-

[1] Подъ промышленностію мы разумѣемъ здѣсь всякую производительную дѣятельность, разсчитанную на матеріальную прибыль.

ганическаго единства къ элементу разнообразія, какъ элементъ связующій къ элементу свободному. Организуя общественную жизнь, сообщая разрозненнымъ интересамъ отдѣльныхъ лицъ и союзовъ гармонію, дѣятельность государства должна быть направлена не къ подавленію частной свободы, а къ упроченію и охраненію ея, слѣд. съ одной стороны къ устраненію препятствій, мѣшающихъ успѣшному ея движенію и непреодолимыхъ силами самого общества, а съ другой — къ отклоненію вредныхъ проявленій самой свободы. Сила такого принципа распространяется не только на свободу разъединенной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, но и на свободу совокупной дѣятельности въ видѣ добровольныхъ общественныхъ соединеній, уже потому, что право входить въ такіе союзы и дѣйствовать соединенными силами коренится въ природѣ самой общественности. Такимъ образомъ задача государства въ отношеніи акціонерной ассоціаціи — поддерживать и охранять свободу образованія и дѣятельности компаній, устраняя вмѣстѣ съ тѣмъ вредныя проявленія этой свободы [1]. Задача на первый взглядъ простая и несложная, но въ осуществленіи она представляетъ значительныя трудности какъ въ матеріальномъ, такъ и въ формальномъ отношеніи.

Рѣшеніе вопроса о внутреннемъ содержаніи и направленіи государственныхъ мѣръ тѣмъ труднѣе, что едва ли есть возможность установить твердую границу для дѣятельности государства. Стремясь къ охраненію сво-

---

[1] Ср. *M. Renouard*, Du droit industriel dans ses rapports avec les principes du droit civil etc. P. 1860. P. 195.

боды, оказывая содѣйствіе во имя общаго блага и подавляя злоупотребленія свободы, государство весьма легко можетъ стѣснить и самую свободу. Принимая мѣры къ поощренію акціонерной промышленности и къ предупрежденію пагубныхъ ея проявленій, оно какъ-бы незамѣтно вторгается въ область частной свободной дѣятельности и нарушаетъ ея неприкосновенность. Такое вторженіе тѣмъ ощутительнѣе, если вообще дѣятельность государства на пользу общества доходитъ до степени отеческой заботливости о ея преуспѣяніи: тогда она легко обращается въ тягостную правительственную опеку, подавляющую всякую живую энергію и самодѣятельное развитіе общества. Однакожъ нѣтъ и не можетъ быть такой теоретической формулы, которая бы установляла твердые, неизмѣнные предѣлы для вмѣшательства государства въ сферу жизни общественной. Одна и таже мѣрка, какъ-бы она ни была безукоризненна à priori, не можетъ имѣть универсальной примѣнимости. Степень зрѣлости государственнаго организма и общественной цивилизаціи — вотъ неотразимыя условія разнообразнаго проявленія государственнаго элемента въ жизни отдѣльныхъ обществъ и вмѣстѣ съ тѣмъ основанія несостоятельности однообразной нормы.

Не менѣе затрудненій представляетъ государственная задача и въ формальномъ отношеніи, т. е. относительно внѣшняго способа, какой служитъ государству для осуществленія его мѣръ и для сообщенія имъ дѣйствительной силы. Обыкновенно мѣры государственныя выражаются въ формѣ закона. Государство предписываетъ

общія законныя правила, которыми условливается учрежденіе и управленіе акціонерныхъ обществъ, и въ предѣлахъ которыхъ предоставлено имъ свободное движеніе и свободная дѣятельность. Но нѣтъ государства, въ которомъ бы исключительно господствовала одна эта форма. Государства не довольствуются предписаніемъ общихъ правилъ, но считаютъ нужнымъ подчинять каждое отдѣльное общество непосредственному вѣдѣнію, постановляя правила о дозволеніи правительства на учрежденіе обществъ и о надзорѣ за ихъ дѣятельностію. Первая форма является преобладающею въ Англіи, гдѣ она только съ недавняго времени выработалась по образцу нѣкоторыхъ законодательствъ сѣверо-американской республики (Луизіаны и др.)[1]; а вторая составляетъ преимущественно достояніе государствъ европейскаго материка[2]. Каждая изъ нихъ имѣетъ свои до-

---

[1] Такое направленіе выразилось особенно въ законоположеніяхъ 1856 (Joint Stock Companies Act, 19. 20 Vict. c. 47) и 1857 года (id., 20. 21. V. c. 17), изъ коихъ послѣднее издано въ дополненіе и отчасти въ измѣненіе постановленій перваго, какъ главнаго акта. Ср. *C. Schwebemeyer*, Das Actiengesellschafts-, Bank- und Versicherungs-Wesen in England. Berl. 1857. (Здѣсь разсмотрѣнъ только первый актъ въ общемъ очеркѣ). *C. Güterbock*, Die englischen Actiengesellschaftsgesetze von 1856 und 1857. Berl. 1858. *N. Lindley*, A treatise on the law of partnership etc. Lond. 1860, p. 5. 132. 486. 1167 и др.

[2] На континентѣ акціонерное законодательство, развивавшееся долго въ видѣ отдѣльныхъ политико-коммерческихъ привилегій, впервые получило форму общихъ правилъ во французскомъ торговомъ кодексѣ 1808 года (Code de com. art 29—38, 40, 41, 44, 45, 46). Положенія его, послужившія образцомъ для большей части европейскихъ законоположеній объ акціонерныхъ обществахъ, приняты вполнѣ въ Бель-

стоинства и недостатки. Преимущество, конечно, на сторонѣ первой, такъ-какъ она болѣе удовлетворяетъ принципу промышленной свободы. Но слишкомъ дробная регламентація можетъ вести къ ея стѣсненію. Впрочемъ, дѣло не въ количествѣ законныхъ правилъ, а въ ихъ цѣли, въ свойствѣ началъ, какими они проникнуты; въ дробности правилъ, при извѣстномъ ихъ направленіи, болѣе гарантіи противъ произвола, нежели въ краткости ихъ и чрезмѣрной общности. Нѣтъ акціонернаго законодательства, которое было бы такъ обильно по многочисленности правилъ, какъ англійское: одинъ главный актъ 1856 года заключаетъ въ себѣ 116 статей болѣе или менѣе обширныхъ, не говоря о приложеніяхъ; но не должно думать, чтобы содержаніе ихъ было направлено къ ограниченію акціонерной свободы, напротивъ: въ немъ не находимъ ни малѣй-

---

гіи, вел. герц. Баденскомъ, Ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ, Женевѣ, Моденѣ, Папской области, Греціи, Валахіи и съ нѣкоторыми измѣненіями въ Сардиніи, королевствѣ обѣихъ Сицилій и на Іоническихъ островахъ. Въ 1856 г. изданы, какъ мы видѣли, особыя правила объ акціонерныхъ обществахъ на вѣръ. — Въ Испаніи дѣйствуютъ постановленія торговаго кодекса (Codigo de commercio) 1830, ст. 276 — 295; въ Португалліи — Codigo commercial Portuguez 1833, ст. 538 — 546; въ Голландіи — уставъ торговли (Wetboek von Koophandel) 1838, ст. 36 — 56. — Что касается до Пруссіи, то дѣйствовавшее тамъ положеніе объ акціонерныхъ обществахъ (Gesetz über Actiengesellschaften) 9 ноября 1843 г., равно какъ и постановленія о торговыхъ обществахъ вообще (Handelsgesellschaften) замѣнены постановленіями обще-германскаго торговаго кодекса, редакція коего, подвергавшаяся обсужденію и измѣненіямъ въ разныхъ конференціяхъ начиная съ 1849 г., недавно окончена и одобрена уже многими изъ нѣмецкихъ государствъ.

шихъ стѣсненій для образованія компаній, ни произвольнаго вмѣшательства правительства въ ихъ внутреннее управленіе. Притомъ — что весьма замѣчательно — въ англійскомъ законодательствѣ раціонально опредѣлено отношеніе общихъ правилъ къ уставамъ отдѣльныхъ компаній. Мы привыкли смотрѣть на частный уставъ компаніи, какъ на особенный законъ, опредѣленіями котораго нерѣдко отмѣняется дѣйствіе общихъ правилъ. Въ англійскомъ же законодательствѣ общія правила имѣютъ значеніе неизмѣнныхъ нормъ; что же касается до частныхъ уставовъ, составленіе коихъ предоставлено усмотрѣнію предпринимателей смотря по свойству предпріятій, то въ нихъ ни повторяются ни измѣняются общія законныя правила. Въ руководство при ихъ составленіи постановлены, въ видѣ прибавленія къ основному акту 1856 г., особыя подробныя регулятивныя нормы (Regulations, tab. B.) въ числѣ 87 параграфовъ, но онѣ обязательны только въ томъ случаѣ, если не постановлены другія нормы въ самыхъ условіяхъ ассоціаціи (articles) или если онѣ примѣнимы къ данному предпріятію (Act. 1856, § IX). — Что касается до системы непосредственнаго вмѣшательства государственной администраціи, то, хотя она по видимому и даетъ государству возможность пристально слѣдя за отдѣльными случаями акціонерной предпріимчивости и за дѣятельностію компаній, предотвращать вредъ, грозящій общественному благосостоянію; но безотносительное примѣненіе этой системы, не соображаемое съ самими свойствами предпріятій, можетъ обратиться въ стѣснительную опеку, не чуждую отвѣт-

ственности самого государства предъ цѣлымъ обществомъ.

Русское законодательство [1] придаетъ акціонернымъ обществамъ характеръ государственно-экономическій. Прямо высказывая, что эти общества «учреждаются по видамъ государственнаго хозяйства» (т. X, ст. 2131), оно тѣмъ самымъ даетъ знать, что народная промышленность, въ формѣ акціонерной, подчинена хозяйственному управленію и усмотрѣнію государственной администраціи. Изъ этого нельзя однакожъ выводить поспѣшное заключеніе, чтобы законодательство было направлено къ стѣсненію свободы акціонерной промышленности. Такому выводу противорѣчило бы основное начало нашей экономической политики, ясно высказанное самимъ законодательствомъ въ слѣдующихъ словахъ: «Во всѣхъ Министерствахъ, особливо же въ тѣхъ, коихъ предметомъ есть государственное хозяйство и общая промышленность, должно наблюдать, чтобъ мѣрами излишняго надзора и многосложностію правилъ не стѣснить частной предпріимчивости. Истинные способы

[1] Со времени появленія россійско-американской компаніи, законодательство объ акціонерныхъ обществахъ ограничивалось отдѣльными привилегіями и нѣсколькими частными узаконеніями до 1836 г. 6 дек., когда впервые было издано общее положеніе о компаніяхъ на акціяхъ. Оно вошло въ Сводъ Законовъ (Т. X. 2131, 2139 — 2198. Т. XI, Уст. торг., ст. 751, 769, 777, 778) и, съ немногими дополненіями, сохраняетъ доселѣ силу. Ср. *К. Неволина*, Исторія рос. гражд. законовъ (Т. III) § 457. Изъ сочиненій, посвященныхъ объясненію административнаго и юридическаго устройства нашихъ компаній, можно, сверхъ упомянутой выше статьи Н. Бунге, указать на прекрасныя статьи *А. Скачкова* «Очерки акціонернаго права», въ Ж. д. акц. 1857 и 1858 г.

сего управленія должны состоять болѣе въ отвращеніи препятствій, нежели въ точномъ и понудительномъ предписаніи путей, коими должна шествовать промышленность. Здѣсь скорѣе найти и указать ихъ можетъ частная польза, нежели законъ» (Свод. Зак. т. I. учр. мин. ст. 202). Правда, либеральный этотъ принципъ встрѣчаетъ какъ-бы противорѣчіе во множествѣ отдѣльныхъ законодательныхъ опредѣленій, въ которыхъ нельзя не видѣть стѣсненій для промышленной свободы. Но на такія опредѣленія должно смотрѣть какъ на обветшалые остатки тѣхъ экономическихъ понятій, которыя въ былыя времена господствовали и въ западной Европѣ, и какъ на историческое отраженіе того направленія, которое было насаждено внутренней политикой Петровскихъ временъ. Наше древнее общество долго жило безъ высшаго организующаго начала; ему недоставало такого элемента, который вдохнулъ бы единство въ сферу общественныхъ интересовъ. Появленіе Петра было необходимо для того, чтобы верховнымъ могуществомъ подчинить всѣ разрозненныя стихіи одной цѣли, и дѣйствіемъ сверху создать ту гармонію, какой не представлялъ древній нашъ общественный порядокъ. Въ государственномъ элементѣ, сплотившемъ общество въ одно цѣлое, нельзя не видѣть одного изъ естественныхъ проявленій въ развитіи общественной жизни; да и странно было бы смотрѣть на реформу Петра, какъ на явленіе искусственное, какъ на дѣло насилія, погубившаго естественное развитіе нашей народности: допетровское общество было уже приготовлено къ внутреннему обновленію, преобразова-

ніе было неизбѣжно. Понятно, что государство, какъ организующій, принудительный элементъ общества, должно было дѣйствовать на развитіе общественныхъ силъ образовательно и подчинить своему надзору и своей опекѣ всю народную дѣятельность. Разъ установившись, образовательное вліяніе государства пустило глубокіе корни въ нашу общественную жизнь. Долго жили мы подъ его гнетомъ. Но оказалось, что мѣрка, пригодная для одного возраста, несостоятельна и тягостна для другаго, высшаго. Петровское направленіе, судя по многимъ признакамъ, доживаетъ свой вѣкъ, конецъ его приближается. Мудрая современная политика нашего правительства пришла къ убѣжденію, что въ старыхъ, отжившихъ формахъ нельзя жить народу, что излишнее попеченіе сверху — въ тягость не только народу, но и самому государству, и что многія стороны въ нашемъ законодательствѣ не удовлетворяютъ болѣе современнымъ нуждамъ и требуютъ преобразованій. Новое направленіе государственной мысли высказалось въ особенности въ сферѣ экономической жизни народа. Устами самого правительства высказано вновь и съ большею противъ прежняго силою свободное начало, живительное для народной промышленности; именно, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ министра внутреннихъ дѣлъ за 1857 годъ прямо сказано, что «нельзя всего сдѣлать правительству для частной промышленности, и потому ей нужно самой о себѣ позаботиться, и что всякій излишній контроль и излишняя заботливость правительства, боязливое попечительство и излишнее опасеніе его упустить изъ-подъ надзора многосторонее хозяйство

въ промышленности, пріучаетъ народъ всего надѣяться, ждать и требовать отъ правительства, а самъ онъ остается въ бездѣйствіи, отвыкаетъ думать о самомъ себѣ, ему тяжело всякое усиліе, наконецъ онъ тупѣетъ и свыкается съ недостатками и мрачными сторонами экономическаго быта своего»[1]. Очевидно, что само правительство, руководимое голосомъ опыта, стремится снять съ народной промышленности путы, сжимающія и парализующія ея свободу. Новѣйшіе проекты по торговому праву, по таможенной части и др., не говоря уже объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, служатъ краснорѣчивѣйшимъ тому доказательствомъ. Точно такъ-же новый проектъ преобразованій по акціонерному законодательству ясно свидѣтельствуетъ, что положеніе о компаніяхъ на акціяхъ 1836 года, составленное въ то время, когда у насъ акціонерная дѣятельность почти еще не существовала, признано правительствомъ за отсталое, устарѣлое, не соотвѣтствующее нынѣшнимъ требованіямъ промышленной жизни. Руководясь направленіемъ и духомъ современной нашей законодательной и административной политики, укажемъ на тѣ немногія постановленія дѣйствующаго законодательства, въ которыхъ представляются стороны, не вполнѣ согласныя съ принципомъ акціонерно-промышленной свободы.

Начнемъ съ вопроса о *свободѣ образованія* акціонерныхъ обществъ.

---

[1] См. Жур. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1858.

Въ ряду постановленій, имѣющихъ вліяніе на эту свободу, стоитъ общее основное правило, по которому «ни одна компанія на акціяхъ не можетъ быть учреждаема безъ особаго *разрѣшенія правительства*» (т. X, 2140). Такъ-какъ дозволеніе или запрещеніе со стороны правительства не можетъ состояться безъ предварительнаго обсужденія свойствъ и послѣдствій проектируемаго предпріятія, то въ отношеніи къ свободѣ акціонерной промышленности означенное правило представляетъ особенную важность со стороны внѣшнихъ условій его осуществленія, именно по тѣмъ формальностямъ, съ которыми соединено исходатайствованіе дозволенія на учрежденіе компаній.

Формальности, которыми обставлено учрежденіе компаній, заключаются въ слѣдующемъ: 1) просьба о дозволеніи учредить компанію, вмѣстѣ съ проектомъ устава, а также съ привилегіей, если компанія составляется для приведенія въ дѣйствіе новаго изобрѣтенія, и съ актомъ объ уступкѣ ея въ пользу компаніи, и наконецъ съ приложеніемъ, если нужно, чертежей и плановъ, представляется въ то министерство или главное управленіе, до котораго преимущественно предметъ компаніи относится (т. X, 2189 — 2192, ср. 2145), а именно: въ министерство финансовъ — объ учрежденіи торговыхъ компаній (т. I, учр. мин. ст. 409 п. 15), въ министерство государственныхъ имуществъ — объ учрежденіи компаній по части сельскаго хозяйства (ib., ст. 946, п. 9) и т. д. Смотря по роду предпріятія, для совокупнаго обсужденія такихъ просьбъ приглашаются члены и изъ другихъ вѣдомствъ; если же, по свойству

предпріятія, министры и главноуправляющіе особыми частями встрѣтятъ сомнѣніе, гдѣ именно просьба должна быть разсмотрѣна, то происшедшее о томъ разномысліе рѣшится комитетомъ министровъ (т. X, 2189). 2) Проектъ устава разсматривается и исправляется въ министерствѣ по сношенію съ учредителями, и если будетъ признанъ заслуживающимъ законнаго одобренія, а учредители согласятся на указанныя имъ исправленія или же возраженія ихъ будутъ найдены уважительными, то проектъ вносится, съ заключеніемъ министра, или въ комитетъ министровъ, когда требуется одно дозволеніе на учрежденіе компаніи, или въ государственный совѣтъ, когда испрашиваются сверхъ того особыя преимущества или исключительная привилегія. Въ послѣднемъ случаѣ министръ при представленіи своемъ присовокупляетъ выписку статей устава, заключающихъ въ себѣ особыя преимущества компаніи, для поднесенія ихъ отдѣльно на Высочайшую конфирмацію (т. X. 2196, 2198, 2141). Наконецъ, 3) положеніе комитета министровъ или государственнаго совѣта возводится на Высочайшее соизволеніе и утвержденіе, по воспослѣдованіи котораго, равно какъ и конфирмаціи отдѣльныхъ статей, уставъ приводится въ дѣйствіе и во всеобщую извѣстность, по представленію министра, чрезъ правительствующій сенатъ (т. X, 2197). — Узаконенная процедура представляетъ важныя неудобства въ хозяйственномъ отношеніи. Извѣстно, какую роль въ успѣхѣ промышленныхъ предпріятій играетъ своевременность исполненія. Можно бы указать на множество случаевъ, въ которыхъ малѣйшее промедленіе въ учрежденіи компаніи можетъ

быть не только убыточно для предпринимателей, не успѣвшихъ воспользоваться дешевизной потребнаго для предпріятія товара или продукта, но и можетъ повлечь большія потери для цѣлаго общества, если родившаяся потребность, возникшій запросъ, особенно въ военное время, не могутъ быть удовлетворены во-время. Медленность въ разрѣшеніи, условливаемая указанными формальностями, тѣмъ ощутительнѣе, чѣмъ большее пространство раздѣляетъ предпринимателей отъ центра высшей нашей администраціи. Въ этомъ отношеніи вопросъ о государственномъ дозволеніи нигдѣ не представляетъ такой важности, какъ въ Россіи, при громадной ея обширности и при плохомъ состояніи нашихъ путей сообщенія. Съ ходатайствомъ о разрѣшеніи соединены хлопоты и издержки, для которыхъ не у всякаго предпринимателя есть и средства и свободное время, и которыя падаютъ на компанію тяжкимъ бременемъ. Сверхъ того, хожденіе по дѣлу предполагаетъ болѣе или менѣе близкія отношенія съ разными административными учрежденіями, а для этого нерѣдко необходимо спеціальное умѣнье, ловкость, близкое знаніе торныхъ путей, — словомъ, своего рода искусство обдѣлывать удачно дѣла, свойственное опытнымъ спекуляторамъ и лицамъ, носящимъ у французовъ названіе «faiseurs». Нерѣдко призываются на помощь связи, покровительство и личный авторитетъ вліятельныхъ особъ, что также обходится компаніи не даромъ. Изъ всего этого проистекаютъ тѣ капитальныя неудобства, на которыя мы уже указывали, какъ на причины слабаго развитія нашей акціонерной дѣятельности. Это —

4

централизація компаній и громадность предпріятій, стѣсняющія свободу предпріимчивости и составляющія донынѣ предметъ справедливаго ропота экономистовъ и публицистовъ. Мы не говоримъ, чтобы прямымъ источникомъ такихъ неудобствъ было законодательство: источникъ ихъ надо искать прежде всего въ слабомъ развитіи у насъ духа мѣстной и скромной предпріимчивости вообще; но несомнѣнно, что формальности, о которыхъ мы говорили, представляютъ менѣе затрудненій для большихъ капиталистовъ или столичныхъ предпринимателей, чѣмъ для мелкихъ капиталистовъ и предпринимателей дальнихъ мѣстностей, которымъ трудно тянуться за крупными спекуляторами и не съ руки отдаленное ходатайство и хожденіе по акціонернымъ дѣламъ.

Но, если законодательство признаетъ дозволеніе правительства необходимымъ условіемъ учрежденія каждой акціонерной компаніи, то безъ сомнѣнія должны быть на то столь важныя основанія, что слѣдуетъ примириться и съ невыгодами узаконенныхъ формальностей. Дѣйствительно, положительныя законодательства и теорія выставляютъ разныя основанія, оправдывающія необходимость государственнаго одобренія и вмѣшательства въ дѣло акціонерной промышленности. Впрочемъ, этотъ вопросъ доселѣ не рѣшенъ наукой окончательно: недавно еще онъ былъ предметомъ жаркихъ преній при обсужденіи проекта обще-германскаго торговаго кодекса. Не вдаваясь въ подробности, разсмотримъ и попытаемся оцѣнить два главныя основанія, предлагаемыя наукой и законодательствами. Одно изъ нихъ можно назвать юридическимъ, а другое—благоустройственнымъ.

Взглянемъ сначала на юридическое основаніе. Полагаютъ, что соизволеніе правительства на учрежденіе каждаго акціонернаго общества необходимо для того, чтобы такое общество было признаваемо *юридическимъ лицомъ*. Этого мнѣнія держатся донынѣ многіе изъ извѣстныхъ германскихъ юристовъ [1]; оно было высказано и въ нѣкоторыхъ иностранныхъ законоположеніяхъ [2]. Въ основаніи этого мнѣнія лежитъ раздѣляемое многими воззрѣніе, что акціонерному обществу, безъ внѣшняго признанія, не можетъ быть присвоиваемо значеніе юридическаго лица. Не смотря на значительное число поборниковъ противоположнаго воззрѣнія, вопросъ о юридической личности акціонернаго общества представляетъ столько спорныхъ сторонъ, что мы

---

[1] Напр. *Thöl*, Das Handelsrecht. B. I, (1854), § 44. *Brinkmann*, Lehrb. d. Handels-Rechts. Heidelb. 1860. § 59. S. 233. *Goldschmidt*, Kritik des Enfwurfs eines Handelsgesetzbuchs für die Preuss. Staaten. Heidelberg. 1857.

[2] Прусскій законъ объ акціонерныхъ обществахъ 9 ноября 1843 говоритъ въ § 8: «Actiengesellschaften erlangen durch die landesherrliche Genehmigung die Eigenschaft juristischer Personen». Въ проектѣ гражданскаго кодекса для кор. Саксонскаго (Дрезд. 1852) въ § 1365 говорится. «Ein Actienverein erlangt durch seine Bestätigung die Rechte einer juristischen Person». Въ ст. 181 прусскаго проекта торговаго законодательства 1857 г. положеннаго въ основу совѣщаній объ общегерманскомъ торговомъ кодексѣ, сказано: «Actiengesellschaften können nur mit landesherrlicher Genehmigung errichtet werden». Въ числѣ основаній этого положенія составители выставляютъ слѣдующее: «Dieselbe (landesherrliche Bestätigung) erscheint unumgänglich,... um die von jeder bestimmten Persönlichkeit abgetrennte Gesellschaft als selbstständige Handelsperson ins Leben zu führen».

не можемъ, при всей краткости нашей рѣчи, обойти его совершеннымъ молчаніемъ, считая рѣшеніе его не чуждымъ и нашей цѣли. Попытаемся же показать, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, насколько справедливо признаніе акціонернаго общества юридическимъ лицомъ, и насколько основательны возраженія писателей, защищающихъ противное мнѣніе.

Юридическимъ лицомъ называется, въ отличіе отъ отдѣльнаго, физическаго лица, всякое отвлеченное понятіе, которому присвоиваются права и обязательства; таковы преимущественно разнообразные союзы людей, общества и заведенія. Для того, чтобы общество было признаваемо юридическимъ лицомъ, первое условіе то, что оно должно быть самостоятельнымъ субъектомъ права, независимо отъ правъ отдѣльныхъ его членовъ. Можетъ ли быть приписываемо такое свойство акціонерному обществу? Руководясь въ особенности юридическими началами нашего законодательства, мы должны дать отвѣтъ утвердительный. Въ самомъ дѣлѣ, акціонерное общество является прежде всего самостоятельнымъ субъектомъ имущественныхъ правъ. Ему приписывается самостоятельное право собственности: складочный капиталъ признается собственностію компаніи, а не отдѣльныхъ акціонеровъ. Таковъ основной признакъ всякаго юридическаго лица, выражаемый юристами въ слѣдующей формулѣ: «quod universitas possidet, singula ejus membra non possident». Рѣзкое отдѣленіе права собственности компаніи отъ имущественныхъ правъ отдѣльныхъ ея членовъ открывается яснѣе всего изъ юридическихъ отношеній компаніи къ третьимъ лицамъ

по имущественнымъ обязательствамъ: кредиторомъ или должникомъ являются здѣсь не отдѣльные акціонеры, а само общество, какъ самостоятельный субъектъ права собственности. Таковъ ясный смыслъ юридическаго положенія, высказаннаго Ульпіаномъ: «Si quid universitati debetur, singulis non debetur: nec, quod debet universitas, singuli debent [1]. Поэтому, если компаніи придется подвергнуться взысканію, то оно падаетъ на общественное имущество (складочный капиталъ), не касаясь частной собственности акціонеровъ, и, еслибъ этого капитала было недостаточно для удовлетворенія кредиторовъ компаніи, дальнѣйшее взысканіе недоплаченнаго не можетъ имѣть мѣста: общество можетъ стать банкротомъ, хотя-бы отдѣльные акціонеры сами по себѣ были лица вполнѣ состоятельныя. Это начало выражено въ нашемъ законодательствѣ такъ: «Отвѣтственность компаніи ограничивается складочнымъ капиталомъ, акціонеръ же отвѣчаетъ только вкладомъ своимъ, поступившимъ уже въ собственность компаніи» (т. X, 2172; ср. 2139). Таково же значеніе отвѣтственности компаніи по обязательствамъ, возникающимъ изъ правонарушеній (ср. т. X, 683). Самостоятельное право собственности компаніи подтверждается и слѣдующимъ постановленіемъ относительно привилегій: «Получившій привилегію на новое изобрѣтеніе, если пожелаетъ привести оное въ дѣйствіе посредствомъ компаніи, долженъ прежде переуступить ей свою привилегію, оставаясь затѣмъ при об-

---

[1] Dig. 3. 4. L 7. § 1. quod cuj. un. Cp. *Savigny*, System des heutigen röm. Rechts (B. II), § 92.

щихъ только правахъ учредителя компаніи или простаго акціонера» (т. X, 2145, ср. 2152). Далѣе, независимо отъ обязательствъ, заключаемыхъ компаніею съ третьими лицами (т. X, 2188, 1780), и обязательствъ, вытекающихъ изъ правонарушеній, она является самостоятельнымъ субъектомъ обязательствъ, установленныхъ самимъ закономъ; такъ, компанія, предметъ которой есть предпріятіе собственно торговое, или фабрично-заводское, обязано снабжать себя ежегодно, соотвѣтственно складочному капиталу своему, установленнымъ торговымъ свидѣтельствомъ (т. X, 2149), не смотря на то, что, можетъ быть случайно, у каждаго изъ участниковъ есть уже такое свидѣтельство, чего, впрочемъ, не требуется закономъ, по самому существу компаніи (ср. т. XI, уст. тор. 751, 769). Какъ юридическому лицу, акціонерному обществу присвоено и независимое отъ отдѣльныхъ акціонеровъ право судебной защиты: въ процессѣ оно является истцомъ и отвѣтчикомъ въ силу собственнаго права (т. X, 2187). Самое право автономіи, насколько оно допущено законодательствомъ (т. X, 2153, 2182), является достояніемъ компаніи, а не отдѣльныхъ акціонеровъ. — Другой неизбѣжный признакъ юридической личности акціонернаго общества заключается въ томъ, что оно имѣетъ представителей, въ смыслѣ органовъ его дѣятельности, каковы: правленіе компаніи и общее собраніе акціонеровъ (т. X, 2174, 2175). Представительство (Vertretung) есть существенное условіе, безъ котораго юридическое лицо не могло бы осуществлять своихъ правъ, не могло бы проявлять своей дѣятельности. — Словомъ, личность компаніи не должна быть смѣши-

ваема съ личностію отдѣльныхъ акціонеровъ. Акціонеръ можетъ вступать во всякія юридическія отношенія съ компаніей на правахъ сторонняго, чуждаго ей лица; качество акціонера не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на эти отношенія. Компанія и акціонеръ стоятъ въ отношеніи другъ къ другу какъ два самостоятельные субъекта правъ.

Тѣ, которые отвергаютъ юридическую личность акціонернаго общества, сводятъ юридическую его характеристику обыкновенно къ понятію о товариществѣ, сближая послѣднее съ римскимъ societas. Справедливо ли это? Товарищество, по общему основному своему характеру, есть чисто-личное обязательственное отношеніе [1]. Существенные его признаки заключаются въ слѣдующемъ: 1) Товарищество установляется по взаимному согласію всѣхъ членовъ безъ исключенія (solo consensu); такого согласія требуетъ и вступленіе новаго товарища; всякое измѣненіе въ личномъ составѣ влечетъ разрушеніе товарищества: вступаетъ ли новый членъ или выходитъ одинъ изъ прежнихъ товарищей, цѣлое товарищество ipso jure разрушается и возникаетъ новое. 2) Товарищество есть существенно союзъ отдѣльныхъ лицъ, связанныхъ между собою

[1] Оно основано на консенсуальномъ договорѣ въ строжайшемъ смыслѣ слова, и характеръ его весьма наглядно выраженъ римскими юристами въ слѣд. словахъ: «Qui admittitur socius, ei tantum socius est, qui admisit, et recte; quum enim societas consensu contrahatur, socius mihi esse non potest, quem ego socium esse nolui; quid ergo, si socius meus eum admisit? Ei soli socius est. Nam socii mei socius, meus socius non est». L. 19, l. 20. Dig. 17, 2, pro socio.

узами солидарной и полной ответственности; въ отношеніи же къ стороннимъ оно не имѣетъ значенія цѣльной личности; оттого его фирма (raison sociale) должна быть именная — должна носить имя по крайней мѣрѣ одного изъ товарищей; публика знаетъ не общество, а опредѣленныя лица, съ которыми имѣетъ дѣло и на которыхъ, въ случаѣ нужды, обращаетъ свои притязанія: ответственнымъ по долгамъ является каждый товарищъ порознь. 3) Всѣ юридическія отношенія въ товариществѣ, всѣ права и обязанности установляются, измѣняются и уничтожаются не иначе, какъ согласіемъ всѣхъ членовъ безъ исключенія. Таковы отличительныя черты товарищества, которыя оно сохраняетъ вездѣ не смотря на отдѣльныя уклоненія. — Ни одного изъ этихъ признаковъ не находимъ въ акціонерномъ обществѣ. Указывая на внѣшніе признаки юридической личности акціонернаго общества, каковы въ особенности — самостоятельное право собственности и представительство, мы видѣли, что въ отношеніи къ публикѣ акціонерное общество является цѣльнымъ лицомъ: публика не знаетъ товарищей, отдѣльныхъ акціонеровъ, а имѣетъ дѣло съ самой компаніей; отвѣтственность по долгамъ падаетъ, какъ мы видѣли, не на акціонеровъ порознь, а на цѣлое общество. Но есть еще внутренніе признаки, которые яснѣе указываютъ на различіе акціонернаго общества отъ товарищества и подтверждаютъ мнѣніе о юридической личности перваго. Объяснимся.

Акціонерное общество не есть союзъ товарищей, какъ отдѣльныхъ лицъ, это — цѣльный живой организмъ

(universitas personarum, corporation)[1]. Органическая его природа ярко обнаруживается: 1) Въ возникновеніи и образованіи общества. Оно не можетъ, конечно, установиться безъ сознанія и воли участниковъ, но здѣсь не имѣетъ мѣста договоръ между основателями и акціонерами, или послѣднихъ между собою объ учрежденіи общества, какъ въ товариществѣ (pactum de ineunda societate). Уставъ общества не можетъ быть разсматриваемъ какъ товарищескій договоръ между участниками (Gesellschaftsvertrag), ибо для составленія его и измѣненій нѣтъ нужды въ единогласіи всѣхъ членовъ. Общество можетъ считаться учрежденнымъ, хотя-бы и не всѣ акціи были разобраны. Измѣненія въ личномъ составѣ не требуютъ согласія всѣхъ участниковъ: каждый акціонеръ можетъ продать свою акцію, подарить, уступить кому хочетъ. Личность акціонера и его личныя отношенія вовсе не принимаются въ соображеніе: совершенно безразлично, кто владѣлецъ акціи — честный ли человѣкъ или отъявленный плутъ, христіанинъ ли или магометанинъ; находятся ли акціи въ рукахъ двадцати или ста лицъ. Это — союзъ какъ-бы безличный; отдѣльныя личности скрываются за обществомъ безъименнымъ (société anonyme), которое и не носитъ имени ни одного изъ участниковъ, а заимствуетъ свое названіе отъ предметовъ или свойства самаго пред-

---

[1] Юридическое лицо и корпорація поставлены здѣсь за синонимы. Многіе отождествляютъ эти понятія, но между ними есть и различіе. Каждая корпорація есть юрид. лицо, но не на-оборотъ: не каждое юрид. лицо — корпорація. Ср. *Bluntschli,* Deutsches Privatrecht. Münch. 1860. (2-te Aufl.) § 40, S. 89 слѣд.

пріятія (ср. т. X, 2148). Акціонеры мѣняются съ первой минуты возникновенія общества, и, какъ-бы эта мѣна ни совершалась часто и быстро, она не имѣетъ никакого вліянія на существованіе самого общества: есть компаніи, пережившія многія генераціи членовъ. 2) Органическая природа акціонернаго общества высказывается въ особенности въ характерѣ внутреннихъ юридическихъ отношеній. Сущность внутренней организаціи общества служитъ наилучшимъ оправданіемъ юридической его личности. Товарищество, какъ мы видѣли, образуетъ такое соединеніе лицъ, которое является только юридическимъ отношеніемъ между членами; соединеніе же лицъ въ акціонерномъ обществѣ есть отношеніе общества къ его членамъ, и на-оборотъ Это типическая черта всякаго юридическаго лица, всякой корпораціи: здѣсь нѣтъ юридическихъ отношеній между членами, а отношеніе самого общества къ членамъ. Особенность такого отношенія, чуждая товариществу, заключается въ господствѣ корпораціи надъ ея членами. Такое отношеніе нагляднѣе всего представляется намъ въ юридическихъ лицахъ публичнаго права, каковы: государство и общины; равнымъ образомъ — и во всѣхъ общественныхъ соединеніяхъ, устроенныхъ собственно не для опредѣленнаго количества отдѣльныхъ лицъ, но для неопредѣленной массы наличныхъ и будущихъ членовъ, при чемъ само общество является какъ нѣчто цѣлое, совершенно отличное отъ какихъ-либо отдѣльныхъ членовъ. Разительное сходство съ такими юридическими лицами представляетъ и акціонерное общество: ни въ чемъ здѣсь не видно какихъ-либо

отношеній между самими акціонерами, а выпукло даетъ себя знать элементъ господства общества надъ членами; оно высказывается, во-первыхъ, въ автономіи: общество составляетъ уставъ, слѣдовательно осуществляетъ свою законодательную власть надъ своими членами, настоящими и будущими; во-вторыхъ, въ принципѣ рѣшенія дѣлъ посредствомъ большинства голосовъ: воля общества имѣетъ силу, какъ рѣшеніе большинства членовъ. Притомъ, воля общества, какъ юридическаго лица, рѣзко различается отъ воли отдѣльныхъ членовъ тѣмъ, что у него свои особенные органы, которые не должно смѣшивать съ отдѣльными акціонерами; что для государства — правитель, правительство, государственныя учрежденія, сословія, что̀ для волости — волостное правленіе, что̀ для городской общины — бургомистръ и т. п., то для акціонерной компаніи — общее собраніе акціонеровъ, правленіе, наблюдательные комитеты и т. п. — Наконецъ, органическій характеръ акціонернаго общества открывается и въ значеніи самаго устава. Уставъ для общества то-же, что основные законы для государства. Какъ основной государственный законъ образуется и развивается волею органовъ государства, такъ и уставъ — волею органовъ компаніи; какъ государственное устройство не есть продуктъ договора между отдѣльными членами государственнаго общества, точно такъ-же и учрежденіе обществъ чуждо договорнаго характера; уставъ есть регуляторъ для организма общества, точно такъ-же какъ основной государственный законъ — регуляторъ для цѣлаго государственнаго организма. Очевидно, что акціо-

нерное общество и государство, какъ живые организмы, во многихъ отношеніяхъ выдерживаютъ строгое сравненіе: не даромъ въ государствѣ англійскомъ нашли сходство съ большой акціонерной компаніей. — И такъ, юридическое различіе между акціонернымъ обществомъ и товариществомъ несомнѣнно. Правда, акціонерныя общества и товарищества ставятся обыкновенно подъ одну рубрику (Handelsgesellschaften, sociétés civiles et commerciales); и у насъ акціонерная компанія называется и обществомъ и товариществомъ; но дѣло не въ названіи. Наше законодательство признаетъ товарищество, какѣ и слѣдуетъ, собственно только въ двухъ видахъ — полное и на вѣрѣ (т. XI, уст., торг., 750), компанія же на акціяхъ или по участкамъ поименована въ ряду товариществъ (т. X, 2128) только ради параллели: во всѣхъ отдѣльныхъ постановленіяхъ (т. X, 2132, 2139 и сл.) компанія рѣзко различается отъ товарищества.

Послѣ всего сказаннаго едва-ли можно сомнѣваться въ юридической личности акціонернаго общества[1]. По

---

[1] Cp. *F. A. Marbach,* Ein Wort über den Rechtscharakter der Actiengesellschaft. Leipz. 1844, особ. стр. 5 — 8. *R. Hermann,* Der Rechtscharacter der Actienvereine. Leipz. 1858. *Bluntschli,* Deutsches Privatrecht. Münch. 1860. § 39, S. 87 — 88; § 139, S. 383, *F. Bluhme,* System des in Deutschland geltenden Privatrechts. Bonn. 1855. § 28, 29, 379 — 382, 539. *Koch,* Lehrb. d. Preuss. gem. Privatrechts. Berl. 1857. B. I, § 394 not. 1. *Lindley,* o. c., p. 2. 3. У французскихъ юристовъ юридическая личность анонимнаго общества признана за несомнѣнную истину. Начала нашего права прекрасно выяснены въ лекціяхъ *Д. Мейера,* Русское гражданское право. С.-Пб. 1861. § 15 — 18, стр. 130 — 152. Есть писатели, которые, признавая юридическую личность акціонернаго

нельзя умолчать и о тѣхъ возраженіяхъ, которыя выставляются писателями, отстаивающими товарищескій его характеръ: 1) Отрицая право собственности компаніи, какъ юридическаго лица, говорятъ, что складочный капиталъ есть собственность всѣхъ акціонеровъ, что имъ принадлежитъ на это имущество общее право собственности (condominium pro indiviso, Miteigenthum) по идеальнымъ долямъ, т. е. каждому изъ нихъ принадлежитъ это имущество соразмѣрно числу его акцій, почему каждый изъ нихъ участвуетъ въ правахъ и обязательствахъ компаніи pro rata. Дѣйствительно, складочный капиталъ образуется изъ вкладовъ, внесенныхъ акціонерами и потому въ сущности есть ихъ достояніе. Отсюда слѣдуетъ только, что это имущество не можетъ принадлежать не акціонерамъ; но если право собственности приписывается компаніи, то вѣдь ея юридическая личность не чужда самимъ акціонерамъ, безъ которыхъ, какъ видимой подкладки, она и не мыслима. Приписывая же право собственности на общественное имущество самимъ акціонерамъ, нельзя было бы объяснить, во-первыхъ, характера внѣшней отвѣтственности, которая не можетъ же падать на вещь, а падаетъ на лицо, и мы видѣли, что если-бы отдѣльные

общества, объясняютъ ее посредствомъ олицетворенія компанейскаго имущества. Ср. напр. *Demelius*, «Ueber fingirte Persönlichkeit» въ Jahrbücher f. die Dogmatik des heut. röm. und deut. Privatrechts, herausg. v. C. F. v. Gerber. Jena. 1860. IV B. 1 Heft. Не останавливаясь здѣсь на разборѣ этого мнѣнія, замѣтимъ вообще, что непонятно, какимъ образомъ имущество можетъ быть въ одно время объектомъ и субъектомъ права.

акціонеры разсматривались, какъ собственники общественнаго имущества, то была бы необъяснима несостоятельность компаніи при полной состоятельности самихъ акціонеровъ; во-вторыхъ, если на имущество акціонернаго общества смотрѣть какъ на общую собственность акціонеровъ, то каждый акціонеръ имѣлъ бы право распоряжаться частью этого имущества, соотвѣтствующею цѣнности его акцій, напр. дѣлать заемъ на счетъ этого имущества; тогда-какъ въ акціонерномъ обществѣ это не возможно: нельзя сказать, что напр. владѣтель $^1/_{20}$ части всѣхъ акцій можетъ юридически распоряжаться двадцатою частію имущества компаніи. Правда, акція, какъ личная собственность акціонера, находится въ полномъ его распоряженіи: она можетъ быть продаваема, передаваема по наслѣдству (т. X, 2167), закладываема (ib. 2168), обращаема на удовлетвореніе падающихъ на владѣльца ея взысканій (т. X, 2173); но отсюда не вытекаетъ права распоряженія соотвѣтственною долею компанейскаго имущества; нашъ законъ прямо говоритъ, что «въ случаѣ несостоятельности акціонера по долгамъ казеннымъ или частнымъ, капиталъ, внесенный имъ за акціи, остается неприкосновенною собственностію компаніи» (т. X, 2173. ср. 2136). Право распоряженія акціями нельзя сводить къ праву распоряженія долею имущества, подлежащаго общему праву собственности, уже потому, что первое совершенно свободно и для компаніи безразлично, тогда-какъ второе условливается согласіемъ сохозяевъ (ср. т. X, 548, 555). Притомъ, осуществленіе общаго права собственности, требующее общаго единодушнаго согласія всѣхъ сохо-

зяевъ (ib. 546. 554), не примѣнимо къ праву собственности на имущество компаніи, осуществленіе коего совершается большинствомъ голосовъ (т. X, 2180, 2182, 2184), не имѣющимъ силы по отношенію къ общему праву собственности. Въ-третьихъ, капиталъ принадлежитъ къ разряду имуществъ раздѣльныхъ, слѣд. если-бы складочный капиталъ компаніи былъ объектомъ общаго права собственности акціонеровъ, то каждый совладѣлецъ имѣлъ бы право требовать раздѣла (Theilungsklage, ср. т. X, 550), что однакожъ, при существованіи компаніи, не можетъ имѣть мѣста. Въ нѣкоторыхъ уставахъ иностранныхъ компаній упоминается о несуществованіи такого права для акціонеровъ, но эта оговорка совершенно излишняя. — Говорятъ, что имущество компаніи принадлежитъ не ей и потому, что прибыль съ него идетъ, въ силу общаго права собственности, другимъ субъектамъ права — акціонерамъ. Право полученія дивиденда указываетъ только на существенное имущественное право, даваемое акціей, но не говоритъ въ пользу общаго права собственности: право лица на полученіе дохода съ имущества не указываетъ еще на принадлежность ему и права собственности на это имущество. — Общее право собственности акціонеровъ оправдываютъ и тѣмъ, что, при прекращеніи акціонернаго общества, имущество его не становится безхозяйнымъ (bonum vacans), а переходитъ въ руки акціонеровъ. И это возраженіе не сильнѣе прочихъ: акціонеры пріобрѣтаютъ такое право тогда, когда съ прекращеніемъ компаніи оканчиваетъ свое бытіе и юридическая ея личность, слѣд. разрушается самостоятельная ея правоспо-

собность. До тѣхъ же поръ, пока она существуетъ, акціонеры являются только какъ-бы вѣрителями компаніи по внесеннымъ ими вкладамъ и удерживаютъ этотъ характеръ до окончанія ликвидаціи дѣлъ общества, наравнѣ съ сторонними вѣрителями по обязательствамъ, пользующимися даже правомъ первенства предъ акціонерами на удовлетвореніе (т. X, 2188). 2) Признающіе акціонерное общество за товарищество видятъ въ самихъ органахъ компаніи не болѣе какъ повѣренныхъ, прикащиковъ (institores), говоря, что директоры компаніи суть не что иное какъ уполномоченные, повѣренные акціонеровъ. Но, во-первыхъ, всякое законодательство признаетъ директоровъ или членовъ правленія уполномоченными не акціонеровъ, а компаніи, и лицами отвѣтственными предъ самой компаніею (ср. т. X, 2181); во-вторыхъ, повѣренный въ товариществѣ является въ отношеніи къ принципалу его не болѣе какъ помощникъ, замѣняющій лицо товарища, и притомъ присутствіе его въ товариществѣ случайно, зависитъ отъ доброй воли товарищей; конечно, фактически и въ товариществѣ распоряжается дѣлами обыкновенно одно лицо, но этимъ не отнимается право распоряженія у сотоварищей[1]. Представители же или органы акціонернаго общества — единственные и необходимые субъекты, могущіе юридически проявлять волю общества, и

[1] Мы не говоримъ здѣсь о товариществѣ на вѣрѣ, въ коемъ вкладчики, какъ участники безгласные (stille Gesellschafter, sleeping or dormant partners), и не считаются товарищами въ собственномъ смыслѣ (ср. Т. X, 2135. Т. XI, уст. торг. 774, 775).

безъ которыхъ дѣятельность и существованіе общества не возможно; отчего и назначеніе ихъ безусловно требуется самимъ закономъ.

Если такимъ образомъ юридическая личность акціонернаго общества не подлежитъ сомнѣнію, то и несправедливо мнѣніе, что признаніе общественной власти необходимо для усвоенія компаніи такого значенія. Это значило бы—юридическую личность признавать за свойство даровое, присвоиваемое волею правительства любому соединенію людей: никакому обществу не можетъ быть придаваемо такое свойство государственною властію, если оно не имѣетъ его по своему существу, по своей внутренней организаціи. Словомъ, юридическая личность акціонернаго общества не создается государствомъ: значеніе юридическаго лица принадлежитъ ему независимо отъ признанія общественной власти. Но этого недостаточно, когда идетъ рѣчь о внѣшнихъ отношеніяхъ компаніи, о столкновеніяхъ ея съ публикой и съ судебною или другою властію. Какъ отвлеченное понятіе, юридическая личность не имѣетъ дѣйствительнаго бытія, подобно лицу физическому, безъ внѣшняго признанія: замкнутое въ самомъ себѣ оно въ этомъ не нуждается; выступая же наружу, входя въ сношенія съ внѣшнимъ міромъ, оно несомнѣнно нуждается въ признаніи общественной власти, въ противномъ случаѣ и органы судебной власти въ-правѣ были бы игнорировать безличный субъектъ права. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы каждое акціонерное общество порознь, для внѣшняго признанія, нуждалось въ разрѣшеніи правительства; признаніе государства можетъ

выражаться уже въ томъ, если закономъ опредѣлены условія, при выполненіи которыхъ общество получаетъ ipso jure значеніе самостоятельной юридической личности во внѣшнемъ быту: отдѣльныя санкціи власти замѣняетъ общая санкція самого закона. Въ нашемъ законодательствѣ акціонерное общество не называется юридическимъ лицомъ, да и вообще, такое названіе въ немъ вовсе не встрѣчается. Въ нѣкоторыхъ иностранныхъ кодексахъ прямо высказано, что акціонерное общество есть юридическое лицо [1]. Мы не считаемъ нужнымъ, чтобы въ кодексъ непремѣнно было введено это выраженіе. Что наше законодательство признаетъ акціонерныя общества за лица юридическія, это очевидно изъ цѣлаго юридическаго ихъ устройства, равно какъ изъ того положенія, въ силу котораго къ лицамъ, могущимъ пріобрѣтать имущества, отнесены не только частныя лица, но и заведенія, общества и компаніи (т. X, 698), слѣд. признаются въ значеніи субъектовъ права; но въ ряду такихъ лицъ поставлены и товарищества, которымъ однакожъ не можетъ быть усвоено значеніе юридическихъ лицъ [2]. Поэтому мы думаемъ, что во

---

[1] Такъ напр. въ проектѣ торговаго кодекса для корол. Виртемб. сказано въ ст. 256: «Die Actiengesellschaft ist eine Rechtsperson». Въ проектѣ обще-герм. торговаго кодекса, по ред. франкф. 1849 (Tit. III, cap. 4, art. 80): «Die Actiengesellschaft ist als solche und abgesehen von den einzelnen Actionären Subject von Rechten und Verbindlichkeiten»; въ послѣдующихъ редакціяхъ выраженія измѣнены, но смыслъ остался тотъ-же.

[2] Есть, правда, писатели, которые и товариществу приписываютъ юридическую личность, напр. Блунчли (Deutsches Privatrecht, 1860. § 39. S. 88); и у насъ недавно, по поводу вопроса о подсудности дѣлъ

избѣжаніе недоразумѣній, въ самомъ законодательствѣ должно быть выражено такое значеніе акціонерныхъ обществъ, хоть-бы по примѣру проекта обще-германскаго торговаго кодекса[1].

Другое основаніе, которымъ оправдывается необходимость правительственнаго утвержденія каждаго акціонернаго общества, можно, въ отличіе отъ перваго (юридическаго), назвать, вообще говоря, благоустройственнымъ. Оно заключается въ необходимости огражденія интересовъ публики, вступающей въ юридическія отношенія съ учредителями или самой компаніей, интересовъ цѣлаго народнаго хозяйства и общественнаго блага вообще. Нѣтъ сомнѣнія, что не всякое предпріятіе, за которое берется компанія, можетъ быть названо позволительнымъ и безвреднымъ для общества; притомъ акціонерная спекуляція рѣдко является чуждою наростовъ, губительныхъ не только для отдѣльныхъ капиталистовъ и лицъ, имѣющихъ съ компаніями дѣла, но и для всей народной экономіи. Независимо отъ законовъ, возбраняющихъ всякія предосудительныя общества, въ

страховыхъ обществъ, высказано, что «всякое общество или *товарищество* есть не что иное, какъ лицо юридическое» (см. Ж. М. Юст. 1861, и Бирж. вѣд. № 42). Но послѣ того, что мы сказали о юридическомъ различіи товарищества и акціонернаго общества, едва-ли можетъ быть одобрено такое пониманіе.

[1] Напр. сообразно съ ст. 198 по редакціи конференціи 4 ноябр. 1857 года: «Die Actiengesellschaft als solche hat selbstständig ihre Rechte und Pflichten, sie kann Eigenthum und andere dingliche Rechte an Grundstücken erwerben; sie kann vor Gericht klagen und verklagt werden».

нашемъ законодательствѣ есть рядъ опредѣленій, обозначающихъ сферу акціонерной предпріимчивости, а именно: 1) предметомъ компанейской дѣятельности можетъ быть всякое предпріятіе, относящееся къ области наукъ, искусствъ, художествъ, ремеслъ, мореплаванія, торговли и промышленности [1]; въ частности устройство желѣзныхъ дорогъ, внутреннихъ водяныхъ сообщеній, водопроводовъ, страхованіе и другія подобныя предпріятія (т. X. 2140, 2143, 2200), за исключеніемъ тѣхъ, которыя прямо изъяты изъ круга частной предпріимчивости, напр. телеграфическія линіи (XII, уст. тел. ст. 16); 2) дозволяются только предпріятія общеполезныя (X, 2140); вовсе же не допускаются къ учрежденію «компаніи, коихъ предметъ представляется явно несбыточнымъ или противнымъ законамъ нравственности, доброй вѣрѣ въ торговлѣ и общественному порядку, или наконецъ соединенъ съ важнымъ ущербомъ государственнымъ доходамъ, либо съ вредомъ для

---

[1] У насъ компаніи отнесены къ области гражданскаго и торговаго права, причемъ высказано, что онѣ не прямо принадлежатъ къ занятіямъ купечества (т. XI, уст. тор. 751), и хотя раздѣленіе ихъ на гражданскія и торговыя не выражено въ самомъ законодательствѣ, но оно условливается самимъ свойствомъ предпріятій и прямыми указаніями закона, какія предпріятія должно считать торговыми. У нѣмцевъ всѣ акціонерныя общества, наравнѣ съ товариществами, называются Handelsgesellschaften, къ чему подходитъ и названіе французскихъ sociétés commerciales, но не въ томъ смыслѣ, что всѣ компаніи имѣютъ предметомъ торговыя предпріятія, а въ томъ, что цѣль ихъ чисто-промышленная, что онѣ основываются для извлеченія изъ предпріятій матеріальной прибыли. Ср. *Brinkmann* § 59, not. 1. *Gerber*, Syst. des deut. Privatr. 1858, § 195. 197.

промышленности» (т. X, 2151); 3) предметомъ компаніи можетъ быть предпріятіе, не составляющее ничьей исключительной собственности (т. X, 2140); наконецъ 4) учрежденіе такихъ заведеній, коихъ близость можетъ причинить вредъ сосѣдственнымъ зданіямъ или жителямъ, дозволяется компаніямъ единственно съ тѣми ограниченіями и предосторожностями, какія содержатся уже въ законахъ, или впредь постановлены будутъ, на счетъ размѣщенія и устройства въ городахъ частныхъ заводовъ, мануфактурныхъ, фабричныхъ и другихъ заведеній (т. X, 2150). Сверхъ того различныя ограниченія и правила относительно состава и образа дѣйствія каждой компаніи постановлены, по словамъ самого закона, въ видахъ огражденія акціонеровъ и публики (т. X, 2158). Не довольствуясь общими постановленіями, законодательство считаетъ необходимымъ, чтобы уставъ каждаго общества былъ подвергаемъ разсмотрѣнію правительства, предписывая, чтобы при такомъ обсужденіи принималось въ соображеніе: а) соотвѣтствуетъ ли проектъ общимъ законамъ и правиламъ объ акціонерныхъ компаніяхъ, б) въ достаточной ли степени ограждаются имъ права и интересы всѣхъ тѣхъ, кои пожелаютъ участвовать въ компаніи, и в) не нарушаются ли предполагаемыми въ проектѣ особыми условіями законныя права третьяго лица (т. X, 2193, ср. 2198.).

Не чего распространяться о томъ, что для вѣрнаго обсужденія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, насколько полезно или безвредно учрежденіе того или другаго общества, необходимы спеціальное знаніе дѣла и безукоризненная добросовѣстность въ органахъ государ-

ственной власти. Но нельзя не высказать, что не такъ легко, какъ кажется, правительственное обсужденіе вопросовъ народной промышленности, рѣшеніе которыхъ должно быть соображаемо съ естественнымъ развитіемъ экономическаго быта и возможно лишь при дружномъ содѣйствіи науки и опыта, въ особенности при новизнѣ предпріятія, объ успѣхѣ или исходѣ котораго нельзя напередъ сказать ничего вѣрнаго, такъ что не представляется безусловнаго основанія ни запретить его ни дозволить. Требуя для учрежденія каждой компаніи разрѣшенія правительства, законодательство само высказываетъ, что это разрѣшеніе «не заключаетъ въ себѣ ручательства правительства въ успѣхѣ самаго предпріятія» (т. X, 2142). Правда, не только правительство, но и никто не можетъ поручиться за устойчивость предпріятія противъ неблагопріятныхъ случайностей, столь свойственныхъ коммерческому міру. Но развѣ безуспѣшность предпріятія, которое правительствомъ разрѣшено, остается безъ всякаго вреднаго вліянія на народное хозяйство, когда масса капиталовъ затрачивается безплодно и отвлекается отъ дѣйствительныхъ потребностей народной производительности, и наоборотъ, развѣ запрещеніе не можетъ случайно пасть на предпріятіе, которое могло бы оказаться полезнымъ не только для предпринимателей, но и для цѣлаго общества? Очевидно, что правительство, присвоивая себѣ право дозволенія и запрещенія относительно всѣхъ обществъ безъ различія и исключенія, принимаетъ на себя въ томъ и другомъ случаѣ неизмѣримую нравственную отвѣтственность предъ цѣ-

лымъ обществомъ. Съ другой стороны, действительно ли достигается предполагаемая законодательствомъ цѣль посредствомъ правительственнаго разсмотрѣнія проектовъ, — доставляетъ ли оно на самомъ дѣлѣ интересамъ и правамъ акціонеровъ и публики надежную гарантію? Безпрерывныя ихъ нарушенія и неудовлетворительная редакція большей части уставовъ невольно заставляютъ усомниться въ этомъ. Поэтому и въ огражденіи интересовъ находятъ недостаточное основаніе для оправданія правительственнаго разрѣшенія и полагаютъ, что въ свободѣ образованія компаній, огражденной законами, несравненно болѣе гарантіи для общественнаго блага, нежели въ попечительномъ вмѣшательствѣ государственной администраціи. Не будемъ однакожъ поспѣшны въ приговорѣ. Для того, чтобы правильно оцѣнить направленіе законодательства въ этомъ вопросѣ, нельзя не обратить вниманія на то, что, постановляя общее правило о правительственномъ разрѣшеніи, оно несомнѣнно имѣло въ виду преимущественно тѣ предпріятія, которымъ приписывается значеніе государственно-экономическое; это видно изъ заявленія самаго закона, что компаніи на акціяхъ «учреждаются по видамъ государственнаго хозяйства» (т. X, 2131). Это воззрѣніе даетъ возможность вступить на истинный путь, ведущій, думаемъ, къ правильному отвѣту на вопросъ, не рѣшенный окончательно и раціонально ни въ одномъ законодательствѣ.

Въ какомъ смыслѣ должно понимать государственно-экономическое значеніе компаній и всѣмъ ли компаніямъ можетъ быть оно придаваемо? Подъ названіемъ госу-

дарственной экономіи или государственнаго хозяйства, котораго никакъ нельзя смѣшивать съ народнымъ или общественнымъ хозяйствомъ [1], разумѣется финансовая дѣятельность государства (Staatswirthschaft, Finanzverwaltung) [2], но не исключительно. Государственное хозяйство въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ (Volkswirthschaftspflege) означаетъ, по смыслу нашего законодательства, ту хозяйственную дѣятельность государства, которая, подчиняя народную экономію государственному управленію, имѣетъ цѣлію удовлетвореніе общихъ потребностей народа, какъ вещественныхъ, такъ и моральныхъ. Таково именно значеніе т. н. «благоустройственной» дѣятельности государства [3]. Всматриваясь въ предметы этой дѣятельности, нельзя не замѣтить, что есть общественныя потребности, которыя не могутъ

---

[1] См. *П. Горлова,* Начала полит. экономіи. Спб. 1859. т. I, стр. 17.

[2] Ср. *Bülau,* Encyclopaedie der Staatswissenschaften. Leipz. 1856. § 39, not. 2, S. 363.

[3] Редакція Свода Законовъ назвала законы благоустройства законами государственнаго хозяйства. См. Обозр. истор. свѣдѣній о Сводѣ законовъ. Спб. 1837, стр. 116. По примѣру нѣмецкихъ писателей, особенно Р. Моля, у насъ многими принято называть благоустройственную дѣятельность государства полицейскою, а законы благоустройства — полицейскими законами, причемъ опираются между прочимъ и на намекъ самого законодательства о полиціи «въ высшемъ и особомъ значеніи слова». Намъ кажется, что это названіе должно быть исключительно усвоено той сторонѣ государственной дѣятельности, которая имѣетъ въ виду предупрежденіе и пресѣченіе безпорядковъ разнаго рода, проистекающихъ какъ изъ превратнаго направленія общественной нравственности (общественно-моральная полиція), такъ и изъ неблагопріятныхъ условій экономической и матеріальной жизни (хозяйственная полиція).

быть предметомъ свободной предпріимчивости частныхъ лицъ, и которыхъ удовлетвореніе можетъ быть достояніемъ только самого государства, составляя исключительное его право или, вѣрнѣе, обязанность. Хозяйственная дѣятельность, направленная къ удовлетворенію такихъ и только такихъ потребностей, должна носить государственно-экономическое значеніе по преимуществу. Ни частное лицо, ни частное общество не могутъ притязать на безусловное право такой дѣятельности, которая выходитъ за предѣлы индивидуальныхъ правъ. Во многихъ случаяхъ, разумѣется, не все равно, какъ удовлетворяются народныя потребности — дѣятельностію ли частныхъ лицъ и ассоціацій или же дѣятельностію самого государства; поэтому государство предоставляетъ, уступаетъ тѣ или другія стороны своей дѣятельности частнымъ лицамъ и компаніямъ, напр. устройство публичныхъ желѣзныхъ дорогъ, пароходныхъ сообщеній, почтъ, телеграфовъ и т. п. Очевидно, что эти уступки, *концессіи*, сообщаютъ самимъ компаніямъ характеръ государственный. Компаніи въ такомъ случаѣ замѣняютъ собою государство; ихъ дѣятельность лежитъ на отвѣтственности самого государства предъ цѣлымъ обществомъ [1]. Слѣд. именно только тѣ компаніи, которыя въ силу концессіи осуществляютъ права государства, и получаютъ характеръ государственно-экономическій. Онѣ называются нерѣдко при-

---

[1] Такое сопоставленіе отвѣтственности государства и компаній, имѣющихъ государственное значеніе, видно, по крайней мѣрѣ по отношенію къ гражданскимъ обязательствамъ, изъ ст. 683 Т. X гражд. зак.

вилегированными, но это вѣрно только въ томъ смыслѣ, что не можетъ же государство предоставить право, во всѣхъ отношеніяхъ одинаковое, нѣсколькимъ компаніямъ; вѣрнѣе назвать ихъ *концессіонными* или *государственно-экономическими*. Такія компаніи, очевидно, не могутъ учреждаться самовольно, иначе это было бы произвольнымъ присвоеніемъ правъ государственныхъ; учрежденіе ихъ должно условливаться разрѣшеніемъ правительства. Самый выпуклый примѣръ такихъ предпріятій — въ компаніяхъ желѣзныхъ дорогъ, которыя, по существу дѣла, нуждаются въ законныхъ привилегіяхъ, каковы: экспропріація частной поземельной собственности, составляющая право самого государства, владѣніе публичными дорогами и т. п. Нельзя исчислить всѣ роды компанейскихъ предпріятій, подлежащихъ разрѣшенію правительства, такъ-какъ число ихъ въ каждомъ государствѣ различно и можетъ измѣняться по мѣрѣ расширенія или съуженія области концессій; такъ напр. устройство телеграфныхъ линій, изъятое у насъ изъ круга компанейской дѣятельности, можетъ быть, по примѣру иностранныхъ государствъ, со временемъ ей предоставлено. Разграниченію компаній концессіонныхъ отъ другихъ болѣе всѣхъ удовлетворяетъ законодательство англійское: для нѣкоторыхъ компанейскихъ предпріятій и въ немъ требуется разрѣшеніе правительства, даваемое посредствомъ акта парламента или королевской грамоты (Royal Charter, Letterspatent). Таковы chartered companies. Сюда относятся: устройство желѣзныхъ дорогъ, шоссе, каналовъ, мостовъ, водопроводовъ и подобныхъ сооруженій,

для которыхъ необходимо занятіе государственной земли или обязательное отчужденіе частной поземельной собственности. Но и въ англійскомъ законодательствѣ замѣтно отсутствіе твердаго принципа для обозначенія компанейскихъ предпріятій, подлежащихъ разрѣшенію правительства; такъ, сюда донынѣ отнесены всѣ страховыя компаніи, а банки вычеркнуты изъ списка такихъ компаній только съ 1857 года (Joint Stock Banking Companies Act, 20. 21. Vict. c. 49). Подробное и тщательное разсмотрѣніе проектовъ и уставовъ предпріятій здѣсь необходимо, хотя бы оно было сопряжено съ установленными закономъ формальностями: въ предпріятіяхъ, лежащихъ на отвѣтственности государства и въ коихъ принимаютъ участіе интересы и права цѣлаго общества, экономія времени, играющая вообще важную роль въ частной предпріимчивости, должна быть на второмъ планѣ; государственное значеніе предпріятія требуетъ осмотрительнаго и зрѣлаго обсужденія. — Иное дѣло предпріятія *частныя*, не состоящія въ связи съ правами государства. Конечно, связь ихъ съ интересами народнаго хозяйства такъ-же тѣсна, какъ и предпріятій, носящихъ публичный характеръ; но источникъ ихъ — въ правѣ свободной частной предпріимчивости и свободной конкурренціи, независимомъ отъ государственныхъ концессій. Нужно ли разрѣшеніе правительства на учрежденіе обществъ, основываемыхъ напр. для бумагопрядильнаго производства, для кожевенныхъ издѣлій, для выдѣлки корковыхъ пробокъ, для обжиганія кирпича, для торговли шерстью и т. п., равнымъ образомъ — на учрежденіе такого

акціонернаго общества, котораго предпріятіе ограничивается территоріею отдѣльнаго лица и не нуждается въ уступкѣ чужой поземельной собственности? Вопросъ этотъ разрѣшается очень просто: все, что закономъ дозволено предпринимать частному лицу или товариществу безъ особаго разрѣшенія правительства, должно быть дозволено и компаніи на такомъ же основаніи. Масса фабрикъ, заводовъ и разныхъ коммерческихъ и промышленныхъ предпріятій основываются же отдѣльными капиталистами безъ того, чтобы требовалось дозволеніе государства и исполненіе соединенныхъ съ этимъ формальностей; для чего же эти требованія распространять на тѣ-же предпріятія потому только, что они облекаются въ форму акціонерную? И потому, во имя избавленія промышленности отъ стѣснительныхъ формальностей, желательно, чтобы правило о разрѣшеніи правительства не распространялось на предпріятія имѣющія частный характеръ. Изъявляя такое желаніе, мы не думаемъ ставить законодательству въ вину, что оно всѣмъ компаніямъ приписало значеніе государственно-экономическое; припомнимъ, что это воззрѣніе внесено въ сводъ законовъ, путемъ исторической кодификаціи, изъ узаконенія 1807 года, когда у насъ было всего, кажется, двѣ компаніи: одна — россійско-американская, а другая — для постройки кораблей [1], компаній же собственно частныхъ еще и не было.

И такъ, первое существенное измѣненіе въ нашемъ акціонерномъ законодательствѣ должно состоять въ

---

[1] Ук. 1805 сент. 6 (№ 21,900).

томъ, что акціонерныя компаніи должны быть раздѣлены на два разряда, изъ которыхъ къ одному должны быть отнесены компаніи *концессіонныя* или *государственно-хозяйственныя* или же, проще, *публичныя*, а ко второму компаніи *частно-хозяйственныя* или просто *частныя*, съ тѣмъ, чтобы разрѣшеніе правительства было поставлено непремѣннымъ условіемъ только при учрежденіи первыхъ, и чтобы уставъ каждой публичной компаніи, представляя какъ-бы контрактъ ея съ государствомъ, былъ издаваемъ въ видѣ особеннаго закона. Что же касается до послѣднихъ, предпріятія которыхъ не нуждаются въ государственной концессіи, ни въ экспропріаціи поземельной собственности, можно было бы примѣнить правила, существующія у насъ относительно товариществъ (т. X, 2132. XI, уст. торг., 766, 767), или же принять въ образецъ правила, постановленныя англійскимъ закономъ 1856 (Joint Stock Companies Act 19. 20. Vict. c. 47) для большей части промышленныхъ и торговыхъ компаній, и притомъ обязательныя для каждаго общества, въ составѣ котораго числится болѣе 20 участниковъ, будутъ ли это чисто-акціонерныя общества съ передаваемыми акціями, или же обыкновенныя товарищества (partnerships). Составленіе частныхъ уставовъ, какъ-бы товарищескихъ контрактовъ, не должно быть соединено съ отмѣною общихъ правилъ, а соображаемо съ регулятивами относительно внутренняго управленія, которые, по примѣру англійскаго законодательства, должны быть, какъ мы видѣли (стр. 40), отдѣлены въ самомъ кодексѣ отъ общихъ правилъ. Предъявленіе выписки изъ

проекта предпріятія для засвидѣтельствованія въ думу или же въ особую регистратуру было бы достаточно, съ одной стороны, для того, чтобы возникновеніе новаго юридическаго лица получило законное признаніе въ томъ случаѣ, если его условія не противорѣчатъ общимъ законнымъ правиламъ, а съ другой стороны, какъ увидимъ, и для того, чтобы компанейское предпріятіе стало публикѣ извѣстнымъ. Замѣна узаконенныхъ формальностей такимъ порядкомъ была бы полезна и въ томъ отношеніи, что избавила бы правительство отъ излишней заботливости и отъ содержанія излишняго штата въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ.

Признавая вполнѣ необходимымъ разрѣшеніе правительства только для учрежденія компаній, имѣющихъ характеръ государственно - экономическій, нельзя ли однакожъ найти средство, чтобы совершенно избавить учрежденіе компаній отъ такого разрѣшенія? Такое средство представляется въ извѣстной уже намъ формѣ ассоціаціи — именно въ формѣ товарищества на вѣрѣ (sociétés en commandite par actions). Во французскомъ законодательствѣ, гдѣ впервые и получила санкцію эта форма, общее правило для анонимныхъ обществъ то-же, что и у насъ для обществъ акціонерныхъ, т. е. что ни одно изъ нихъ не можетъ быть учреждаемо безъ разрѣшенія правительства [1], и предписаны для ихъ учрежденія почти столь же строгія правила какъ и у насъ. Рядомъ съ этимъ правиломъ по-

---

[1] Code de com. art. 37: «La société anonyme ne peut exister qu'avec l'autorisation du roi, et avec son approbation pour l'acte qui la constitue».

мѣщено другое, по которому капиталъ товарищества на вѣрѣ можетъ быть также раздѣляемъ на акціи, безъ всякой отмѣны правилъ установленныхъ для этого рода товариществъ [1]. А къ числу такихъ правилъ относится и то, что для учрежденія товариществъ на вѣрѣ нѣтъ нужды испрашивать особаго разрѣшенія правительства, а достаточно предъявленіе компанейскаго контракта въ регистратуру окружнаго коммерческаго суда [2]. Такимъ образомъ и учрежденіе акціонерныхъ обществъ на вѣрѣ, по смыслу самого закона, избавлено отъ обязанности ходатайства о дозволеніи правительства. Этимъ удобствомъ, между прочимъ, и объясняется, почему спекуляторы жадно бросились на эту форму и основали массу подобныхъ обществъ. Предлагая введеніе этой формы и въ нашу акціонерную практику, имѣютъ въ виду, между прочимъ, и это удобство, и полагаютъ, какъ кажется, что предприниматели могли бы имъ воспользоваться, облекши акціонерное предпріятіе въ форму товарищества на вѣрѣ [3]. Мы думаемъ однакожъ, что формѣ товарищества на вѣрѣ у насъ никакъ нельзя давать того расширенія, какое она получила во Франціи, безъ особаго законно-выраженнаго дозволенія. Сходство вкладчиковъ и акціонеровъ, паевъ и акцій ничего не доказываетъ. Правда, стоитъ только акціи назвать паями,

---

[1] Ib. art. 36. « Le capital de la société anonyme se divise en actions et même en coupons d'action d'une valeur égale ». Art. 38: « Le capital des sociétés en commandite pourra être aussi divisé en actions, sans aucune autre dérogation aux règles établies pour ce genre de société ».

[2] Ib. art. 42.

[3] См. Рус. Вѣстникъ 1860, № 20, Совр. лѣт. стр. 417 и 420 прим.

какъ это допускается и закономъ (т. X, 2128 прим.) и практикой, и акціонерное общество назвать товариществомъ на вѣрѣ, и — можно бы повидимому избѣгнуть тѣхъ законныхъ требованій, которыя установлены для акціонерныхъ обществъ, довольствуясь предъявленіемъ условій товарищества въ думу или ратушу. Но это значило бы дѣйствовать въ обходъ закона, это была бы недобросовѣстная уловка, которою если доселѣ и пользуются на просвѣщенномъ континентѣ, то по крайней мѣрѣ подъ прикрытіемъ самого закона, ставшаго въ явное противорѣчіе съ строгимъ правиломъ, начертаннымъ для акціонерно-анонимныхъ обществъ. Такимъ образомъ мы полагаемъ, что дозволеніе акціонернымъ компаніямъ являться на свѣтъ въ формѣ и на правахъ товарищества на вѣрѣ, если это признано будетъ полезнымъ, должно быть выражено въ самомъ законодательствѣ. Съ другой стороны, разумѣется само собою, что никакая форма ассоціаціи не можетъ быть основаніемъ для совершеннаго устраненія вмѣшательства правительства. Есть же, какъ мы видѣли, предпріятія, которыя, по своему государственно-экономическому значенію, не могутъ быть осуществляемы безъ правительственнаго разрѣшенія. Очевидно, что это условіе не можетъ измѣниться отъ какихъ бы то ни было измѣненій въ формѣ акціонерныхъ компаній: при всякой формѣ оно должно сохранять неизмѣнную силу относительно тѣхъ компаній, которыя мы назвали концессіонными.

Съ дозволеніемъ на учрежденіе компаній можетъ быть, по закону, соединяемо дарованіе имъ разнаго рода *привилегій*, въ значеніи особыхъ преимуществъ или же исключительныхъ правъ (т. X, 2141).

Что касается до т. н. *особыхъ преимуществъ* или *льготъ*, то это временныя изъятія изъ общихъ правилъ, какъ-то: льготы въ податяхъ, повинностяхъ и т. п. (ib.)[1]. Сюда-же относятся денежныя пособія и субсидіи изъ казны, какими пользуется напр. русское общество пароходства и торговли; пріемъ акцій нѣкоторыхъ компаній въ закладъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ и для обезпеченія питейныхъ сборовъ (т. X, 1655 п. 7, 10 — 16, прим. 1, 2); также правительственныя гарантіи опредѣленнаго дохода на акціи, какими пользуется напр. главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, общество саратовской желѣзной дороги[2] и т. п. Льготы могутъ быть предоставляемы всѣмъ компаніямъ, даже тѣмъ, которыя не въ правѣ притязать на исключительныя привилегіи (т. X, 2144). Правила о срокѣ особыхъ преимуществъ, равно какъ о соображеніяхъ правительства при ихъ дарованіи и о столкновеніи проектовъ разныхъ компаній тѣ-же что и для привилегій въ собственномъ смыслѣ (т. X, 2146, 2156, 2157, 2159, 2194, 2195). Для акціонерной предпріимчивости льготы не представляютъ стѣсненій, напротивъ: онѣ поддерживаютъ и оживляютъ пред-

---

[1] Напр. товар. «Общественная Польза» освобождено 15 марта 1861 отъ платежа гильдейскихъ повинностей на 10 лѣтъ (Бирж. вѣд. № 89).

[2] § 15 Устава (Бирж. вѣд. № 104).

пріятія. Трудно впрочемъ установить опредѣленныя правила о томъ, въ какихъ случаяхъ правительство въ-правѣ предоставлять компаніямъ льготы: въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ осмотрительности и благоразумія государственной политики. Нѣтъ сомнѣнія, что льготы могутъ быть даруемы для предпріятій дѣйствительно общеполезныхъ и на успѣхъ которыхъ правительство можетъ разсчитывать, и, подобно привилегіямъ, могутъ быть отбираемы у компаній, если онѣ не выполнятъ принятыхъ на себя обязательствъ (т. X, 2159) или же вообще своими дѣйствіями не оправдаютъ ожиданій правительства. Въ противномъ случаѣ напрасная трата суммъ вредно отзывается на всемъ народномъ хозяйствѣ. Нельзя не привести словъ, высказанныхъ однимъ изъ нашихъ экономистовъ по поводу льготъ, которыхъ домогалось у нашего правительства главное общество желѣзныхъ дорогъ: «Никакое правительство — говоритъ онъ — не имѣетъ своего капитала, отдѣльнаго отъ народнаго или государственнаго. Слѣдовательно, кому бы оно ни давало деньги, и въ какомъ бы видѣ оно ихъ ни давало, оно беретъ ихъ у того же народа, а потому никто изъ народа не можетъ оставаться равнодушнымъ, видитъ ли онъ въ денежныхъ требованіяхъ, обращенныхъ къ правительству его страны, не болѣе какъ только настойчивое, а иногда и наглое вымогательство, или же усматриваетъ предпріятіе истинно полезное»[1]. Подобное воззрѣніе высказано было у насъ относительно громадныхъ по-

[1] См. Вѣстн. пром. 1861 № 7.

собій, получаемыхъ отъ правительства «Русскимъ обществомъ пароходства и торговли», — въ томъ смыслѣ, что дарованіе ихъ, при дурномъ управленіи общества, не только убыточно для націи, но и прямо служитъ стѣсненіемъ для другихъ компаній и частныхъ судохозяевъ, которые желали бы предлагать свои пароходы къ услугамъ негоціантовъ нашихъ южныхъ пристаней [1].

Иное значеніе имѣютъ *привилегіи* въ смыслѣ исключительныхъ правъ. Всякая ли привилегія стѣснительна для промышленной свободы? Есть привилегіи, безъ которыхъ предпріятіе вовсе не выполнимо; такова напр. экспропріація частной поземельной собственности, предоставляемая государству для устройства путей сообщенія и т. п. (т. X. 575, 576) и компаніямъ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ. Тутъ не можетъ быть рѣчи о стѣсненіи промышленности, потому-что ни одна подобная компанія не можетъ быть обойдена такою привилегіею. — Есть привилегіи, безъ которыхъ успѣшное исполненіе предпріятія было бы весьма затруднительно; таковы политическія и административныя права, предоставляемыя компаніямъ, занимающимся торговлею и другими промыслами въ странахъ отдаленныхъ. Это первоначальная юридическая почва, на которой возникло и развилось акціонерное законодательство. Примѣры такихъ привилегій представляютъ большія компанейскія

---

[1] См. статью г. *Чернышевскаго:* «Отвѣтъ г. Новосельскаго на статьи противъ управленія дѣлами Рус. О. П. и Торг.», въ Совр. 1861, № 2, и *П.* «Рус. общ. пар. и торг. въ отношеніи къ націи», въ С. п. б. Вѣд. 1861, № 114.

предпріятія, возникшія на западѣ съ конца 16-го вѣка и служившія орудіемъ для достиженія политическихъ и финансовыхъ цѣлей. У насъ такими привилегіями пользуется россійско-американская компанія, учрежденная въ 1799 г. (т. XI, уст. торг. 778 прим.). Раздача такихъ привилегій, вызываемая географическою необходимостію, должна быть разсматриваема какъ случай исключительный. Конкурренціи здѣсь мѣста нѣтъ. Компанія, которой предоставлено право держать войско, строить крѣпости, заключать съ сосѣдними народами договоры, представляетъ какъ-бы политическое тѣло, въ территоріи котораго, какъ status in statu, немыслима компанія равноправная. — Далѣе, есть привилегіи, въ осуществленіи которыхъ и заключается самое предпріятіе и которыя нерѣдко служатъ поводомъ къ учрежденію компаній. Таковы привилегіи въ смыслѣ исключительнаго, но срочнаго права собственности на изобрѣтеніе, открытіе или усовершенствованіе какого-либо общеполезнаго предмета, или способа производства въ искусствахъ, мануфактурахъ и ремеслахъ и по сельскому хозяйству (т. XI, уст. пром. 126, 125, 142 прим.). Компаніи предоставлено право пріобрѣтать привилегію, если она будетъ уступлена ей патентованнымъ изобрѣтателемъ посредствомъ узаконеннаго акта (т. X, 2145), и пользоваться ею въ теченіи опредѣленнаго срока (т. X, 2146, 2147, 2156, 2159). Такія привилегіи, приводятся ли въ исполненіе самимъ изобрѣтателемъ или посредствомъ компаніи, не могутъ быть стѣснительны для свободы промышленности: правами такого рода можетъ воспользоваться каждый изобрѣтатель. Намъ кажется

только, что могли бы быть устранены стѣсненія другаго рода. Привилегія на изобрѣтеніе, открытіе или усовершенствованіе есть частное право, которое можетъ въ теченіи срока, на который она выдана, переходить изъ рукъ въ руки, отъ одного лица къ другому (т. XI, уст. пром. 125, 129, 153). Поэтому, если закономъ дозволено компаніи пріобрѣтать привилегію уступкою отъ изобрѣтателя, то особое дозволеніе правительства на усвоеніе ея компаніи (ib. 154, и т. X, 2145, 2190), равно какъ на уступку привилегіи одною компаніею въ пользу другой (X, 2152), представляется излишнимъ. — Наконецъ, есть привилегіи въ смыслѣ промышленныхъ монополій.

Промышленная монополія, предоставляемая компаніи, заключается въ исключительномъ ея правѣ на занятіе извѣстною отраслію хозяйственной дѣятельности съ воспрещеніемъ того-же предпріятія въ теченіе извѣстнаго срока всѣмъ другимъ (т. X, 2141). На какомъ основаніи выдаются подобныя привилегіи? По воззрѣнію нашего законодательства, при рѣшеніи этого вопроса должны быть принимаемы въ соображеніе «предметъ предпріятія и способъ его исполненія», и потому исключительныя привилегіи могутъ быть даруемы тѣмъ компаніямъ, «которыхъ предпріятія, по свойству своему, требуютъ особенныхъ пособій науки или искусства, техническихъ производствъ и издержекъ на предварительное устройство заведеній, машинъ и т. п., каковы напримѣръ: компаніи для учрежденія желѣзныхъ дорогъ, внутреннихъ водяныхъ сообщеній, водопроводовъ и проч.»; не могутъ же получать привилегій «компаніи для такихъ

предпріятій или изобрѣтеній, гдѣ не предполагается сихъ особыхъ условій, или въ которыхъ доходъ начинается немедленно по составленіи складочнаго капитала, безъ предуготовительныхъ построекъ или работъ и безъ особаго риска въ приведеніи начинаній компаніи въ дѣйствіе, каковы напримѣръ: страховыя и тому подобныя заведенія» (X. 2143, 2144). Опытомъ и наукой дознано, что всякая монополія вредна и стѣснительна для промышленной свободы, въ особенности же монополіи, расширяющія предпріятія до размѣровъ громадныхъ по капиталу и по обхватываемой ими территоріи. Правда, свобода соперничества можетъ представлять нерѣдко преграду для возникновенія предпріятій, соединенныхъ съ рискомъ; но много ли наберется предпріятій, на успѣхъ которыхъ можно разсчитывать безусловно? Опасеніе же соперничества, вообще говоря, не должно служить основаніемъ предоставленія монополій: вѣдь соперничество нѣсколькихъ лицъ, занимающихся однимъ и тѣмъ-же предпріятіемъ, равно опасно для каждаго изъ нихъ, въ особенности же опасно для лицъ и компаній, занимающихся дѣломъ небрежно и неразсчетливо. Впрочемъ, законъ и не обязываетъ правительство безусловно выдавать исключительныя привилегіи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, подходящемъ подъ категорію тѣхъ компаній, коимъ онѣ могутъ быть даруемы; напротивъ, каждая просьба о привилегіи должна быть подвергаема тщательному обсужденію, при чемъ, по закону, «принимается на видъ важность предпріятія, ожидаемая отъ него для государства польза, и сообразно тому опредѣляется: въ какой степени и на какой именно

срокъ можетъ быть дарована привилегія» (т. X, 2194.). Соображая это правило въ связи съ тѣми законными основаніями, по которымъ компаніямъ могутъ быть предоставляемы привилегіи, нельзя не замѣтить, что каждый отдѣльный случай поставленъ въ зависимость отъ нерѣдко затруднительныхъ соображеній и усмотрѣнія органовъ государственной администраціи, а съ другой стороны, основанія, предлагаемыя законодательствомъ, хотя очевидно разсчитаны на поддержаніе и успѣхъ полезныхъ предпріятій, слишкомъ однакожъ сжимаютъ принципъ конкурренціи, оказывающей въ этомъ отношеніи гораздо болѣе услуги, нежели привилегіи. Возьмемъ для примѣра наше пароходство: по опыту извѣстно, что привилегированное плаваніе оказывалось менѣе удовлетворяющимъ интересамъ публики, чѣмъ плаваніе свободное. Для устраненія указанныхъ нами неудобствъ, слѣдовало бы, допуская монополіи, установить по-крайней-мѣрѣ такую законную мѣрку, при соблюденіи которой свобода промышленнаго соперничества подвергалась бы стѣсненіямъ только въ случаяхъ крайней необходимости. Мы не знаемъ такой мѣрки; но полагаемъ, что слѣдующія основанія могли бы служить достаточно-уважительными для предоставленія компаніямъ привилегій: 1) естественная несовмѣстимость нѣсколькихъ компаній для одного и того-же предпріятія, такъ напр. для сооруженія желѣзной дороги, водопровода, канала — на одномъ и томъ-же пространствѣ и по одному направленію. Поземельный участокъ, необходимый для выполненія предпріятія, можетъ быть въ распоряженіи только одной компаніи, тогда-какъ на одной и той-же рѣкѣ мо-

гутъ конкурировать нѣсколько пароходныхъ обществъ. Впрочемъ такая несовмѣстимость не можетъ служить къ ограниченію соперничества, ибо она допускаетъ возможность состязанія; поэтому справедливо постановленіе, въ силу котораго при столкновеніи просьбъ отъ разныхъ лицъ, желающихъ получить компанейскую привилегію для одного и того-же предпріятія, дается дальнѣйшій ходъ тому изъ проектовъ, который будетъ признанъ удобнѣйшимъ и обѣщающимъ наиболѣе выгодъ общихъ; если же въ предположеніяхъ нѣтъ существенной разницы, то — первому по времени подачи просьбы (X, 2195). 2) Настоятельная общественная потребность въ такомъ новомъ предпріятіи, которое, при своей общеизвѣстности, не возбуждаетъ духа предпріимчивости. При этомъ надо замѣтить, что такъ-какъ первый смѣлый и удачный примѣръ вызываетъ быстро послѣдователей, то, во-первыхъ, срокъ привилегіи отнюдь не долженъ быть продолжителенъ, и во-вторыхъ, кругъ дѣйствій привилегированнаго общества не долженъ быть столь обширенъ, чтобы для другихъ компаній закрытъ былъ доступъ къ тому же роду предпріятій. Цѣлое предпріятіе не должно быть исключительно предоставлено одному обществу, когда оно съ успѣхомъ могло бы быть исполнено нѣсколькими компаніями по частямъ: всѣмъ извѣстна малоуспѣшность дѣйствій главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, вынудившая недавно наше правительство снять съ этого общества обязательство по сооруженію линій Московско-Ѳеодосійской и Либавской [1].

[1] См. Вѣстн. промышл. 1860, № 6, стр. 166; 1861, № 7, стр. 7.

Мы указали на стѣсненія свободнаго образованія компаній, условливаемыя непосредственнымъ вліяніемъ правительства, и заключащіяся съ одной стороны въ порядкѣ «разрѣшенія», а съ другой въ раздачѣ привилегій. Но могутъ быть и есть другія законныя ограниченія акціонерной предпріимчивости, направленныя преимущественно къ подавленію духа пагубныхъ спекуляцій. — Мы уже видѣли, что не всѣ роды предпріятій дозволены компаніямъ, и что есть общественныя потребности, удовлетвореніе которыхъ государство оставляетъ за собою. Не останавливаясь на этомъ вопросѣ государственной политики, мы можемъ выразить только желаніе, чтобы государственныя концессіи болѣе и болѣе расширяли сферу частной промышленности, въ тѣхъ случаяхъ, когда опытомъ дознано, что то или другое предпріятіе, безъ обремененія государственной казны, успѣшнѣе можетъ быть осуществлено посредствомъ компаній, чѣмъ самимъ государствомъ. Наилучшіе иноземные образцы не могутъ служить безусловной мѣркой въ вопросѣ о концессіяхъ. Въ рѣшеніи его нельзя увлекаться безотчетнымъ подражаніемъ чужому, а должно руководиться хозяйственными и общественными условіями собственной страны. Въ этомъ отношеніи важенъ — по справедливому замѣчанію г. Бабста — примѣръ Англіи, которая постоянно, во всѣхъ своихъ реформахъ, искала и ищетъ только того, что ей полезно, что выгодно и что согласно съ ея потребностями. Нигдѣ не предоставлено столь обширнаго поля частной предпріимчивости и промышленности, а между-тѣмъ англійскій

парламентъ ни на минуту не задумался отказать въ утвержденіи новыхъ компаній желѣзныхъ дорогъ, когда замѣтилъ, что цѣлое общество заражено этою болѣзнію, и что надо его удержать отъ дальнѣйшихъ ошибокъ. И правительство, и мы всѣ — продолжаетъ онъ — одинаково сознаемъ необходимость предоставленія частной предпріимчивости и промышленности многаго, что до сихъ поръ было въ рукахъ правительства; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы можно было отдать въ руки частной компаніи почтовое вѣдомство, или сборъ таможенныхъ доходовъ, или, наконецъ, поручить сборъ виннаго откупа акціонерной компаніи и попасть, очертя голову, изъ огня въ полымя»[1].—Не будемъ также останавливаться на вопросѣ о законной мѣрѣ дробимости акціонернаго капитала. Правда, слишкомъ низкая цѣна акцій служитъ средствомъ легкаго привлеченія массы мелкихъ капиталовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ пищу и просторъ для развитія недобросовѣстныхъ спекуляцій, бросающихся на всякія, даже шаткія и несбыточныя предпріятія. Было и въ Англіи время такой спекуляціонной горячки, когда на удочку низкой цѣны акцій ловили массу неопытныхъ охотниковъ, основывая общества для разнаго рода химерныхъ предпріятій, напр. общество для устройства вѣчнаго движенія (perpetuum mobile), общество для превращенія свинца въ серебро, и т. п.; было даже учреждено одно общество, «предметъ предпріятія котораго будетъ объявленъ впослѣдствіи», и въ которомъ за двѣ гинеи выдавалась акція

[1] См. *П. Бабста*, Современныя нужды нашего народнаго хозяйства. Вѣстн. Пром. 1860, № 3, стр. 242 — 243.

въ 100 гиней. Подобныя явленія были не рѣдкостію даже до новѣйшаго времени и во Франціи. По пословицѣ «съ міру по ниткѣ», въ 1855 году образовалось въ Парижѣ общество съ капиталомъ въ 20 мил. фр. по 1 фр. за акцію, для осуществленія какого-то фантастическаго предпріятія — «pour le mariage de l'Amérique et de l'Afrique». И вотъ, для устраненія подобныхъ спекуляцій, сочли нужнымъ установить законное ограниченіе. Лѣтъ пять тому назадъ, почти въ одно время, установленъ minimum цѣны акцій въ двухъ государствахъ: во Франціи предѣломъ дробленія капитала акціонерныхъ обществъ на вѣрѣ назначено 100 фр., а въ Англіи, для компаній съ ограниченною отвѣтственностію, 10 ф. ст. Но противъ злоупотребленій спекуляторовъ, какъ увидимъ, есть болѣе дѣйствительныя средства, а такая мѣра, оттѣсняя мелкія сбереженія отъ участія въ серьёзныхъ предпріятіяхъ, ведетъ только къ напрасному стѣсненію промышленности, и потому желательно, чтобы нашъ законъ, предоставляющій установленіе цѣны акцій на волю учредителямъ компаній (т. X, 2160), сохранилъ полную силу и на будущее время. — Мы обратимъ здѣсь вниманіе на то, какимъ образомъ рѣшается въ нашемъ законодательствѣ вопросъ о *свободѣ обращаемости акцій*, возбуждающій по-нынѣ разногласія въ экономико-политической литературѣ.

Акціонерный вкладъ имѣетъ цѣлію такое помѣщеніе капитала, которое, доставляя возможность осуществить какое-либо предпріятіе, давало бы вкладчику прибыль. Владѣлецъ акціи является по отношенію къ компаніи

какъ-бы вѣрителемъ, поэтому акція, въ юридическомъ смыслѣ, есть долговой актъ, дающій его владѣльцу право на полученіе дивиденда. Такой актъ представляетъ частную личную собственность акціонера, которою онъ въ правѣ свободно распоряжаться по своему усмотрѣнію, на равнѣ со всякимъ другимъ движимымъ имуществомъ: передавать въ другія руки, продавать, обмѣнивать, назначать въ наслѣдство, обременять долгами, дѣлать предметомъ залога по ссудамъ и т. п. [1]. — Такою способностію перехода изъ рукъ въ руки не ограничивается однакожъ обращаемость акцій. Извѣстно, что нѣтъ предпріятія, по которому дивидендъ представлялъ бы неизмѣнную цифру: прибыль можетъ увеличиваться и уменьшаться. Мѣра дивиденда не можетъ не оказывать вліянія на самую цѣну акцій: она подвергается колебанію, которое вызывается не только извѣстною уже цифрою прибыли, но и всѣми соображеніями, по которымъ предвидится увеличеніе ея или уменьшеніе. Колебаніе начинается нерѣдко при самомъ выпускѣ акцій, задолго до открытія самихъ дѣйствій по предпріятію, при помощи искусственныхъ мѣръ употребляемыхъ спекуляторами въ печатныхъ объявленіяхъ и на биржѣ. Акціи утрачиваютъ первоначальную номинальную цѣнность и получаютъ биржевой рыночный курсъ, подверженный возвы-

---

[1] Т. X. 2167, 2173. Относительно ссудъ подъ акціи см. X, 2168; правила этой статьи, относящіяся къ С.-Петерб. биржѣ, распространены недавно на всѣ вообще ссуды подъ акціи между лицами всѣхъ состояній, какъ къ С.-Петербургѣ, такъ и во всѣхъ городахъ, гдѣ находятся маклеры. См. Бирж. вѣдом. 1861, № 128 (17 іюня).

шенію и понижепію. Колебаніе въ цѣнѣ акцій открываетъ возможность сдѣлать ихъ предметомъ выгодной биржевой спекуляціи, называемой торговлею акціями (Aktienhandel). Сбывая, покупая, перепродавая акціи, спекуляторы разсчитываютъ конечно на барыши. Спекуляція не довольствуется операціями на наличныя акціи и деньги, но главное свое примѣненіе ищетъ въ срочныхъ операціяхъ (opérations ou négociations à terme), называемыхъ большею частію биржевой игрой. Такая игра заключается въ куплѣ-продажѣ или, вѣрнѣе, въ поставкѣ акцій на срокъ по условленной цѣнѣ, не имѣя въ минуту заключенія сдѣлки ни акцій ни денегъ въ наличности, съ цѣлію барыша, зависящаго для одной стороны отъ повышенія, а для другой отъ пониженія курса; на самомъ же дѣлѣ эта сдѣлка имѣетъ обыкновенно не тотъ смыслъ, чтобы акція была дѣйствительно доставлена въ срокъ, а чтобы заплачена была разность курса, т. е. разница между условленною цѣною и курсомъ образовавшимся во время разсчета по сдѣлкѣ (Differenzgeschäft). Въ этомъ собственно и состоитъ сущность биржевой игры (jeu de bourse, Börsenspiel), совершаемой при помощи искусственнаго вліянія биржевыхъ спекуляторовъ на колебаніе цѣнъ, и носящей также названіе ажіотажа (agiotage), а жертвами этой игры дѣлаются обыкновенно увлеченіе, легковѣріе и неопытность. Биржевыя спекуляціи акціями особенно въ ходу во Франціи и Англіи. Было время, когда всякая торговля акціями совершенно запрещалась законами; но коммерческая политика пришла къ убѣжденію въ необходимости, не запрещая такой торговли,

ограничить вредныя ея проявленія установленіемъ предѣловъ обращаемости акцій. Въ нашемъ законодательствѣ съ 1836 года постановлены слѣдующія ограниченія въ этомъ отношеніи: 1) запрещенъ выпускъ акцій и срочныхъ росписокъ безъименныхъ, т. е. на предъявителя (au porteur, Inhaberactien), дозволены же только акціи именныя — съ точнымъ означеніемъ въ нихъ лица получателя, званіемъ или чиномъ, именемъ, отчествомъ и фамиліею (т. X. 2160, 2163). 2) Самое распоряженіе именными акціями стѣснено слѣдующими ограниченіями: a) Акція или срочная росписка можетъ переходить въ другія руки не иначе какъ посредствомъ передаточной надписи, отмѣчаемой каждый разъ въ правленіи компаніи, и b) всякія условія между частными лицами какъ на биржѣ, такъ и внѣ оной, о покупкѣ и продажѣ акцій, или росписокъ, не за наличныя деньги, а съ поставкою къ извѣстному сроку по извѣстной цѣнѣ, рѣшительно воспрещаются, съ тѣмъ, чтобъ такія условія, если будутъ предъявлены къ суду, считать недѣйствительными, а обличенныхъ въ подобныхъ сдѣлкахъ подвергать наказаніямъ, за азартныя игры установленнымъ; маклеровъ же и нотаріусовъ, которые отважатся совершать сего рода условія, отрѣшать отъ должностей (т. X, 2167). — Мы уже видѣли темныя стороны свободнаго обращенія акцій (стр. 14—16). Не входя въ подробное разсмотрѣніе вопроса о биржевой спекуляціи акціями, составляющаго по-нынѣ предметъ жаркихъ преній между экономистами [1], мы ограничимся указаніемъ на самыя

[1] *P. Proudhon*, Manuel du spéculateur à la bourse (2-e изд. 1857). *В. Безобразова*, Биржевыя операціи. М. 1856 (изъ Рус. Вѣстн. № 17.

простыя основанія, говорящія въ пользу полной свободы этой спекуляціи. Съ одной стороны, несомнѣнно, что большинство акціонеровъ имѣетъ въ виду вовсе не самое предпріятіе, а выгодную перепродажу акцій; безъ такого спекуляціоннаго побужденія самый духъ предпріимчивости былъ бы обреченъ на усыпленіе и едва-ли когда-либо осуществились тѣ громадныя и общеполезныя предпріятія, которыя нашли живительную опору именно въ биржевой спекуляціи. Съ другой стороны, эта спекуляція, независимо отъ связанныхъ съ нею злоупотребленій, есть дѣло коммерческое, дѣло серьёзнаго разсчета, подобно всякой торговой спекуляціи; по крайней мѣрѣ, безъ нея помѣщеніе капитала лишено было бы свободы, а промышленная дѣятельность — жизни и энергіи. Если свободное обращеніе акцій становится орудіемъ раззорительной биржевой игры, то въ этомъ слѣдуетъ винить не духъ спекуляціи, движимый правильными экономическими законами, а легкомысліе публики, которая болѣе склонна ко всякому рискованному, лишь-бы легкому и быстрому способу обогащенія, чѣмъ къ терпѣливому труду и серьёзному участію въ предпріятіи. Вѣдь азартныя игры запрещены закономъ, а между-тѣмъ законъ нарушается ежедневно и не въ силахъ идти противъ нравовъ общества. Въ Англіи закономъ запрещены всякія срочныя сдѣлки по продажѣ и покупкѣ кредитныхъ

и 18). — Спекуляція. Жур. для Акц. 1857, № 12. — Спекуляція и ажіотажъ, ib. № 14. Ѳ. *Терпера*, Обозрѣніе промышленнаго и биржеваго движенія въ Европѣ (Ж. М. Г. Им. 1858 г.). *Baudrillart*, Du crédit et de la spéculation. Jour. des écon. 1861, № 1; также № 4, p. 162 — 176.

бумагъ, но онъ давно уже потерялъ практическую силу. Если масса капиталистовъ проигрывается, разоряется, играя на повышеніе и пониженіе курса акцій, болѣе двухъ вѣковъ безпрерывно, то въ этомъ виновна не спекуляція, и всякое законное стѣсненіе ея безплодно. Впрочемъ у насъ едва-ли можно опасаться, чтобы страсть къ легкому выигрышу пала на биржевую игру: для нея и экономическая наша почва слишкомъ еще молода, да и развитіе промышленно-спекуляціоннаго духа слишкомъ слабо. Поэтому несомнѣнно, что 1) прежде всего должно быть отмѣнено запрещеніе безъименныхъ акцій, бывшихъ въ ходу до 1836 года. Въ защиту этого запрещенія говорятъ, что законодательство имѣетъ въ виду воспрепятствовать, чтобы акціи не получили свойство бумажныхъ денегъ въ подрывъ бумагамъ, выпускаемымъ правительствомъ. Но вѣдь и всѣ векселя — именныя бумаги, а пользуются полною свободою обращенія и въ коммерческомъ мірѣ имѣютъ даже преимущество предъ государственными бумажными деньгами. Даже нѣкоторыя компаніи пользуются у насъ правомъ выдачи векселей, напр. главное общество желѣзныхъ дорогъ и русское общество пароходства и торговли, и желательно, чтобы это право было, по примѣру обще-германскаго вексельнаго устава (§ 2), распространено на всѣ компаніи, если это еще не сдѣлано въ новомъ проектѣ русскаго вексельнаго права. Съ другой стороны, едва-ли акціямъ легко получить свойство бумажныхъ денегъ; для этого необходимы: болѣе или менѣе постоянный, устойчивый курсъ и надежная гарантія въ солидности предпріятія — условія, вообще очень рѣдкія въ

мірѣ акціонерномъ. Ссылаются также на англійское законодательство не допускающее, даже для компаній съ ограниченною отвѣтственностію, акцій на предъявителя. Цѣль этого запрещенія очевидно та, чтобы имена акціонеровъ, вносимыя въ особый реэстръ, были извѣстны (Act. 1856, § 16—22). Если такая мѣра направлена противъ спекуляцій учредителей, то противъ этого есть, какъ увидимъ, другія средства; для устраненія пагубнаго перевѣса во вліяніи на управленіе есть также своего рода гарантіи; запрещеніе же безъименныхъ акцій было бы противно основному характеру акціонернаго общества, какъ безъименнаго, безличнаго (société anonyme). У насъ сдѣлано было уже отступленіе отъ закона при учрежденіи главнаго общества желѣзныхъ дорогъ: по § 10 его устава могутъ быть выдаваемы акціи на предъявителя, съ условіемъ, если акціонеромъ внесено не менѣе 30% вклада. Допущены были подобныя исключенія и для нѣкоторыхъ другихъ компаній (см. 3-е прод. къ Своду Зак., 1859, № 3, ст. 2160). Обращеніе такихъ исключеній въ общій дозволяющій законъ было бы залогомъ прогресса въ народной экономіи, уже потому, что выпускомъ безъименныхъ акцій чрезвычайно облегчается составленіе значительнаго капитала: сколько есть мелкихъ капиталистовъ, которые берутъ акціи вовсе не ради предпріятія, а ради прибыльнаго помѣщенія своихъ стяжаній и при этомъ не имѣютъ ни малѣйшаго желанія принимать участіе въ управленіи дѣлами, желая, по разнымъ причинамъ, оставаться въ неизвѣстности. И потому нельзя не сочувствовать нововведенію, которое выражено въ проек-

тѣ въ слѣдующихъ словахъ: «Для удовлетворенія современнымъ требованіямъ и облегченія оборотовъ акціями, предположено установить двоякаго вида акціи: безъименныя, на предъявителя, и именныя; при чемъ разрѣшается обращать безъименныя въ именныя и на-оборотъ, по желанію предъявителя; самыя же акціи должны быть писаны на бланкахъ и имѣть подписи директоровъ и скрѣпу бухгалтера и кассира». — 2) Что касается до передачи именныхъ акцій, то отмѣтка передаточныхъ надписей въ дѣлахъ правленія компаніи представляется также стѣснительною формальностію, которая мѣшаетъ свободѣ обращенія акцій и биржевыхъ сдѣлокъ; если же на самомъ дѣлѣ, какъ мы слышали, она не всегда исполняется, то тѣмъ болѣе основанія отмѣнить правило, остающееся мертвою буквою. Наконецъ, 3) запрещеніе заключать сдѣлки о поставкѣ акцій на срокъ по извѣстной цѣнѣ можетъ быть оправдываемо только тѣмъ, что отъ подобныхъ сдѣлокъ изъяты и всѣ государственныя бумаги, и тѣмъ, что такія сдѣлки разсматриваются, какъ всякая азартная игра, подлежащая законному преслѣдованію. Мы видѣли, какъ мало слѣдуетъ у насъ опасаться такого рода биржевыхъ спекуляцій; но если-бы родилась неудержимая въ нихъ потребность, то онѣ точно такъ-же могли бы ускользнуть отъ вліянія закона, какъ и всѣ непозволительныя игры, такъ-что строгое правило оставалось бы такъ-же мертвою буквою. Карточный долгъ, въ глазахъ суда признаваемый недѣйствительнымъ и преступнымъ, считается въ общественномъ мнѣніи долгомъ священнымъ; такую-же силу можетъ имѣть коммерческая честь

въ обезпеченіи биржевыхъ сдѣлокъ, ускользающихъ отъ преслѣдованія закона. Притомъ, какъ-бы запрещеніе закона ни было строго, всегда есть лазейки, дающія возможность обойти его: подобно тому какъ взятка или запрещенный выигрышъ замаскировываются безденежнымъ займомъ, точно такъ-же игра на разность курса можетъ быть прикрыта непредосудительною кредитною сдѣлкою, при совершеніи которой достаточно предъявленіе маклеру акцій, взятыхъ у кого-нибудь на нѣсколько минутъ для выполненія узаконенной формальности, такъ-что запрещеніе ажіотажа, какъ видно изъ чужеземной биржевой практики, оказывается совершенно безплоднымъ. И такъ, мы склоняемся къ мнѣнію, что биржевымъ спекуляціямъ акціями должна быть предоставлена полная свобода, а гарантіей противъ обмана съ одной стороны и увлеченій съ другой должна служить осмотрительность и личное радѣніе о собственныхъ денежныхъ интересахъ. Уроки западныхъ биржевыхъ спекуляцій слишкомъ громки и поучительны, чтобы слѣпо бросаться на сдѣлки, лишенныя солидной основы.

Разсмотрѣвъ постановленія, относящіяся къ свободѣ образованія акціонерныхъ обществъ, перейдемъ къ вопросу о *свободѣ дѣятельности* ихъ.

Вліяніе государства на акціонерныя компаніи не ограничивается однимъ разрѣшеніемъ ихъ учрежденія и выдачею привилегій. Понятно, что если уставъ компаніи не можетъ имѣть силы закона безъ утвержденія правительства, то и всѣ существенныя измѣненія въ немъ не могутъ быть совершаемы компаніей безъ такого-же

разрѣшенія, и потому въ нашемъ законодательствѣ автономія компаній ограничена слѣдующимъ правиломъ: «компанія, которой правила единожды утверждены правительствомъ, не можетъ простирать дѣйствій своихъ далѣе предназначенныхъ ей предѣловъ и не можетъ также допускать никакихъ въ правилахъ своихъ перемѣнъ безъ новаго отъ правительства разрѣшенія, кромѣ однакоже тѣхъ статей, относящихся къ подробностямъ дѣлопроизводства и проч., которыя частнымъ ея уставомъ именно дозволено будетъ измѣнять, по ближайшимъ указаніямъ опыта, самому правленію компаніи, или общему собранію акціонеровъ» (т. X, 2153). Сообразно съ различіемъ, какое мы сдѣлали между компаніями, такое правило очевидно должно бы имѣть силу только относительно компаній концессіонныхъ. Государство, давая компаніи право осуществить какое-либо предпріятіе, заключаетъ съ ней какъ-бы договоръ, условія котораго не могутъ быть измѣнены одностороннею волею компаніи, а неисполненіе этихъ условій даетъ государству даже право уничтожить данное на учрежденіе компаніи разрѣшеніе, что, разумѣется, сопряжено съ потерями для казны и потому возможно въ крайнихъ лишь случаяхъ — въ видахъ общественной пользы[1]. Гораздо важнѣе вопросъ о томъ административномъ влі-

---

[1] Право правительства на прекращеніе компаніи прямо выражено напр. въ прусскомъ положеніи объ акц. обществахъ 1843 года, и въ проектѣ обще-герм. торговаго кодекса. У насъ такое право предоставлено правительству собственно только въ случаѣ неисполненія компаніею, пользующеюся привилегіями или особыми преимуществами, предпріятія на срокъ, означенный въ уставѣ (т. X, 2159).

ніи, которое заключается въ правительственномъ надзорѣ за дѣятельностію компаній.

Система правительственнаго наблюденія, вообще говоря, не менѣе стѣснительна для свободы промышленности, чѣмъ формальности, установленныя для учрежденія компаній, особенно если она отзывается неумѣстнымъ вмѣшательствомъ и сопровождается злоупотребленіями, нерѣдко свойственными органамъ администраціи. Она преобладаетъ на континентѣ Европы. Такъ, во Франціи правительству предоставлено право наблюдать за правильностію исполненія устава посредствомъ коммисаровъ, присутствующихъ при всѣхъ совѣщаніяхъ компаніи и сообщающихъ министру коммерціи свои мнѣнія о дѣйствіяхъ компаній, а въ видахъ сохранности акціонернаго капитала вмѣнено компаніямъ въ обязанность чрезъ каждое полугодіе представлять отчетъ о состояніи своихъ дѣлъ въ коммерческій судъ, въ префектуру и въ коммерческій совѣтъ [1]. Правительственные коммисары заведены и въ Пруссіи, сначала только по дѣламъ компаній желѣзныхъ дорогъ, какъ посредники въ сношеніяхъ компаній съ правительствомъ [2], а съ 1852 года постановлено назначать, по усмотрѣнію правительства, коммисаровъ для наблюденія за дѣлами всѣхъ компаній, съ правомъ созывать членовъ правле-

---

[1] См. Questions proposées et solution de ces questions, faisant suite à l'Instruction du 22 Oct. 1817. Quest. 5-me.

[2] Gesetz über die Eisenbahn-Unternehmungen v. 3 nov. 1838 § 46; и Ges. v. 21 Juli 1852, § 19, 24, sq. 31. Ср. *Hiersemenzel,* Preussisches Handelsrecht. Berl. 1856. S. 266. *Beschorner,* Das deutsche Eisenbahnrecht. Erlangen. 1858.

нія, общее собраніе и другихъ членовъ компаніи, разсматривать всѣ документы общества, и присутствовать при всѣхъ его совѣщаніяхъ [1]. Въ Англіи такая система не могла бы ужиться съ вкоренившимся въ тамошней жизни и правахъ началомъ самоуправленія (selfgovernment); но невмѣшательство правительства не одинаковую имѣетъ силу для всѣхъ компаній. Надзора въ собственномъ смыслѣ нѣтъ; но что касается компаній, учреждаемыхъ съ разрѣшенія правительства (chartered companies), то онѣ связаны отчетностію; такъ, компаніи желѣзныхъ дорогъ обязаны каждые полгода представлять въ Бюро торговли отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ. Что же касается до другихъ компаній, управляемыхъ законами 1856 и 1857 года, то хотя онѣ обязаны представлять въ регистратуру различныя свѣдѣнія о ходѣ своей дѣятельности, но цѣль такихъ представленій, какъ увидимъ, удовлетвореніе требованіямъ гласности. Бюро торговли имѣетъ также право назначать коммиссаровъ для изслѣдованія положенія дѣлъ въ такихъ компаніяхъ, но не иначе, какъ по требованію и на счетъ самихъ акціонеровъ, — именно не менѣе $^1/_5$ ихъ части, представляющихъ $^1/_5$ долю акціонернаго капитала [2]. — Въ нашемъ общемъ положеніи объ акціонерныхъ компаніяхъ нѣтъ правилъ, узаконяющихъ надзоръ правительства за дѣйствіями компаній; но по отдѣльнымъ предпріятіямъ акціонерная практика представляетъ примѣненіе и этой системы,

---

[1] См. *Fischer*, Preussisches kaufmän. Recht, S. 545.

[2] См. Joint Stock Comp. Act 1856, § 48 — 52.

именно относительно компаній, пользующихся привилегіями, субсидіями и гарантіями отъ правительства, напр. въ главномъ обществѣ желѣзныхъ дорогъ и въ русскомъ обществѣ пароходства и торговли есть особые депутаты и инспекторы для наблюденія за управленіемъ. Если-бы нужно было постановить общее правило по вопросу о правительственномъ надзорѣ, то за основаніе слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, принять 1) указанное нами раздѣленіе компаній на публичныя и частныя; по отношенію къ первымъ государство является отвѣтственнымъ предъ цѣлымъ обществомъ, уступая имъ осуществленіе своихъ правъ, слѣд. на нихъ безусловно долженъ простираться правительственный надзоръ, въ формахъ по-возможности нестѣснительныхъ, каковы: назначеніе депутатовъ или агентовъ отъ правительства и требованіе повременныхъ отчетовъ. Въ отношеніи же частныхъ компаній вмѣшательство правительства можетъ быть допущено въ тѣхъ формахъ, какія установлены въ Англіи актами 1856 и 1857 года. 2) Прйсвоеніе компаніямъ льготъ и промышленныхъ монополій, лежащее также на отвѣтственности правительства, должно служить другимъ основаніемъ надзора, точно такъ-же какъ если-бы эти компаніи принадлежали къ разряду публичныхъ или концессіонныхъ. — Впрочемъ, говоря о правительственномъ надзорѣ, мы не придаемъ ему значенія достаточной гарантіи противъ злоупотребленій, свойственныхъ компанейской дѣятельности: опытъ ясно показалъ, что ни разрѣшеніе правительства ни надзоръ не въ силахъ ни предупредить ни вполнѣ устранить зловредныхъ проявленій въ акціонерной администра-

ціи. Мы имѣли здѣсь въ виду только указать, какія изъ законныхъ ограниченій и правилъ, не принося существенной пользы, могли бы служить къ стѣсненію акціонерной свободы.

III.

Мы старались отстоять свободу промышленности отъ тѣхъ стѣсненій, которыя парализуютъ быстроту и успѣшность возникновенія акціонерныхъ обществъ съ одной стороны и независимость самоуправленія съ другой. Но разумная общественная свобода — врагъ необузданнаго произвола и злоупотребленій, коренящихся въ своекорыстіи. Гдѣ зло, тамъ должно быть и противоядіе. Какія же гарантіи можетъ предписать законодательство противъ наростовъ, обезображивающихъ акціонерную дѣятельность? Если недостаточны и малосильны мѣры предупрежденія и пресѣченія злоупотребленій, заключающіяся въ разрѣшеніи и надзорѣ правительства, то необходимы гарантіи болѣе надежныя. Перебирая чужеземные опыты въ этомъ отношеніи, нельзя не взять за образецъ законодательство того народа, который далеко превзошелъ не только насъ, но и другіе народы зрѣлою опытностію и практичностію юридическихъ началъ въ дѣлѣ народной промышленности. Мы снова обращаемся къ законодательству Англіи, какъ оно выразилось въ двухъ акціонерныхъ законоположеніяхъ 1856 — 1857 года. Существенныя основанія, составляющія какъ-бы душу акціонерно-статутнаго права, являютъ въ высшей степени разумное сочетаніе промыш-

ленной свободы съ гарантіями, сдерживающими пагубныя ея проявленія. Предоставляя обществамъ свободу образованія и дѣятельности внѣ зависимости отъ вмѣшательства государственной власти, подробныя правила означенныхъ законоположеній направлены преимущественно къ двоякой цѣли: во-первыхъ, къ тому, чтобы жизнь и дѣятельность акціонернаго общества была какъ можно болѣе открыта, публична, и во-вторыхъ, къ тому, чтобы оно въ лицѣ представителей несло строгую отвѣтственнось за свои дѣйствія [1]. *Гласность* и *отвѣтственность* — вотъ тѣ гарантіи, на которыя должна опираться промышленная свобода, вотъ тѣ основанія, которыя, рука-объ-руку съ этой свободой, должны служить существенными двигателями въ акціонерномъ законосложеніи. Эго не разнородныя начала, напротивъ: это какъ-бы родныя сестры, связанныя между собою неразрывными узами. Гласность — это таже отвѣтственность, только не въ смыслѣ юридическомъ, а въ смыслѣ моральной отчетности предъ судомъ общественнаго мнѣнія. Въ чемъ же должны выражаться эти гарантіи? Считая достаточнымъ указать въ бѣгломъ очеркѣ преимущественно на тѣ стороны этого вопроса, на которыя не обращено должнаго вниманія ни въ дѣйствующемъ законодательствѣ, ни въ проектѣ предполагаемыхъ преобразованій, мы не можемъ воздержаться отъ одного предварительнаго замѣчанія. Принципамъ гласности и отвѣтственности дано въ англійскомъ законодательствѣ гораздо

---

[1] Ср. *Schwebemeyer*, в. о. соч., стр. 29 — 30.

большее расширеніе, чѣмъ въ другихъ законодательствахъ европейскихъ; но намъ кажется, что англійскія нормы еще довольно слабы и недостаточны въ примѣненіи къ нашему общественному быту. Онѣ были бы удовлетворительны для насъ въ томъ случаѣ, если-бы публичное мнѣніе, общественная нравственность и способность къ самоуправленію были у насъ развиты въ той-же степени, какъ и въ Англіи. Къ сожалѣнію, мы еще очень далеки отъ такой зрѣлости. . . .

Обратимся сначала къ принципу *гласности*. Подъ акціонерною гласностію мы разумѣемъ прежде всего активную публичность жизни и дѣятельности компаніи, открытость дѣйствій органовъ акціонерной администраціи. Нельзя сказать, чтобы у насъ совершенно не было такой публичности, но это явленіе у насъ еще слишкомъ новое и лишенное раціональности. Доселѣ она ограничивалась большею-частію тѣмъ, что учредители и правленія компаній — и то не всѣхъ — сообщали отъ времени до времени публикѣ отрывочныя и смутныя свѣдѣнія о ходѣ предпріятія, разсчитанныя на возвышеніе курса акцій и привлеченіе капиталовъ. Случайность, отрывочность и въ особенности самохвальство — вотъ отличительныя черты обычной нашей акціонерной публичности. Публичность требуетъ, чтобы вся жизнь и всѣ дѣйствія компаніи были открыты начиная отъ ея зарожденія до прекращенія. Она требуетъ полноты и правдивости сообщаемыхъ публикѣ свѣдѣній. Мы же привыкли казать товаръ лицомъ, представлять нашу дѣятельность въ одномъ розовомъ свѣтѣ,

объ удачахъ и высокихъ дивидендахъ трезвонимъ во всѣ акціонерные колокола, храня о нашихъ неудачахъ и невзгодахъ гробовое молчаніе, тщательно скрывая дурное положеніе нашихъ дѣль. Сообщаемыя публикѣ свѣдѣнія должны отражать не одни свѣтлыя, но и темныя стороны акціонерной дѣятельности, и притомъ безъ малѣйшей утайки и искаженія фактовъ. Только при такихъ условіяхъ есть возможность имѣть ясное понятіе о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ компаніи, о надежности предпріятія и о степени ея кредитности. Только при такой публичности возможенъ для публики вѣрный контроль намѣреній и дѣйствій компаніи. Публичность — не прихотливое требованіе: съ одной стороны, въ ней самая надежная моральная гарантія для интересовъ акціонеровъ и публики противъ недобросовѣстныхъ спекуляцій и своекорыстнаго произвола, а съ другой — въ ней самое вѣрное средство поддержать въ обществѣ довѣріе къ акціонернымъ предпріятіямъ. Къ сожалѣнію, спекуляція боится свѣта и гласности, не охотно сознается въ своихъ промахахъ и ошибкахъ, не охотно открываетъ свои неудачи, не смотря на всю настойчивость обличительной литературы. Поэтому недостаточно, чтобы публичность была дѣломъ благоусмотрѣнія органовъ администраціи, была предоставлена на ихъ добрую волю, а необходимо и желательно, чтобы она была обязательнымъ требованіемъ самого закона. Посмотримъ же, въ какомъ видѣ и въ какихъ размѣрахъ осуществимо у насъ это требованіе.

Начнемъ съ учрежденія компаніи. По закону, уставъ компаніи, по утвержденіи его правительствомъ, приво-

дится во всеобщую извѣстность, по представленію министра, чрезъ правительствующій сенатъ, и сверхъ того публикуется компаніею въ вѣдомостяхъ (т. X, 2197, ср. 2166, п. 1). Смыслъ этого постановленія ясенъ: правительство публикуетъ уставъ потому, что это особенный законъ, какъ-бы издаваемый самою Верховною властію, а учредители — для того, чтобы ознакомить публику съ предпріятіемъ, на которое открывается подписка. Здѣсь мы должны снова припомнить о различіи, сдѣланномъ нами между компаніями частными и публичными. Такъ-какъ учрежденіе первыхъ не нуждается въ разрѣшеніи правительства, то компанейскій уставъ, по предъявленіи его въ думу или регистратуру, самъ по себѣ получаетъ «силу, равную закону», подобно всякому товарищескому договору, если онъ не противенъ коренным правиламъ и общему гражданскому и торговому праву (т. XI, уст. торг. 762), и потому не нуждается въ особомъ распоряженіи правительства относительно его обнародованія. Что же касается до компаній публичныхъ, то намъ кажется, что, прежде разрѣшенія правительства, проектъ устава компаніи долженъ быть публикуемъ учредителями во всеобщее свѣдѣніе, и предлагаемъ, съ возможно-подробными поясненіями, на печатное обсужденіе, съ тою цѣлію, чтобы спеціалисты и общественное мнѣніе могли во-время произнести свой судъ, на-сколько предпріятіе полезно и осуществимо, и могутъ ли быть даруемы компаніи льготы и привилегіи, если она испрашиваетъ ихъ у правительства. Если въ настоящее время правительство само предварительно публикуетъ проекты предполагае-

мыхъ имъ преобразованій въ законодательствѣ, то такое обнародованіе не менѣе полезно и даже необходимо относительно компанейскихъ предпріятій, которыя связаны съ правами и интересами цѣлаго общества. Въ интересахъ самихъ учредителей немаловажно выступить съ предпріятіемъ, коего проектъ уже одобренъ публикой, ибо такое одобреніе — лучшее ручательство за довѣріе капиталистовъ и за успѣхъ подписки. Въ интересахъ капиталистовъ также немаловажно, если они во-время спасены отъ шаткой спекуляціи, въ которую такъ легко вовлекаютъ громкія и пышныя объявленія. Наконецъ и въ интересахъ народнаго хозяйства весьма важно благовременное предупрежденіе безплодной затраты тѣхъ сбереженій, которыя для промышленности такъ драгоцѣнны особенно въ пору общаго безденежья. Бывали же примѣры, что, и по утвержденіи правительствомъ уставовъ, учредители, встрѣтивъ въ публикѣ недовѣріе, сочли за лучшее поспѣшить закрытіемъ предпріятія; не знаемъ, по какимъ причинамъ закрылось при самомъ рожденіи своемъ колоссальное предпріятіе главнаго банковаго и торговаго общества, учрежденнаго въ 1859 году, но смѣемъ догадываться, что на его судьбу немалую долю вліянія имѣла безпристрастная печатная оцѣнка, сразу разоблачившая вредъ и несостоятельность громадной монополіи [1]. Поэтому мы убѣждены, что законодательство сдѣлало бы значительный шагъ впередъ, если-бы предварительное обнародованіе проек-

---

[1] Ср. статьи: г. *Бабста*, въ Моск. вѣд., и г. *Бунге* въ Журн. для акц. 1859 года.

товъ было предписано въ видѣ общаго правила, по крайней мѣрѣ для компаній, подлежащихъ разрѣшенію правительства.

Понятно, что для акціонеровъ, какъ настоящихъ хозяевъ компанейскаго имущества, не можетъ быть закрыто внутреннее управленіе съ самаго возникновенія компаніи до ея прекращенія. Сначала это управленіе находится въ рукахъ учредителей, которымъ вмѣнено въ обязанность вести двѣ книги: одну для записки акцій и требованій, а другую для записки поступающихъ суммъ (т. X, 2166, п. 4). Во имя публичности ихъ дѣйствій предписано, чтобы эти книги были открыты для акціонеровъ, дабы каждый изъ нихъ по желанію могъ личнымъ обозрѣніемъ удостовѣриться въ томъ, что книги ведутся въ надлежащемъ порядкѣ (ib. п. 9). Такое открытое наблюденіе предоставлено акціонерамъ до того времени, пока не образуется правленіе компаніи, принимающее отъ учредителей книги и суммы въ свое вѣдѣніе (ib. п. 10, и ст. 2175, 2176). По крайней мѣрѣ, законы не указываютъ на то, чтобы акціонерамъ было предоставлено право личнаго обозрѣнія дѣлъ и послѣ окончательнаго образованія компаніи и, сколько извѣстно, правленія не считали себя обязанными держать свое дѣлопроизводство предъ акціонерами открытымъ, считая подобное вмѣшательство съ ихъ стороны какъ-бы противозаконнымъ. Между-тѣмъ очень понятно, да и сами акціонеры стали въ послѣднее время приходить къ убѣжденію, что внутренняя администрація отнюдь не должна быть для нихъ закрыта, напротивъ: дѣла внутренняго управленія должны быть для каждаго владѣльца ак-

цій открыты во всякое время. Такое право должно быть упрочено за акціонерами, независимо отъ ихъ права участія въ сужденіяхъ общаго собранія и отъ правъ по контролю и наблюденію за дѣйствіями правленій. Въ этомъ отношеніи находимъ въ проектѣ новое полезное правило, которое гласитъ, что «журналы засѣданій правленія должны быть сообщаемы, для прочтенія, въ самой конторѣ правленія, каждому изъ акціонеровъ». Мы совѣтовали бы принять еще въ соображеніе то постановленіе англійскаго законодательства (Regul. B. § 69), по которому въ главномъ бюро общества (registered office) счетныя книги должны быть, въ опредѣленные часы, постоянно открыты акціонерамъ для просмотра.

Такъ-какъ общество акціонерное есть въ сущности безъименное, безличное, то повидимому неумѣстенъ вопросъ о томъ: кто именно его участники? Но есть основанія въ пользу того, чтобы имена акціонеровъ были общеизвѣстны. Во-первыхъ, въ рядахъ акціонеровъ можетъ быть значительное число такихъ лицъ, которыя, держа сторону директоровъ и составивъ сильную коалицію, могутъ взять рѣшительный перевѣсъ въ сужденіяхъ общаго собранія; поэтому не мѣшало бы знать имена такихъ клевретовъ остальнымъ разрозненнымъ акціонерамъ для того, чтобы заблаговременно сообразить, нѣтъ ли надобности, во имя интересовъ самаго предпріятія, образовать антикоалицію—средство не очень похвальное, но иногда крайне-необходимое. Во-вторыхъ— что еще важнѣе —обыкновенно выборы въ директоры, члены ревизіонныхъ и другихъ коммиссій устраиваются такъ, что акціонеры, большею-частію не зная другъ

друга, и рѣшительно не вѣдая, кто именно въ ихъ средѣ имѣлъ бы предпочтительное право на общее довѣріе, какъ-бы поневолѣ избираютъ на означенныя должности тѣхъ кандидатовъ, которыхъ предлагаютъ имъ члены правленія или ихъ сторонники, и такимъ образомъ становятся слѣпымъ орудіемъ партіи. Какимъ же средствомъ можетъ быть удобнѣе всего достигнута гласность именъ акціонеровъ? Если компанія учреждается подъ условіемъ выпуска именныхъ акцій, то можно бы въ этомъ отношеніи примѣнить къ ней правила англійскаго законодательства, которое, во имя публичности, и не допускаетъ другихъ акцій, кромѣ именныхъ. Въ силу этихъ правилъ, каждая компанія должна вести акціонерный реестръ, въ который вносятся имена акціонеровъ; онъ долженъ быть открытъ для публичнаго разсмотрѣнія, подъ страхомъ пени за каждый день по 5 ф. ст. за нарушеніе этого правила; а закрывается по желанію компаніи, не болѣе какъ на 21 день въ теченіе года, о чемъ извѣщается своевременно въ публичныхъ вѣдомостяхъ; всякій имѣетъ право истребовать, за опредѣленную плату, копію съ акціонернаго реестра; всякая передача акцій должна быть въ немъ отмѣчаема; въ случаѣ же какой-либо неточности, всякій имѣетъ право требовать исправленія его чрезъ надлежащее судебное мѣсто на счетъ компаніи (Joint Stock Comp. Act 1856, § 16 — 25). Какой же порядокъ можетъ имѣть мѣсто въ этомъ отношеніи при выпускѣ компаніею акцій на предъявителя? Въ проектѣ находимъ правило, по которому, до представленія общему собранію годоваго отчета, должны быть составлены правленіемъ и напечатаны,

для раздачи желающимъ, списки всѣхъ извѣстныхъ участниковъ, съ обозначеніемъ: кто изъ нихъ, по уставу, имѣетъ или не имѣетъ право голоса; кто изъ нихъ, по числу принадлежащихъ ему акцій, можетъ быть избранъ въ директоры или ревизоры и пр. Такое условіе должно быть, по нашему мнѣнію, распространено и на другіе случаи, въ коихъ созываются общія собранія. Притомъ, здѣсь говорится только объ «извѣстныхъ» участникахъ, а какъ узнать имена участниковъ съ безъименными акціями? Слѣдовало бы, думаемъ, постановить, чтобы до открытія каждаго общаго собранія, акціонеры, желающіе явиться въ засѣданіе, заблаговременно объявляли правленію о своихъ именахъ, съ обозначеніемъ числа акцій, каждому принадлежащихъ, и чтобы отпечатанные списки такихъ акціонеровъ были въ правленіи открыты во всеобщее свѣдѣніе и раздаваемы желающимъ до открытія или во время засѣданій. О спискахъ акціонеровъ были уже толки въ нашихъ общихъ собраніяхъ, но обнаружились и сопротивленія со стороны правленій; поэтому желательно, чтобы это требованіе, въ интересахъ публичности, было выражено общимъ положительнымъ закономъ.

Состояніе дѣлъ компаніи составляетъ интересъ не однихъ акціонеровъ, но и стороннихъ лицъ и даже цѣлаго общества. Какимъ образомъ публика можетъ знать во всякое время о ходѣ предпріятія и о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ общества? Этотъ вопросъ въ проектѣ не рѣшенъ. Намъ кажется, что для удовлетворенія интересамъ лицъ, стоящихъ внѣ права вмѣшательства во внутреннее управленіе компаній, не мѣшало бы

взять за образецъ систему, предписанную англійскимъ законодательствомъ, и примѣнить ее въ тѣхъ формахъ, какія окажутся для насъ удобнѣе. Мы уже говорили, что для учрежденія большинства компаній, которыхъ предпріятія не имѣютъ характера государственно-экономическаго, нѣтъ нужды въ особомъ разрѣшеніи правительства, а достаточно предъявленіе проекта устава въ мѣстную регистратуру. Въ Англіи такія регистратуры, состоящія подъ вѣдѣніемъ Бюро торговли (Board of Trade), предписано учредить по крайней мѣрѣ по одной для каждаго изъ королевствъ (Act 1856, § 106). Это учрежденіе, дающее и публикѣ и государству возможность непрерывнаго контроля, болѣе всего удовлетворяетъ принципу постоянной публичности, и притомъ его механизмъ такъ простъ и несложенъ, что вовсе не стѣсняетъ свободнаго движенія акціонерной дѣятельности, но служитъ уздой обмана и легкомыслія. Коль скоро предъявленъ уставъ для регистрированія, онъ становится доступенъ для всеобщаго свѣдѣнія: всякій въ-правѣ лично ознакомиться съ его содержаніемъ. Этимъ назначеніе регистратуры не ограничивается: во все время существованія компаніи туда должны быть доставляемы всѣ свѣдѣнія о важнѣйшихъ фактахъ въ ея дѣятельности, о всѣхъ перемѣнахъ въ ея составѣ, объ измѣненіяхъ въ спискѣ акціонеровъ, о мѣстопребываніи правленія, о каждомъ постановленіи общаго собранія, объ увеличеніи капитала, о рѣшеніи относительно ликвидаціи дѣлъ или прекращенія компаніи и т. п. Сообщеніе такихъ свѣдѣній предписано подъ страхомъ значительныхъ штрафовъ — за каждый день про-

медленія отъ 2 до 5 ф. ст. (ibid. §§ 6, 17, 29, 35, 37, 73, 94, 104). Цѣль такихъ сообщеній — общеизвѣстность: всѣ реестры и документы по дѣламъ компаній должны быть открыты каждому для свободнаго просмотра и личнаго ознакомленія (ib. § 106). Отчего бы и у насъ не завести подобныя регистратуры при мѣстныхъ думахъ или въ видѣ отдѣльныхъ учрежденій, подъ вѣдомствомъ министерства финансовъ или же министерства торговли, если таковое получитъ у насъ когда-нибудь снова самостоятельное бытіе? [1]. Что-же касается до содержанія регистратуръ, не требующихъ впрочемъ большаго числа чиновниковъ, то оно могло бы быть разсчитано на опредѣленныя невысокія пошлины вносимыя за регистрированіе, на штрафы и на тѣ умѣренные взносы, которые должны быть платимы за выписки и копіи изъ дѣлъ регистратуръ. Скажутъ, что сообщеніе всѣхъ этихъ свѣдѣній могло бы имѣть мѣсто въ самихъ правленіяхъ и быть обязательнымъ для всѣхъ компаній. Но, во-первыхъ, это было бы слишкомъ обременительно для акціонерной администраціи; во-вторыхъ, нельзя и требовать, чтобы компанія была обязана открывать свои дѣла для всякаго посторонняго лица; достаточно, если она будетъ удовлетворять въ этомъ отношеніи законнымъ требованіямъ самихъ акціонеровъ; наконецъ, если-бы такое средство было удобнѣе, то навѣрно практичные англичане предпочли бы его всякому другому порядку.

---

[1] Желательно, чтобы вопросъ объ учрежденіи у насъ министерства торговли, по примѣру другихъ государствъ, возбужденный недавно Вѣстникомъ Промышленности (1861, № 3), не остался безъ отвѣта.

Публичность дѣйствій компаніи не исчерпывается указанными средствами. Цѣль гласности достигается успѣшнѣе всего посредствомъ печатнаго обнародованія этихъ дѣйствій. Желательно было бы, чтобы общества отъ времени до времени оглашали, по крайней мѣрѣ, важнѣйшіе моменты своей дѣятельности; на издержки печатанія ссылаться нечего, потому-что спеціальныя изданія, посвященныя акціонерному дѣлу, едва-ли отказались бы помѣщать на своихъ страницахъ подобныя свѣдѣнія даромъ. По крайней мѣрѣ признается необходимымъ печатаніе ежегодныхъ отчетовъ. Правильно-составленный отчетъ даетъ возможность наглядно и вѣрно судить о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ общества, а публикація его — не маловажное средство для огражденія интересовъ не только публики, но и самихъ акціонеровъ, стоящихъ юридически или фактически внѣ возможности участія въ управленіи и личнаго надъ нимъ наблюденія. Эта истина однакожъ многими не сознана вполнѣ. Многія компаніи вовсе не печатаютъ отчетовъ, потому-ли что считаютъ это излишнимъ, ведя свои дѣла добросовѣстно, или потому-что боятся огласки своихъ операцій. Есть общества, которыя хранятъ глубокое молчаніе, не обнаруживая никакихъ признаковъ своего существованія, или ограничиваются тѣмъ, что печатаютъ приглашенія въ засѣданія общихъ собраній, — большею частію безъ обозначенія вопросовъ подлежащихъ сужденію, выписки изъ протоколовъ общихъ собраній, — большею частію ничего не говорящія, объявленія о дивидендахъ, самохвалебныя рѣчи учредителей и директоровъ и весьма краткія извлеченія изъ отчетовъ. Почти

половина изъ числа всѣхъ компаній вовсе не печатаетъ своихъ отчетовъ [1]. Колебаніе по вопросу о печатаніи отчетовъ замѣтно даже въ новомъ проектѣ, который рѣшаетъ его такъ: «При представленіи общему собранію акціонеровъ подробнаго отчета о всѣхъ своихъ операціяхъ, правленіе, съ тѣмъ вмѣстѣ, обязано представить и годовой балансъ прихода и расхода суммъ, съ краткимъ обзоромъ дѣйствій за истекшій годъ, который печатается въ вѣдомостяхъ, по *усмотрѣнію* общаго собранія». Мы бы не останавливались на вопросѣ, достаточно выясненномъ другими [2], если-бы не шло дѣло объ успѣхахъ самого законодательства.

Противники гласности, отвергая публикацію отчетовъ, приводятъ за основаніе, во-первыхъ, то, будто нѣтъ никому дѣла до этихъ отчетовъ, если акціонеры довольны дѣйствіями правленій. Это было бы справедливо, если-бы дѣятельность компаніи замыкалась интересами однихъ акціонеровъ, не состоя ни въ какомъ отношеніи къ интересамъ постороннихъ лицъ, имѣющихъ дѣла съ компаніями, напр. къ интересамъ овцеводовъ, ведущихъ дѣла съ компаніями по торговлѣ шерстью, и наконецъ съ интересами публики и цѣлаго народнаго хозяйства. Да и что значитъ довольство акціонеровъ? Можно ли напримѣръ изъ молчанія акціонеровъ, происходящаго отъ ихъ безропотности и равнодушія къ ком-

---

[1] До 1847 г. изъ 40 компаній только 25 печатали свои отчеты (Журн. д. акц. 1847, № 1). Изъ 85 компаній, основанныхъ до 1859 года и нынѣ существующихъ, напечатали свои отчеты 46 (Вѣкъ, 1861, № 8, стр. 269).

[2] См. напр. *Н. Бунге*, Замѣтки объ акціонерныхъ компаніяхъ. Вѣкъ, 1861, № 8.

панейскимъ дѣламъ, заключать, что они довольны ходомъ управленія? Года четыре назадъ былъ забавный случай. Нѣкоторые акціонеры «общества распространенія за Кавказомъ шелководства» обратились въ редакцію «журнала для акціонеровъ» съ просьбою извѣстить ихъ о мѣстѣ нахожденія правленія этого общества и сообщить о дѣйствіяхъ его, если только оно существуетъ, присовокупляя, что они не только не получали въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ дивидендовъ на свои акціи, но даже не имѣютъ никакихъ свѣдѣній о существованіи общества: оказалось, что правленіе общества дѣйствительно издавна не давало знать акціонерамъ о своемъ существованіи и въ продолженіи слишкомъ 15 лѣтъ не печатало своихъ отчетовъ [1]. Положимъ однакожъ, что акціонеры довольны управленіемъ потому, что получаютъ хорошіе дивиденды. Но вѣдь всѣмъ извѣстно, что высокій дивидендъ — плохая порука за хорошее управленіе и удовлетворительное положеніе дѣлъ: какъ часто высокіе дивиденды раздавались правленіями по нѣскольку лѣтъ сряду не изъ дѣйствительной прибыли, а изъ капитала. Притомъ, долго ли длится мнимая высота дивидендовъ и не вводитъ ли она въ обманъ и раззореніе неопытныхъ и честныхъ участниковъ, не успѣвшихъ во-время спасти свои капиталы? Примѣръ, приводимый г. Бунге, наглядно опровергаетъ наивное возраженіе противниковъ публикаціи: «Правленіе компаніи — говоритъ онъ — выдаетъ изъ капитала 20% дивиденда, часть акціонеровъ понимаетъ въ

---

[2] См. Ж. для акц. 1857, № 10, стр. 54.

чемъ дѣло, другая остается въ совершенномъ невѣдѣніи, но обѣ находятъ, что нечего разглашать коммерческой тайны, потому-что курсъ акцій поднялся на 25%, что года въ два можно получить 45% на сто и, перепродавъ акціи, выручить свой капиталъ обратно. Наконецъ, все открывается — и замаскированная плутня, и мнимая прибыльность предпріятія: но кто виноватъ? Правленіе — оправдано тѣмъ, что состояло изъ смертныхъ, которые могутъ ошибаться, тѣмъ, что общее собраніе утвердило всѣ его предположенія въ какомъ-нибудь наскоро составленномъ протоколѣ; члены, продавшіе свои акціи, оправданы тѣмъ, что они ничего не знаютъ и не вѣдаютъ; виноваты только новые пріобрѣтатели и старые акціонеры, которые остались вѣрны однажды затѣянному дѣлу. Спрашивается: нужна ли публикація отчетовъ, для предупрежденія подобныхъ вопіющихъ злоупотребленій?».

Другое возраженіе противъ печатанія отчетовъ заключается въ томъ, что въ промышленно-коммерческихъ предпріятіхъ разглашеніе дѣлъ компаніи вредно для самаго ихъ успѣха, при чемъ ссылаются на привилегію тайны, которою пользуются въ своихъ дѣлахъ купцы. Вопросъ о коммерческой безгласности возбужденъ былъ у насъ недавно. Еще въ прошломъ году одинъ изъ безъименныхъ защитниковъ главнаго общества желѣзныхъ дорогъ прямо говорилъ, что «вопросы финансовые и торговые не иначе могутъ быть ведены какъ въ тайнѣ (dans le secret)» [1]. То-же самое слышали ак-

---

[1] Journ. de St.-Pet. 1860, № 42. Ср. Вѣстн. пром. 1860, № 4. стр. 9.

ціонеры изъ устъ одного изъ именитыхъ директоровъ общества «Сельскій хозяинъ», который, по поводу паровой мукомольной мельницы, высказалъ слѣдующія замѣчательныя слова: «оставляя всѣ подробности безъ огласки, директоры общества покорнѣйше просятъ гг. акціонеровъ убѣдиться въ томъ, что въ дѣлахъ коммерческихъ должна быть неизбѣжная часть тайны для пользы самаго дѣла». Не знаемъ, для чего именно нужна была обществу система скрытности и отчего она не спасла компанію отъ паденія и ликвидаціи; но нельзя не убѣдиться, что оправданіе ея, опирающееся на сравненіи съ дѣятельностію отдѣльнаго предпринимателя, шатко. «Акціонерная компанія — говоритъ г. Бунге — состоитъ совершенно въ другомъ отношеніи къ обществу, чѣмъ промышленные предприниматели, дѣйствующіе отъ своего лица и подъ своею отвѣтственностію. Частный предприниматель не обязанъ давать отчета, хотя-бы отъ этого и могли пострадать посторонніе интересы, потому-что здѣсь есть для нихъ гарантія — въ отвѣтственности, простирающейся не на извѣстную сумму (какъ въ акціонерномъ обществѣ), а на все имущество, и даже на лицо предпринимателя. Въ частной дѣятельности личныя качества человѣка, завѣдывающаго предпріятіемъ, значатъ несравненно болѣе, чѣмъ въ акціонерной компаніи, гдѣ, по общему правилу, распорядители не пользуются неограниченными полномочіями, а дѣйствуютъ подъ вліяніемъ правленій. Отдѣльное лицо можетъ нуждаться въ торговой тайнѣ; оно имѣетъ опору лишь въ себѣ самомъ, и разглашеніе критическаго положенія дѣлъ не только

никого не призоветъ къ нему на помощь, но можетъ лишить и той, которая уже была ему дана. Въ иномъ положеніи находится акціонерное общество, опирающееся на цѣлую фалангу капиталистовъ-акціонеровъ: при тайнѣ участіе ихъ становится сомнительнымъ и безплоднымъ, при гласности вѣрно понятый ими интересъ заставитъ ихъ поспѣшить на помощь и пособить дѣлу». Къ этому прибавимъ, что и таинственность частныхъ предпринимателей, на которую ссылаются противники гласности, плохая гарантія за успѣхъ дѣла; правда, иногда при самомъ критическомъ положеніи дѣлъ торговаго дома можно спасти его кредитъ и поправить дѣла, если нѣтъ огласки; но и подъ покровомъ самой непроницаемой скрытности наступаетъ нерѣдко неизбѣжная несостоятельность, извѣстная одному предпринимателю, и долго имъ скрываемая ужъ вовсе не для пользы дѣла, а для того чтобы заблаговременно утаить часть своего имущества въ ущербъ кредиторовъ: какъ часты злонамѣренныя банкротства, въ конецъ раззорящія кредиторовъ, отъ которыхъ тщательно скрывались въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ разстройство и упадокъ дѣла! Въ защиту акціонерной тайны говорятъ, что есть коммерческо-мануфактурныя предпріятія, въ которыхъ «не всегда можно дѣлать все во всеуслышаніе, что въ дѣлѣ торговомъ часто нужно пользоваться минутою, не предваряя о томъ никого, ибо часто фабрикантъ-состязатель нарочно возьметъ нѣсколько акцій, единственно для того, чтобъ слѣдить за ходомъ предпріятія и предупреждать во-время состя-

заніе (конкурренцію)»[1]. Съ этимъ нельзя не согласиться. Но, во-первыхъ, если и нужно охранять до времени тѣ или другія операціи отъ общеизвѣстности, то не можетъ быть для нихъ опасности въ печатаніи отчетовъ, обнимающихъ минувшую уже годичную дѣятельность общества; съ другой стороны, если предпріятіе дѣйствительно такого свойства, что успѣхъ его боится огласки, то пусть учредители обратятся къ формѣ товарищества (полнаго или на вѣрѣ), которое въ торговыхъ дѣлахъ сподручнѣе и составляетъ прямое достояніе предпріятій чисто-коммерческихъ; акціонерная же форма останется для остальной массы предпріятій, коимъ нѣтъ повода бояться гласности. Каковы бы ни были основанія, оправдывающія коммерческую тайну, мы думаемъ, что принципъ публичности отчетовъ долженъ быть строго примѣненъ ко всѣмъ компаніямъ, даже къ компаніямъ т. н. паевымъ, состоящимъ изъ малаго числа акціонеровъ съ крупными и непродаваемыми на биржѣ паями. Англійское законодательство, въ интересахъ гласности, рѣшилось даже стѣснить биржевое обращеніе запрещеніемъ акцій безъименныхъ; отчего же въ тѣхъ-же интересахъ не отстоять публикаціи отчетовъ? Въ англійскомъ правѣ нѣтъ такого требованія, можетъ быть потому, что оно соблюдается въ силу обычая. Но наше положеніе иное: акціонеры нерѣдко слишкомъ удалены отъ центровъ компанейскаго управленія, и слишкомъ еще равнодушны къ собственнымъ дѣламъ, чтобъ не нуждаться въ публичности,

---

[1] Вѣст. промыш. 1861, № 1. стр. 20.

необходимой для огражденія интересовъ ихъ самихъ и публики. — И такъ, мы того мнѣнія, что печатаніе отчетовъ не должно быть предоставлено, какъ полагаетъ проектъ, на усмотрѣніе общихъ собраній, а должно быть обязательно для всѣхъ компаній; а содержаніе отчета должно быть подробно — не по многословію, а по внутренней полнотѣ (ср. т. X, 2186), такъ чтобы въ немъ ясно отражалось истинное положеніе дѣлъ общества. Такое требованіе должно быть выражено въ самомъ законодательствѣ. Обязательность такого условія важна даже въ интересахъ экономической статистики.

Поборники тайны и мрака обыкновенно утверждаютъ, что оглашеніе акціонерныхъ дѣлъ служитъ только къ подрыву кредита компаній. Но пора понять, что молчаніе компаній, при всей добросовѣстности управленія, скорѣе можетъ возбудить сомнѣніе въ состоятельности ихъ дѣлъ, чѣмъ привлечь къ предпріятіямъ довѣріе и сочувствіе. Скрытность невольно раждаетъ подозрѣніе, будто она вынуждается плохимъ положеніемъ дѣлъ компаніи, невольно даетъ пищу напраслинѣ и злорѣчію, на которыя такъ падка общественная критика. При отсутствіи полной гласности, обыкновенно ищутъ спасенія въ полемической перебранкѣ, въ анонимныхъ протестаціяхъ, искренности которыхъ никто не вѣритъ, и даже въ высокомѣрныхъ угрозахъ уголовнымъ правосудіемъ. Такія мѣры самозащищенія скорѣе вредятъ компаніи въ общественномъ мнѣніи, чѣмъ упрочиваютъ довѣріе, слѣд. не достигаютъ своей цѣли. Публичная отчетность орудіе обоюдоострое: это самый надежный щитъ противъ неосновательныхъ слуховъ и зло-

намѣренной клеветы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и могущественное средство для благовременнаго разоблаченія несостоятельности предпріятія, злоупотребленій и плутовства.

Если мы требуемъ отъ компаній обязательной публичности дѣйствій, то конечно съ тою цѣлію, чтобы эти дѣйствія подчинены были контролю и суду общественнаго мнѣнія. Мало было бы пользы въ публичности, если-бы голосъ общественнаго мнѣнія не выражался свободно. Акціонерная гласность и должна состоять не только въ обязанности компаній дѣйствовать открыто, но и въ правѣ публики произносить свободный надъ ними судъ. При той свободѣ печати, которою пользуется въ настоящее время наша литература, и которая, по отношенію къ акціонернымъ дѣламъ, не стѣснена законными правилами, едва-ли можно дать какую-нибудь вѣру заграничнымъ намекамъ, будто правительство прибѣгаетъ иногда къ стѣсненію печатной гласности по дѣламъ акціонерныхъ компаній [1]. Правительство можетъ конечно руководиться въ этомъ отношеніи своими высшими соображеніями въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ. Если-бы однакожъ каждое право слѣдовало выражать закономъ, то для устраненія всякихъ недоразумѣній было бы желательно, чтобы самимъ закономъ было упрочено право публики свободно выражать въ печати свое мнѣніе о дѣйствіяхъ всѣхъ компаній, не скрывая, если нужно, самыхъ именъ тѣхъ учредителей и директоровъ, которые хотѣли бы дѣйствовать безотвѣтственно подъ прикрытіемъ акціонер-

---

[1] См. La grande companie de chemins de fer. Leipzig. 1861. p. 5—7.

ной корпораціи. Компанія, какъ лицо юридическое, моральное, безгрѣшно; а безъименное обличеніе, во всѣхъ сферахъ общественной дѣятельности, приноситъ, какъ извѣстно, ничтожную пользу — остается гласомъ воніющаго въ пустынѣ.

Съ принципомъ гласности въ тѣсной связи принципъ *отвѣтственности*. Смыслъ этой гарантіи заключается не столько въ законныхъ взысканіяхъ, которыя грозятъ нарушителю своихъ обязанностей, сколько въ томъ, что лица, стоящія во главѣ управленія дѣлами компаній, не должны смотрѣть на себя какъ на самовластныхъ и независимыхъ хозяевъ предпріятія и общественной собственности. Долго владычествовали акціонерные баши-бузуки безконтрольно и безнаказанно, пока невыносимый произволъ не переполнилъ мѣру терпѣнія безгласныхъ акціонеровъ. Не болѣе двухъ лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ многіе акціонеры пришли наконецъ къ сознанію, что они настоящіе собственники общественнаго капитала и хозяева предпріятій. Безропотная покорность поколебалась. Наступила реакція, дошедшая въ нѣкоторыхъ компаніяхъ до жесткаго обнаженія безпорядковъ. Личное участіе въ дѣлахъ ознакомило съ истинными причинами упадка компаній и навело, при содѣйствіи журнальной полемики, на многія практическія средства къ сдержанію разрушительнаго потока произвола. Собственный опытъ, подкрѣпляемый поучительными уроками заграничной акціонерной практики, не могъ не отразиться и въ предполагаемыхъ преобразованіяхъ. Насколько свобода и

гласность оставлены редакторами новаго проекта безъ окончательнаго обсужденія, настолько принципъ отвѣтственности поддержанъ въ немъ, вообще говоря, удовлетворительно. Поэтому мы ограничимся обзоромъ и общей оцѣнкой важнѣйшихъ началъ добытыхъ въ этомъ отношеніи.

Начнемъ съ *учредителей*. Ихъ произволъ стѣсненъ въ проектѣ нѣкоторыми обязательствами и ограниченіями, имѣющими цѣлію «предупрежденіе безденежныхъ спекуляцій на самое учрежденіе обществъ и обезпеченіе акціонеровъ въ томъ, что сами учредители существенно заинтересованы въ успѣхѣ дѣла». Такъ, относительно составленія складочнаго капитала предлагаются слѣдующія правила: 1) учредителямъ вмѣняется въ обязанность, вмѣстѣ съ проектомъ устава компаніи, представлять удостовѣреніе въ томъ, что не менѣе пятой части всего капитала уже собрано и обезпечено взносомъ въ государственный банкъ соотвѣтствующей суммы. Такое правило должно быть, по нашему мнѣнію, обязательно не только для компаній, подлежащихъ разрѣшенію правительства, но и относительно компаній частныхъ, для законнаго существованія которыхъ достаточно предъявленіе устава въ думѣ или акціонерной регистратурѣ; 2) учредителямъ предоставляется право: или разобрать весь складочный капиталъ, по взаимному между собою соглашенію, или же опредѣлить то количество акцій или паевъ, которое каждымъ изъ нихъ, или всѣми въ совокупности, оставляется за собою, съ обезпеченіемъ не иначе какъ $1/_5$ части всего складочнаго капитала наличнымъ имуществомъ, а на остальныя

за тѣмъ акціи открыть публичную подписку; равнымъ образомъ, въ частномъ уставѣ компаніи можетъ быть вмѣнено учредителямъ въ обязанность всѣ неразобранныя по публичной подпискѣ акціи или паи оставить за собою. Эти правила не распространяются однакожъ на компаніи, учреждаемыя съ особыми правами или исключительными преимуществами: учредителямъ такихъ компаній разрѣшается, до открытія публичной подписки, отдѣлять въ свою пользу извѣстное количество акцій или паевъ, но съ тѣмъ, чтобы оно не превышало пятой части складочнаго капитала. Мы находимъ вполнѣ справедливымъ такое ограниченіе числа акцій, предоставляемыхъ учредителямъ; почему же оно не распространено и на компаніи, учреждаемыя безъ особыхъ правъ и преимуществъ? Неограниченное право учредителей въ разборѣ акцій, простирающееся даже на весь складочный капиталъ, должно быть, по нашему мнѣнію, достояніемъ только т. н. паевыхъ компаній, коихъ капиталъ разбивается на незначительное число паевъ, напр. въ 5, 10 и болѣе тысячъ руб. каждый, и образованіе которыхъ предполагаетъ самое ограниченное число участниковъ, въ лицѣ ли однихъ учредителей или же съ присоединеніемъ не многихъ приглашаемыхъ ими же безъ всякой подписки капиталистовъ [1]. Въ компаніяхъ же собственно-акціонерныхъ, образованіе которыхъ не-

---

[1] Таково напр. недавно учрежденное товарищество заводовъ царскаго мыла и проч., котораго капиталъ опредѣляется въ 100,000 р., раздѣленныхъ на 10 паевъ, по 10,000 руб. каждый. См. уставъ его въ Бирж. Вѣд. № 118.

возможно безъ публичной подписки и разсчитано на участіе массы мелкихъ капиталовъ, долженъ быть непремѣнно опредѣленъ maximum числа акцій, отдѣляемыхъ въ пользу учредителей, и мы допустили бы, согласно съ дѣйствующимъ закономъ (т. X, 2165), на долю учредителей никакъ не болѣе $^1/_5$ части складочнаго капитала — по причинѣ весьма простой. Количествомъ акцій условливается число голосовъ въ рѣшеніи компанейскихъ дѣлъ, слѣд. предоставляя учредителямъ, имѣющимъ обыкновенно въ перспективѣ званіе директора, неограниченное право въ разборѣ акцій, мы допустили бы невыгодный для остальныхъ акціонеровъ перевѣсъ и законное подавленіе меньшинства; изъ акціонерной компаніи вышло бы львиное товарищество (societas leonina), дающее всѣ выгоды одной сторонѣ въ ущербъ другимъ. Поэтому, слѣдовало бы даже воспретить учредителямъ всякое, сверхъ узаконенной доли, дальнѣйшее пріобрѣтеніе акцій, а такъ-какъ это запрещеніе безсильно относительно акцій безъименныхъ, то оно должно имѣть по-крайней-мѣрѣ тотъ смыслъ, что право голоса дается учредителямъ только тѣмъ числомъ акцій, какое предоставлено на ихъ долю въ самомъ уставѣ. 3) Учредителямъ не дозволяется въ проектѣ отдѣлять въ свою пользу акціи безденежно. Прежде, держась буквальнаго смысла закона (т. X, 2165), считали учредительскія акціи даровыми. Дозволеніе учредителямъ отдѣлять въ свою пользу извѣстное число акцій должно быть понимаемо только какъ право первенства при подпискѣ на акціи, что весьма важно при большой конкур-

ренціи [1], а вовсе не какъ безплатное пріобрѣтеніе акцій. Въ проектѣ прямо сказано: «росписки на акціи, а равно и самыя акціи, учредители могутъ получать не иначе, какъ по уплатѣ ими слѣдующихъ денегъ, о чемъ должно быть сдѣлано надлежащее удостовѣреніе при первомъ общемъ собраніи акціонеровъ».

Что касается до права учредителей распоряжаться принадлежащими имъ акціями, то мы видѣли, что учредители нерѣдко имѣютъ въ виду вовсе не самое предпріятіе, а спекуляцію акціями. Они основываютъ компанію для того, чтобы на первыхъ же порахъ выжать изъ легковѣрныхъ кармановъ чуждые компаніи барыши, употребляя спекуляцію акціями иногда и для прикрытія самого взяточничества; для компаніи же она можетъ быть вредна тѣмъ, что производитъ въ общественномъ довѣріи колебаніе еще прежде чѣмъ начнется осуществленіе самого предпріятія. Для предупрежденія этого зла, въ проектѣ постановлено, что «въ уставѣ каждой компаніи *можетъ* быть опредѣлено количество учредительскихъ акцій, которое, въ теченіе извѣстнаго срока, не допускается къ передачѣ въ другія руки, о чемъ и должна быть сдѣлана на такихъ акціяхъ надпись». Это одно изъ важнѣйшихъ нововведеній, какъ средство для устраненія своекорыстныхъ спекуляцій учредителей. Мы думаемъ поэтому, что такое правило

---

[1] Въ этомъ-же смыслѣ и переведена означенная 2165 ст. X т. въ сочиненіи *A. de Saint-Joseph,* Concordance entre les codes de commerce etc. Paris. 1851. p. 13, «les fondateurs de la société ont le droit de se réserver, à titre de préemtion, une quantité déterminée d'actions, à conditions» etc.

должно быть обязательно для каждой компаніи, тѣмъ болѣе, что при допущеніи акцій безъименныхъ спекуляціямъ учредителей открытъ еще больщій просторъ. Притомъ не мѣшало бы ясно выразить, что учредительскія акціи, состоящія подъ запрещеніемъ, должны быть хранимы въ кассѣ общества подъ особымъ названіемъ акцій учредителей (actions de fondation).—Наконецъ замѣтимъ, что учредители, имѣя въ виду остаться директорами, по выбору ли или по самому уставу, нерѣдко приступаютъ къ распоряженіямъ прежде окончательнаго образованія компаніи: въ проектѣ прямо высказано, что по собраніи всего требуемаго капитала, или опредѣленной уставомъ части его, учредители, не приступая къ какимъ-либо дѣйствіямъ по самому предпріятію, составляющему цѣль компаніи, обязаны созвать общее собраніе участниковъ и передать ему всѣ книги, бумаги, дѣла и суммы для ревизіи.—Таковы новыя правила, имѣющія въ виду устранить всякій произволъ и спекуляціи учредителей, связать ихъ тѣснѣе съ интересами предпріятія и вообще сдѣлать ихъ лицами отвѣтственными. Иныхъ ограниченій и быть не можетъ, пока еще не открыто правленіе компаніи и пока акціонеры не вступятъ въ свои административныя права. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о той мѣрѣ сближенія учредителей съ интересами предпріятія, которая заключается въ полной отвѣтственности всѣмъ имуществомъ по обязательствамъ компаніи: это отличительная черта особой формы товарищества, о которой мы уже упоминали, именно акціонерныхъ обществъ на вѣрѣ, въ которыхъ учредители являются вмѣстѣ и распорядителями (gérants).

Гораздо шире раскрывается принципъ отвѣтственности въ примѣненіи къ *директорамъ* или членамъ правленій. Законъ прямо говоритъ, что директоры компаніи суть не что иное какъ ея уполномоченные и, въ случаѣ законопротивныхъ распоряженій и преступленія власти, подлежатъ отвѣтственности предъ компаніею на общемъ основаніи законовъ (т. X, 2181). На самомъ же дѣлѣ они присвоивали себѣ сплошь-да-рядомъ права самовластныхъ и безсмѣнныхъ начальниковъ, затрачивали ввѣренные имъ капиталы крайне расточительно и непроизводительно, и до того свыклись съ своимъ диктаторствомъ, что малѣйшее возраженіе со стороны акціонеровъ серьёзно считали неумѣстнымъ и оскорбительнымъ вмѣшательствомъ «не въ свое дѣло». Реакція акціонеровъ, очнувшихся отъ долговременной дремоты, встрѣтила сильный отпоръ; протесты ихъ и справедливое негодованіе разбивались въ прахъ о неприступныя стѣны директорскаго бюрократизма. Всякая оппозиція акціонеровъ признавалась дерзкой выходкой и чуть-ли не мятежнымъ стремленіемъ къ анархіи. Впрочемъ нечего удивляться тому, что директоры нашихъ компаній такъ упорно отстаиваютъ свою власть, если подобныя явленія не рѣдкость и у другихъ болѣе образованныхъ народовъ. Недавно еще, не болѣе трехъ мѣсяцевъ назадъ, весьма печальную участь потерпѣли справедливыя заявленія акціонеровъ въ общемъ собраніи одного парижскаго акціонернаго общества, именно въ компаніи западной желѣзной дороги (изъ Парижа въ Страсбургъ): не успѣли они высказать своихъ требованій, какъ всею яростью слова опрокинулся на нихъ членъ совѣта, из-

вѣстный Эмиль Перейра. Онъ съ горечью жаловался на обнаружившуюся въ акціонерахъ пагубную наклонность къ разсужденіямъ и запросамъ, могущимъ смутить умы, глубоко сожалѣлъ о томъ времени, когда добрые акціонеры были довольны тѣмъ что имъ говорилось и что для нихъ дѣлалось, скорбѣлъ о томъ времени, когда акціонеръ-спорщикъ, требующій объясненій и повѣрки, былъ еще миѳомъ; онъ обвинялъ этихъ «храбрыхъ» сѣятелей раздора во всѣхъ общественныхъ бѣдствіяхъ нашего времени; надменно возглашалъ, что «въ обществѣ желѣзныхъ дорогъ все должно идти какъ въ полку», уподобляя акціонеровъ воинамъ, обязаннымъ безпрекословнымъ повиновеніемъ, и прямо объявилъ, что совѣтъ управленія долженъ пользоваться властію полною и неограниченною. Акціонеры, стоявшіе во главѣ оппозиціи, хотѣли возражать, но ихъ голосъ былъ заглушенъ топаньемъ и криками пріятелей и кліентовъ Э. Перейры и — самовластіе восторжествовало [1]. И у насъ появились смѣльчаки, открыто возстающіе противъ неурядицъ управленія, но торжество ихъ большею частію мгновенно: при первомъ ловкомъ возраженіи вліятельнаго директора голосъ ихъ заглушается общимъ смѣхомъ и поражается полнымъ фіаско. Если же ихъ отважныя заявленія начинаютъ брать перевѣсъ, то бываетъ и такъ, что директоръ, вѣрно разсчитывая на эффектъ и на то, что русское сердце не камень,

---

[1] Описаніе этой сцены и рѣчь Э. Перейры напечатаны въ Courrier du Dimanche, 5 Mai. См. Спб. Вѣд. 1861, № 125; и Рус. вѣстн., соврем. лѣт., № 26.

вдругъ, какъ-бы въ порывѣ негодованія, объявляетъ, что онъ не намѣренъ долѣе служить обществу, не умѣвшему оцѣнить его заслугъ, и подаетъ въ отставку; акціонеры всполошатся, прійдутъ даже въ испугъ, пошумятъ и покончатъ тѣмъ, что сами-же съ низкими поклонами примутся упрашивать оскорбленнаго остаться и — директоръ остается, съ условіемъ полной безотвѣтственности. Какъ-бы то ни было, но въ общихъ собраніяхъ разыгрываются любопытныя траги-комедіи, въ которыхъ однакожъ на долю честныхъ акціонеровъ выпадаютъ прежалкія роли [1]. Чѣмъ же держится такое безобразіе въ акціонерномъ управленіи? Конечно, сами акціонеры долгимъ прежнимъ молчаніемъ дали возможность директорскому самоуправству развиться и укрѣпиться; но вполнѣ ли они въ этомъ виноваты? Основная причина, поддерживающая самовластіе директоровъ, заключается въ томъ, что вліяніе акціонеровъ на дѣла сжато въ слишкомъ узкія юридическія рамки. Принципъ отвѣтственности директоровъ не можетъ получить полнаго осуществленія безъ расширенія административныхъ правъ самихъ акціонеровъ. Посмотримъ, какія гарантіи можетъ законодательство установить въ этомъ отношеніи.

По закону, никакому лицу, хотя бы то было въ качествѣ изобрѣтателя предпріятія, первоначальнаго учредителя и проч., не можетъ быть присвояемо право на всегдашнее и безсмѣнное управленіе дѣлами компаніи (X, 2177); выборъ директоровъ предоставленъ общему

---

[1] Ср. Вѣстн. пром. 1861, № 1. Бирж. вѣд. № 51, 65 и др.

собранію акціонеровъ, при чемъ однакожъ порядокъ и сроки выбора предоставлено опредѣлять въ частномъ уставѣ каждой компаніи (т. X, 2175). Въ уставахъ же обыкновенно постановлялось, что званіемъ директора облекаются всѣ учредители безъ всякаго выбора и выбываютъ изъ него по одиначкѣ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ. Такимъ образомъ право выбора остается мертвымъ для важнѣйшаго періода существованія компаніи, когда предпріятію открывается первое движеніе, а между-тѣмъ отъ даннаго ему въ началѣ направленія въ зависимости вся дальнѣйшая судьба. Правда, нельзя у лицъ, задумавшихъ предпріятіе и большею частію близко ознакомившихся съ дѣломъ, отнять съ самаго начала право быть директорами, — право, безъ котораго они вѣроятно и не взялись бы за основаніе общества. По крайней мѣрѣ желательно было бы, чтобы это право было ограничено срокомъ по возможности кратковременнымъ, или же самимъ закономъ былъ установленъ maximum такого срока, на пр. два или три года. Спрашивается: если же до истеченія срока, на который директоръ назначенъ по уставу или выбранъ общимъ собраніемъ, поведеніе его окажется вреднымъ для общества, въ-правѣ ли акціонеры удалить его? Законъ не предоставлялъ общему собранію такого права. Казалось бы, что оно вытекаетъ уже изъ того начала, въ силу котораго директору присвоено закономъ значеніе уполномоченнаго; но осуществленіе этого права признавалось нарушеніемъ устава и потому, сколько мы знаемъ, никогда не допускалось. Поэтому нельзя не привѣтствовать новое правило, вводимое проектомъ, въ

которомъ прямо сказано, что директоры могутъ быть *увольняемы* и прежде того срока, на который выбраны, «если общее собраніе, по ходу дѣлъ компаніи, признаетъ это нужнымъ». Правило о досрочномъ увольненіи распространено и на другіе случаи, а именно: «когда директоръ приметъ на себя сопряженную съ жалованьемъ должность по дѣламъ компаніи, подлежащую наблюденію со стороны правленія; — когда онъ вступитъ въ должность управляющаго дѣлами другой компаніи или приметъ на себя званіе директора другой же компаніи, могущей, по кругу своихъ дѣйствій, состоять въ конкурренціи съ тою, въ которой онъ уже имѣетъ званіе директора; — когда онъ будетъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ; — когда онъ приметъ участіе въ выгодахъ отъ какой-либо заключенной съ компаніею сдѣлки; — и когда онъ участвуетъ въ выгодахъ отъ какихъ-либо работъ, производимыхъ для компаніи». Въ этихъ случаяхъ директоръ увольняется по самому закону. Поворотъ къ лучшему, совершившійся можетъ быть подъ вліяніемъ напечатаннаго проекта, встрѣтили мы и въ уставахъ двухъ новѣйшихъ компаній, изъ которыхъ въ одномъ сказано, что директоры могутъ быть во всякое время увольняемы отъ должности рѣшеніемъ общаго собранія [1], а въ другомъ — что они могутъ быть смѣняемы по опредѣленію общаго собранія, если дѣйствія ихъ будутъ признаны неудовлетворительными [2].

---

[1] § 11 Устава товар. рос. пивовар. заводовъ. См. Бирж. вѣд. 1861. № 74.

[2] § 13 Уст. ком. Владим. кожев. завода. Тамъ-же № 119.

Но такъ-ли легко, какъ кажется, увольненіе директора рѣшеніемъ общаго собранія? Обыкновенно директоры умѣютъ обставить себя плотною партіей благопріятелей, которые въ общемъ собраніи въ силахъ перекричать всѣхъ и поставить на своемъ. Такой ненормальный перевѣсъ, оказывающій свое дѣйствіе во всѣхъ дѣлахъ, встрѣчается во всякомъ коллегіальномъ управленіи; но въ акціонерномъ мірѣ онъ поддерживается, какъ извѣстно, еще и тѣмъ, что директоры, для вѣрнѣйшаго достиженія своихъ цѣлей, напр. при новыхъ выборахъ въ это званіе, заблаговременно переписываютъ часть своихъ акцій на имя голосистыхъ рыцарей. Мы видѣли, что проектъ предоставляетъ опредѣлять въ уставѣ каждой компаніи число учредительскихъ акцій, которыя, въ теченіи извѣстнаго срока, не допускаются къ передачѣ въ чужія руки. Точно такъ-же и относительно директоровъ проектъ требуетъ опредѣленія въ каждомъ уставѣ, «сколько акцій долженъ имѣть каждый изъ нихъ, съ тѣмъ, чтобы оныя *хранились въ кассѣ правленія*». Такое храненіе полезно и въ томъ отношеніи, что можетъ служить для общества нѣкоторымъ обезпеченіемъ въ случаѣ взысканій, которымъ подвергся бы директоръ по дѣламъ компаніи. Нельзя сказать, чтобы это правило было у насъ не извѣстно: оно встрѣчается въ уставахъ многихъ компаній, особенно въ послѣднее время. Но вникая въ его смыслъ, кажется, что гарантія, какую мы въ немъ искали, слаба. Обыкновенно постановляется, что для полученія званія директора должно имѣть не менѣе такого-то числа паевъ или акцій (напр. 10, 20, 50), которыя, во все время пребыванія дирек-

тора въ этомъ званіи, не могутъ быть передаваемы въ другія руки и должны храниться въ кассѣ правленія [1]. Очевидно, что это правило относится только къ весьма незначительному числу директорскихъ акцій, не распространяясь на остальныя ихъ акціи, которыхъ у нихъ могутъ быть сотни и тысячи, и которыя они могутъ раздавать свободно людямъ преданнымъ ихъ интересамъ. Поэтому мы полагаемъ, что означенная гарантія можетъ имѣть практическое значеніе только въ томъ смыслѣ, что запрещеніе должно быть наложено на всѣ директорскія акціи; къ этому, особенно при допущеніи въ компаніи акцій безъименныхъ, покупка и передача которыхъ не можетъ быть стѣснена закономъ, слѣдовало бы присовокупить, что директорамъ не дозволяется пріобрѣтеніе акцій сверхъ тѣхъ, которыя отданы на храненіе въ кассу, подъ страхомъ лишенія самыхъ вкладовъ и увольненія отъ директорства. Правда, для пріобрѣтенія акцій свыше числа тѣхъ, которыя хранятся въ кассѣ, можно имѣть и подставныхъ людей, но такое средство, какъ и всякія стачки, сопряжены съ рискомъ, и какъ дѣйствія предосудительныя, при малѣйшемъ ихъ оглашеніи, могли бы для общаго собранія служить поводомъ къ увольненію директора отъ должности.

---

[1] См. напр. Уст. товар. россійско-амер. резиновой мануфактуры; Уст. акц. общ. для разраб. торфяниковъ, § 16. (Вѣст. пром. 1860, № 8). Также Уст. акц. компаніи цѣпнаго пароходства § 21. Уставъ товар. рос. пивовар. заводовъ § 9; Уст. тов. Измайл. бумаго-пряд. мануф. § 8; Уст. комп. Владим. кожев. завода § 11 (Бирж. Вѣд. 1861. № 45, 74, 90, 119), и др.

Есть для директоровъ и другаго рода возможность обставить себя приверженцами и дать перевѣсъ своимъ интересамъ въ общихъ собраніяхъ. Она заключается въ стѣснительныхъ для участія акціонеровъ правилахъ о *правѣ голоса* въ общихъ собраніяхъ, даваемомъ лишь опредѣленнымъ числомъ акцій. Казалось бы, что каждая единичная акція должна предоставлять ея владѣльцу такое право. Но законъ дозволяетъ въ уставѣ каждой компаніи опредѣлять: число акцій, дающихъ владѣльцу ихъ право участвовать въ общихъ собраніяхъ, и число голосовъ, по количеству акцій, одному лицу принадлежащихъ (т. X. 2171, 2184). Понятно, что такъ какъ общество акціонерное есть въ сущности ассоціація капиталовъ, то и право участія въ его дѣлахъ должно измѣряться количествомъ вклада; но по силѣ самыхъ уставовъ многіе акціонеры, не владѣющіе опредѣленнымъ для права голоса числомъ акцій, (обыкновенно не менѣе десяти), должны быть вовсе устраняемы отъ такого участія. Какъ можетъ быть велико число акцій, дающее право голоса и вмѣстѣ съ тѣмъ перевѣсъ меньшинству богачей, лучше всего видно изъ примѣра: въ парижскомъ обществѣ движимаго кредита на 120.000 акцій, на которыя раздѣленъ капиталъ въ 60 м. фр. по 500 фр. каждая, не болѣе 200 вкладчиковъ въ правѣ присутствовать въ общемъ собраніи. Слѣдовало исправить такую нелѣпость. Въ проектѣ постановлено, что «акціонерамъ, невладѣющимъ установленнымъ числомъ акцій для права голоса, дозволяется, по взаимному между собою соглашенію, избирать изъ среды своей повѣренныхъ, которымъ и предоставлять, по довѣренно-

сти, достаточное число акцій, для полученія согласно съ уставомъ права голоса». Но всегда ли удобно пріисканіе такого повѣреннаго, который бы служилъ фокусомъ убѣжденій отдѣльныхъ акціонеровъ; притомъ, массѣ участниковъ пришлось бы отречься отъ собственнаго индивидуальнаго голоса, отъ личнаго мнѣнія, которое раждается нерѣдко при самомъ обсужденіи дѣла, въ самомъ засѣданіи общаго собранія; самое понятіе о размѣрѣ затраты, дѣлаемой вкладчикомъ, относительно: что для одного ничтожно, для другаго многоцѣнно; наконецъ, право участія въ распоряженіи предпріятіемъ не можетъ быть, по сущности дѣла и по закону справедливости, отнято ни у одного вкладчика, хотя бы его участіе ограничивалось одною акціею. Слѣдовало бы за образецъ опять взять англійское законодательство: въ одномъ изъ регулятивовъ, приложенныхъ къ акту 1856 года (Regulations, Tab. B. § 38), прямо сказано, что каждый акціонеръ имѣетъ право голоса даже за одну акцію. Вѣроятно, подъ вліяніемъ англійской акціонерной практики, постановлено подобное правило въ § 31 устава недавно учрежденной россійской компаніи пароходства между Гуллемъ и С.-Петербургомъ[1]. Встрѣчается у насъ это правило обыкновенно въ уставахъ компаній паевыхъ, напр. въ уставѣ товарищества заводовъ царскаго мыла и проч., гдѣ каждый пай опредѣленъ въ 10,000 руб.[2]; какъ рѣдкое исключеніе находимъ его и въ нѣкоторыхъ собствен-

---

[1] См. приб. къ № 77 Бирж. вѣд. 1861 г., и Вѣст. пром. № 5.

[2] Бирж. вѣд. 1861, № 118.

но-акціонерныхъ обществахъ [1]. Но, руководясь указанными основаніями, нельзя не пожелать, чтобы такое правило было общимъ требованіемъ закона и вошло въ составъ новаго положенія объ акціонерныхъ обществахъ. — Проектъ не даетъ также никакой нормы, которая бы служила основаніемъ при исчисленіи голосовъ по размѣру числа акцій, предоставляя рѣшеніе этого вопроса самимъ компаніямъ. Онъ рѣшается въ уставахъ различно. Между-тѣмъ весьма немаловажно правильное распредѣленіе голосовъ по числу акцій, принадлежащихъ одному лицу, такъ-какъ владѣлецъ значительнаго количества акцій можетъ числомъ своихъ голосовъ оказывать огромное вліяніе на рѣшеніе дѣлъ и подавлять голоса массы мелкихъ участниковъ, а это тѣмъ пагубнѣе, если такой магнатъ держитъ сторону членовъ правленія. Въ этомъ отношеніи мы не могли бы одобрить правило упомянутаго англійскаго регулятива, предоставляющее каждому акціонеру «за каждую акцію, начиная съ одной до 10, одинъ голосъ, за-тѣмъ за каждыя 5 акцій, сверхъ первыхъ десяти до ста, также одинъ голосъ, и за каждыя 10 акцій сверхъ первой сотни — равномѣрно одинъ голосъ»: по такому счету для крупнаго акціонера можетъ составиться весьма значительная цифра голосовъ. Мы признаемъ неудобнымъ законное установленіе однообразной нормы такого исчисленія для всѣхъ компаній, но считаемъ необходимымъ,

---

[1] § 98 Уст. Харьк. компаніи по торг. шерстью, утв. 11 марта 1860 г. (Вѣстн. пром. 1860, № 8); § 64 Уст. Новорос. комп. по торговлѣ шерстью, утв. 15 іюля 1860 г. (ib. № 10).

чтобы закономъ былъ опредѣленъ maximum числа голосовъ, какими въ-правѣ располагать одно лицо (напр. 5 или 6 голосовъ), такъ, чтобы болѣе этого числа голосовъ не давало никакое число акцій, какъ бы оно ни было значительно [1]. Такое правило оказало бы громадное вліяніе на правильное и добросовѣстное рѣшеніе дѣлъ въ общихъ собраніяхъ: устраняя вредный перевѣсъ большихъ капиталистовъ, оно въ сильной степени парализировало бы разсчеты директоровъ на пріисканіе единомышленниковъ въ рядахъ акціонеровъ.

Стѣсненное право вліянія акціонеровъ на дѣла выражается также въ ограниченіи ихъ *права предлагать* свои соображенія или мѣры. По закону, «если кто изъ акціонеровъ имѣетъ сдѣлать какое-либо для пользы компаніи предложеніе, то долженъ обратиться съ онымъ въ правленіе; а сіе уже, если и съ своей стороны признаетъ предметъ полезнымъ и подлежащимъ общему уваженію, предлагаетъ о томъ на разсмотрѣніе общаго собранія» (т. X, 2183). На дѣлѣ и это право оказывается въ зависимости отъ усмотрѣнія лицъ, съ личными интересами которыхъ предложеніе можетъ не сходиться; акціонеры являются здѣсь какъ-бы просителями предъ правленіемъ и легко могутъ ожидать отказа. Въ новомъ проектѣ это право гарантировано лучше. Тамъ сказано: 1) «въ каждомъ уставѣ компаніи должно быть опредѣлено число акціонеровъ, по требованію коихъ правленіе обязано собрать общее собраніе

---

[1] См. напр. § 98 Уст. Харьк. комп.; § 31 Уст. Рос. комп. парох. между Гулломъ и С.-Петербургомъ, и др.

для выслушанія ихъ предложенія. Число это, по количеству акцій, должно представлять, въ сложности, не менѣе $^1/_{20}$ части складочнаго капитала» (V, п. 2). 2) «Акціонеры, желающіе сдѣлать какое-либо предложеніе, подлежащее рѣшенію общаго собранія, сообщаютъ о семъ правленію, по крайней мѣрѣ, за три дня до сего собранія. Если-же правленіе не уважитъ ихъ предложенія и оно, затѣмъ, будетъ возобновлено въ самый день общаго собранія, за подписью 10 акціонеровъ, имѣющихъ право голоса, то такое предложеніе представляется, вмѣстѣ съ мнѣніемъ правленія, на разсмотрѣніе и рѣшеніе общаго собранія» (ib. п. 3). Первое правило справедливо: нельзя же по требованію одного или немногихъ акціонеровъ созывать общее собраніе, тѣмъ болѣе, что такой созывъ затруднителенъ при установленіи minimum числа лицъ, необходимаго для того чтобы засѣданіе состоялось. Второе же правило стѣснительно: если день общаго собранія уже опредѣленъ и засѣданіе должно состояться, то не должно быть отвергаемо и предложеніе, представленное даже однимъ акціонеромъ; оно должно быть непремѣнно внесено въ общее собраніе, хотя-бы противорѣчило взглядамъ членовъ правленія: не легко сойтись требуемому проектомъ числу акціонеровъ для подписанія одного мнѣнія, при обычномъ ихъ разобщеніи и незнакомствѣ между собою, а между-тѣмъ, при такомъ затруднительномъ требованіи, могла бы погибнуть понапрасну полезная мысль, родившаяся въ головѣ умнаго и опытнаго участника. Поэтому мы находимъ вполнѣ справедливымъ и полезнымъ правило, выраженное въ уставѣ

одной изъ новѣйшихъ компаній въ слѣдующихъ словахъ: «Всѣ дѣла поступаютъ въ общее собраніе чрезъ правленіе компаніи; но жалобы на него могутъ быть представляемы прямо общему собранію. Каждый акціонеръ имѣетъ право, лично или письменно, объяснять свои мнѣнія общему собранію, относительно дѣлъ, подлежащихъ общему обсужденію» [1]. Поставивъ, для избѣжанія недоразумѣній, послѣ слова «объяснять», еще слова: «и непосредственно предлагать», можно бы принять такое правило за общій законъ.

Высшей точки достигаютъ административныя права акціонеровъ въ *правѣ контроля* дѣйствій правленія и *наблюденія* за ними. По закону, правленіе компаніи даетъ общему собранію срочные въ своихъ дѣйствіяхъ отчеты, которые, вмѣстѣ съ журналами, книгами, счетами и др. документами, открываются заблаговременно въ правленіи, для предварительнаго разсмотрѣнія акціонеровъ; сверхъ того, общему собранію предоставляется подвергать отчетъ и общей ревизіи, чрезъ избранныхъ для того депутатовъ (т. X, 2185, 2186). Признано необходимымъ, чтобы по крайней мѣрѣ за двѣ недѣли до общаго собранія, были разсылаемы акціонерамъ печатные экземпляры такихъ отчетовъ. Въ Англіи это правило узаконено относительно годовыхъ балансовъ (Regul. B, § 73); встрѣчается оно и въ нашихъ уставахъ [2];

---

[1] См. § 60 Уст. Новорос. акц. комп. по торг. шерстью, утв. 15 іюля 1860. (Вѣст. пром. 1860, № 10). Почти то-же выражено въ § 93, Уст. Харьк. комп., утв. 11 марта 1860 (ib. № 8).

[2] См. напр. § 20 Уст. тов. рожд. мануф. бумаж. изд. 1860 (Бирж. вѣд. 1861, № 13).

но такъ какъ правленія смотрятъ на него не всегда благосклонно, какъ это оказалось недавно и во Франціи — въ компаніи «желѣзной дороги изъ Парижа въ въ Страсбургъ», то слѣдовало бы, думаемъ, ввести это правило въ видѣ общаго закона. Что касается до ревизій, которыя должны состоять не только въ повѣркѣ счетныхъ книгъ и дѣлопроизводства, но и въ оцѣнкѣ самого инвентаря, то всѣмъ извѣстно, какъ обыкновенно онѣ производятся, особенно въ дѣлахъ сложныхъ, требующихъ и знанія, и времени, и добросовѣстности. Обращаясь къ прошлому, нельзя не согласиться, что «ревизіонныя коммиссіи были просто пустая проформа: обыкновенно избирались предложенные правленіемъ кандидаты, или изъ пріятелей директоровъ, или изъ лицъ, рѣшительно не знакомыхъ съ бухгалтеріей, дѣлопроизводствомъ и самымъ дѣломъ. Эти члены ревизіонныхъ коммиссій нерѣдко кончали свои повѣрки въ полчаса, ограничиваясь просмотромъ заключительныхъ итоговъ, счетомъ наличныхъ денегъ въ кассѣ и роскошнымъ завтракомъ». Правда, съ прошлаго года сдѣланъ шагъ къ лучшему: члены этихъ коммиссій избираются «не столько изъ лицъ почетныхъ, сколько изъ знающихъ, начинаютъ строго и тщательно просматривать весь ходъ предпріятія, вникать во всѣ статьи расхода» [1]. Но ошибки и злоупотребленія нерѣдко ускользаютъ отъ самой пытливой ревизіи; съ другой стороны, и ревизія — дѣло рукъ человѣческихъ, къ сожалѣнію, не всегда чистыхъ и безгрѣшныхъ. Поэтому

---

[1] Вѣстн. пром. 1860, № 1, стр. 18.

очень цѣлесообразно слѣдующее постановленіе проекта: «Отчетъ, обревизованный и признанный правильнымъ, избранными отъ общаго собранія депутатами, утверждается симъ послѣднимъ; но это утвержденіе не освобождаетъ однако членовъ правленія отъ отвѣтственности, если-бы впослѣдствіи открылись какія-либо неправильныя съ ихъ стороны дѣйствія. Отвѣтственности этой подвергаются и депутаты, если таковыя дѣйствія были ими съ умысломъ не обнаружены». — Независимо отъ ревизіи срочной, признано необходимымъ имѣть постоянное наблюденіе за дѣйствіями правленія: недостаточенъ контроль того, что уже совершено, необходимъ контроль, который бы служилъ къ предупрежденію дѣйствій, клонящихся ко вреду предпріятія. Таково назначеніе наблюдательныхъ комитетовъ (comités de surveillance). Сообразно съ этимъ постановлено и въ новомъ проектѣ, что «для постояннаго наблюденія за ходомъ дѣлъ компаніи общему собранію предоставляется учредить особый, избранный изъ среды своей, комитетъ». Но слѣдовало бы обозначить и кругъ дѣятельности такихъ комитетовъ. Въ этомъ отношеніи можно бы принять за образецъ уставъ одной изъ новѣйшихъ компаній, по которому членамъ наблюдательнаго комитета представлено право повѣрять не только книги и документы, но и самыя дѣйствія правленій, присутствовать во всѣхъ засѣданіяхъ правленія съ правомъ совѣщательнаго голоса, право вносить свои особыя мнѣнія въ протоколы засѣданій и право созывать экстренныя общія собранія [1]. — Наконецъ, независимо отъ наблю-

[1] § 25—33 Уст. товар. рос. пивовар. заводовъ (Вѣстн. пром. 1861, № 5).

денія въ означенной формѣ, можно бы въ видахъ контроля, по примѣру англійскаго законодательства (J. St. Comp. Act 1856, § 51), принять за правило, что общее собраніе, по требованію $1/5$ акціонеровъ, представляющихъ не менѣе $1/5$ акціонернаго капитала, обязано нарядить коммиссаровъ (Inspectors) для изслѣдованія положенія дѣлъ общества.

Понятно, что при самомъ бдительномъ и пристальномъ надзорѣ акціонеровъ за дѣйствіями уполномоченныхъ компаніи нѣтъ возможности совершенно предупредить небрежность и злоупотребленія. Притомъ, строгое наблюденіе, равно какъ гласное преслѣдованіе, сами по себѣ, не возстановляютъ нарушенныхъ правъ, не возвращаютъ акціонерамъ утраченнаго. Крайнимъ средствомъ, сдерживающимъ и карающимъ подобныя проявленія, должны быть взысканія. Надъ дѣйствіями узурпаторовъ должна висѣть угроза строгой отвѣтственности не только уголовной, но и гражданской, имущественной, такъ-какъ послѣдняя, при извѣстныхъ условіяхъ, чувствительнѣе первой. Мѣра отвѣтственности требовала болѣе опредѣленности въ сравненіи съ прежними правилами (т. X, 2181). Такое требованіе удовлетворено слѣдующими постановленіями новаго проекта: 1) Если по ревизіи счетовъ, дѣлъ, книгъ, документовъ и денежныхъ суммъ компаніи, будетъ доказано, что директоры допустили, своимъ нерадѣніемъ, безпечностію, или по другимъ причинамъ, упущенія или безпорядки, и тѣмъ нанесли компаніи вредъ или убытокъ, то они отвѣтствуютъ за сіе всѣмъ своимъ имуществомъ (ср. т. X, ч. 1, ст. 684). 2) Директоры, которые съ умысломъ, ко

вреду компаніи, употребятъ данное имъ полномочіе, подвергаются за сіе наказанію по ст. 1707 улож. о нак. и, сверхъ того, обязаны вознаградить компанію за причиненный ей чрезъ то убытокъ. 3) За умышленное поврежденіе, утайку или истребленіе ввѣренныхъ имъ актовъ или имущества, а равно за растрату сего имущества, они присуждаются къ наказаніямъ по ст. 1708 улож. о нак. и къ вознагражденію за причиненный чрезъ то убытокъ; и 4) За нарушеніе или неисполненіе устава компаніи или постановленій общаго собранія акціонеровъ, директоры приговариваются, сверхъ вознагражденія за причиненный чрезъ то убытокъ, наказаніямъ, опредѣленнымъ за превышеніе повѣреннымъ предѣловъ даннаго ему уполномочія. — Что касается до взысканій, то указанная здѣсь полная имущественная отвѣтственность не представляетъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, никакого противорѣчія съ основнымъ акціонернымъ принципомъ ограниченной отвѣтственности: она не имѣетъ мѣста въ случаѣ неудачъ или несостоятельности предпріятія, зависящей отъ случайностей и кризисовъ свойственныхъ промышленно-коммерческому міру, а имѣетъ значеніе взысканія за противозаконныя дѣйствія, проистекающія отъ собственной вины директоровъ. Что же касается до правонарушеній, то намъ кажется, что недостаточно обозначеніе ихъ въ кодексѣ въ однихъ общихъ выраженіяхъ, а должны быть указаны по крайней мѣрѣ тѣ проступки, которые выпукло заявляли себя въ акціонерной практикѣ. Такъ, 1) относительно выдачи фиктивныхъ дивидендовъ, слѣдовало бы, по примѣру англійскаго законодательства, (Limited-Liabilit-

Act 1855, 18, 19, Vict. c. 133. § 9; и Joint Stock Companies Act 1856, § 14), прямо постановить, что, если директоры объявятъ и выдадутъ дивиденды въ то время, какъ имъ извѣстна несостоятельность общества, или же имъ извѣстно, что такая выдача повлечетъ за собою его несостоятельность, то они отдѣльно и взаимно отвѣтствуютъ за всѣ долги общества, какъ настоящіе такъ и имѣющіе послѣ образоваться во время ихъ пребыванія въ званіи директора, — въ размѣрѣ, не превышающемъ суммы выданныхъ ими дивидендовъ. 2) Въ новомъ проектѣ, для огражденія кредиторовъ компаніи, постановлено за правило, что «если капиталъ компаніи уменьшится на 50%, то правленіе обязано немедленно сдѣлать распоряженіе о назначеніи общаго собранія, для постановленія рѣшенія относительно ликвидаціи или продолженія дѣйствій компаніи въ уменьшенномъ размѣрѣ; но если капиталъ компаніи уменьшится еще на 25%, то дѣла оной подлежатъ непремѣнной ликвидаціи». Къ этому слѣдовало бы, по примѣру другихъ законодательствъ, напр. голландскаго и прусскаго, присовокупить, что если въ послѣднемъ случаѣ директоры не остановятъ дѣлъ и не приступятъ къ ликвидаціи, то подвергаются полной и солидарной имущественной отвѣтственности.

Мы кончили. Итогъ, Мм. Гг., ясенъ: свобода, гласность и отвѣтственность — вотъ тѣ существенные принципы, которые должны лечь въ основу успѣшной реформы нашего акціонернаго законодательства. Во имя свободы должны быть устранены тѣ стѣсненія, которыя, затрудняя образованіе компаній, сжимая самоуправленіе и парализуя духъ предпріимчивости, служили подспорьемъ чрезмѣрной громадности предпріятій и централизаціи, поддерживающей самовластіе во внутреннемъ акціонерномъ управленіи. Гласность и отвѣтственность должны быть узаконены въ широкихъ размѣрахъ, какъ самыя надежныя гарантіи, ограждающія интересы акціонеровъ, публики и цѣлаго народнаго хозяйства съ одной стороны противъ неосновательныхъ затѣй и недобросовѣстныхъ спекуляцій учредителей, а съ другой противъ нерадѣнія и произвола директоровъ. Мы далеки отъ мысли, чтобы настаивать на непогрѣшимости и законченности отдѣльныхъ соображеній и выводовъ, представленныхъ благосклонному вашему вниманію въ слабомъ нашемъ очеркѣ; мы увѣрены, что другіе, ближе насъ знакомые съ организаціею, тайнами и извилинами акціонернаго дѣла, многое объяснятъ лучше и основательнѣе. Но едва-ли можно усомниться въ вѣрности основныхъ принциповъ. — Представимъ же себѣ, что законодательная реморма дѣйствительно выполнила предложенныя ей задачи; спрашивается: можетъ ли она служить единственнымъ и полнымъ ручательствомъ въ томъ, что наша акціонерная предпріимчивость оживится и что исчезнутъ тѣ недостатки, которыми страдало доселѣ на-

ше акціонерное дѣло? Это все равно, какъ еслибъ мы спросили: достаточно ли преобразовать университетскіе законы для того, чтобы уровень образованія поднялся до вожделѣнной высоты и чтобы даровитость, добросовѣстность и любовь къ наукѣ стали исключительными качествами преподаванія и слушанія лекцій? Никакая реформа, ни одно самое образцовое законодательство не въ силахъ сами собой пересоздать дѣйствительность. И у тѣхъ народовъ, которые далеко опередили насъ практичностію законодательныхъ мѣръ, развитостію экономическаго быта и гражданской свободы, и тамъ далеко еще не искоренены грубые наросты, разъѣдающіе акціонерное дѣло: акціонерный міръ Англіи и сѣверо-американскихъ штатовъ — этихъ колоссальныхъ представителей промышленнаго развитія — понынѣ не можетъ вполнѣ очиститься отъ злоупотребленій, плутовскихъ спекуляцій и разнаго рода мыльныхъ пузырей (bubbles). Законъ — это узда произвола, принудительная сила, ограждающая свободу и права и содѣйствующая благосостоянію; но духъ этой силы въ самомъ обществѣ. Кодексъ не создаетъ акціонерной честности, не раждаетъ добросовѣстныхъ и знающихъ директоровъ, не вселяетъ уваженія къ общественной собственности, не подавляетъ поползновеній своекорыстія если они терпятся современною совѣстію, — словомъ, не перераждаетъ нравовъ общества. Все это задачи общественной самодѣятельности. Но достаточно ли мы приготовлены для такой дѣятельности?

Мы требуемъ акціонерной свободы. Мы вопіемъ на стѣсненія, парализующія свободное образованіе компа-

ній. Но въ высокой ли степени развитъ въ нашемъ промышленномъ быту духъ солидной и честной предпріимчивости? Глубоко ли усвоили мы себѣ духъ свободной ассоціаціи? По-истинѣ, нигдѣ не встрѣчаемъ мы такой апатіи къ соединенной общественной дѣятельности, какъ у насъ. Довольно припомнить, съ какимъ страннымъ равнодушіемъ мы привѣтствовали государственную концессію въ вопросѣ о земскихъ банкахъ. Мы взываемъ къ свободѣ, намъ очень понравилось слово «инициатива», но — гдѣ нужна энергія, самодѣятельность, мы опускаемъ руки, возлагаемъ упованіе на другихъ, охотнѣе соглашаемся жить подъ опекой правительства, чѣмъ самимъ заботиться о собственныхъ нашихъ интересахъ. Намъ, благородному сословію, приписываютъ инициативу въ упраздненіи крѣпостнаго права, но... не будемъ кривить душой: сознáемся откровенно, что для такого громаднаго и гуманнаго подвига необходима значительная степень нравственнаго перерожденія общества, а крѣпостнымъ элементомъ такъ еще глубоко заражены всѣ наши общественныя и частныя отношенія, что развѣ чрезъ нѣсколько поколѣній онъ выдохнется изъ нашихъ нравовъ. Сознáемся, что мы еще очень далеки отъ той ступени общественной зрѣлости, на которой свободная забота о собственныхъ интересахъ, чуждая внѣшняго попеченія и покровительства, является сознательною и живою потребностію каждой личности.

Мы требуемъ самоуправленія. Но отрѣшимся на-минуту отъ самообольщенія и спросимъ себя: какъ осуществляемъ мы важнѣйшее изъ публичныхъ нашихъ

правъ — право выбора? Съумѣли ли мы вполнѣ оцѣнить это право? Кому не извѣстна обычная система и природа нашихъ выборовъ? Кто не знаетъ, какъ небрежно, легкомысленно и даже недобросовѣстно обращаемся мы съ этимъ драгоцѣннымъ правомъ, какъ часто не задумываясь попираемъ мы знаніе, честность и правду, принося ихъ въ жертву интересамъ личныхъ отношеній и разсчетамъ мелкаго самолюбія! Мы очень хорошо понимаемъ, какихъ качествъ должно искать при выборѣ лицъ на мѣста, соблазнительныя для самовластія и своекорыстія, мы знаемъ, что при неудачномъ выборѣ ни строгость законныхъ угрозъ ни крупность окладовъ вознагражденія не въ силахъ спасти отъ такихъ искушеній. И что-же? Многіе ли чужды того несчастнаго и пагубнаго убѣжденія, что во главѣ акціонернаго управленія должны стоять лица съ служебнымъ вѣсомъ, особы титулованныя, сановитыя, почетныя, словомъ — люди вліятельные? Въ оправданіе этого убѣжденія обыкновенно говорятъ, что такія лица, хотя знаютъ дѣло иногда плохо, занимаются имъ неохотно, обходятся компаніи дорого, подъ-часъ и на-руку не чисты, но зато авторитетъ имени привлекаетъ вниманіе и довѣріе публики къ предпріятію особенно въ началѣ, и что они необходимы какъ покровители и заступники въ тѣхъ дѣлахъ, интересъ которыхъ ставитъ компаніи въ зависимость отъ сильныхъ органовъ государственной администраціи. Отчего же, въ случаѣ невзгодъ и раззоренія, акціонеры винятъ дирекцію, членовъ правленія, а не самихъ себя? Въ такомъ оправданіи звучитъ только сознаніе, что мы склонны къ иска-

тельству, раболѣпны къ покровительству, привыкли добиваться цѣлей кривыми путями, и что въ насъ слишкомъ глубоко засѣло слѣпое благоговѣніе ко всему вліятельному и почетному. Въ немъ слышится слабое уваженіе къ собственной личности и сильная наклонность къ добровольной кабалѣ.

Мы требуемъ гласности. Но какъ обращаемся мы съ этимъ благодѣтельнымъ орудіемъ? Больше для потѣхи и празднословія, чѣмъ для серьёзнаго искорененія зла. Для многихъ публичныя обличенія составляютъ не болѣе какъ выгодный литературный промыселъ; узурпатору и взяточнику мы съ удовольствіемъ протягиваемъ ту-же руку, которою пишемъ жесткіе противъ него протесты. Мы еще слишкомъ далеки отъ живаго уваженія къ общему благу: много ли наберется у насъ подвижниковъ, которые, въ силу искреннихъ убѣжденій, ратуютъ во имя общественныхъ интересовъ? Какія качества бо́льшей части нашихъ обличеній? Горячность, увлеченіе и поспѣшность въ осужденіи. Лѣтъ пять тому назадъ, когда впервые заговорили о гласности, когда еще нужно было доказывать и узаконять въ общественномъ мнѣніи могучую силу этого принципа, весьма были естественны жаръ, запальчивость, преувеличеніе и искаженіе самихъ фактовъ. Но когда принципъ выяснился и проникъ въ общее сознаніе, нужна ли рьяность обличенія? Не пора ли обратиться къ спокойному и добросовѣстному обсужденію вопросовъ и фактовъ общественной дѣятельности? Къ сожалѣнію, горячка изуродованной гласности еще не прошла. Ради принципа мы охотно жертвуемъ истиной, безнаказанно искажаемъ

вещи, которыхъ не понимаемъ или не хотимъ понимать, ни мало не заботясь о послѣдствіяхъ и о практическомъ вредѣ нашихъ несправедливыхъ обличеній. За примѣрами ходить не далеко. Сколькимъ нападкамъ подвергалась наша мѣстная акціонерная компанія! Мы не беремся о ней судить и не защищаемъ ея дѣйствій; знаемъ только, что и овцеводы печатаютъ на нее жалобы [1], что недовольны ею и акціонеры-капиталисты, которые, по собственному признанію самой компаніи, «не имѣя выгодъ отъ продажи шерсти, находятъ себя въ потеряхъ отъ незначительнаго дивиденда доставляемаго операціями компаніи» [2]; изъ послѣдняго отчета [3] мы видимъ также, что дѣла компаніи вообще не блистательны. За то, какъ опрометчивы бываютъ и обвиненія, достаточно упомянуть о недавней обличительной рецензіи на балансъ, приложенный къ этому отчету — рецензіи, обличающей въ самомъ критикѣ полное незнаніе бухгалтеріи [4]. Но мы не хотимъ сказать, чтобы наша гласность, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, отличалась неблагонамѣренностію и недобросовѣстностію. Въ ней есть несомнѣнно и свѣтлыя стороны; въ короткое время она успѣла уже оказать важныя услуги обществу. Мало ли поднято ею самыхъ живыхъ вопросовъ, мало ли открыла она обществен-

---

[1] См. Вѣстн. Пром. 1860, № 2, стр. 107 — 112. Одес. Вѣстн. 1860, № 127. 1861, № 9, 59 и др.

[2] См. Бирж. вѣдомости 1861, № 6.

[3] См. Отчетъ о дѣйствіяхъ правленія Харьковской компаніи по торговлѣ шерстью съ 1 іюня 1860 по 1 іюня 1861 года, въ Бирж. вѣд. № 149.

[4] См. С.-Петерб. Вѣдом. 1861, № 170.

ныхъ недостатковъ и средствъ ихъ исцѣленія? Къ сожалѣнію, публика слишкомъ апатично относится къ такимъ плодамъ гласности. Въ прежнія времена можно еще было посѣтовать на скудость нашей общественной литературы. До 1857 года не было у насъ спеціальнаго журнала посвященнаго акціонерной дѣятельности: компанейскія публикаціи разнаго рода помѣщались какъ-бы случайно въ разныхъ вѣдомостяхъ и особенно въ Коммерческой Газетѣ, главная задача которой была чужда большей части акціонеровъ, не принадлежащихъ къ торговому классу, такъ-что до нихъ почти вовсе не доходили свѣдѣнія о ходѣ акціонерныхъ дѣлъ. Но съ 1857 года явился прекрасный спеціальный органъ акціонерной гласности въ Журналѣ для акціонеровъ, открывшемъ свои страницы для обмѣна свѣдѣній и всякаго рода заявленій и вопросовъ касательно компанейской дѣятельности. Съ нынѣшняго года, къ сожалѣнію, изданіе его прекратилось, а замѣнившія его Биржевыя Вѣдомости преимущественно посвящены вопросамъ коммерціи. За-то, не упоминая о другихъ представителяхъ экономической литературы, мы имѣемъ Вѣстникъ Промышленности съ издаваемой при немъ газетой «Акціонеръ», редакція которыхъ не пропускаетъ ни малѣйшаго явленія въ области акціонерной дѣятельности и, зорко слѣдя за свѣтлыми и мрачными ея сторонами, свободно и безпристрастно оцѣниваетъ положеніе дѣлъ нашихъ компаній. Было бы чему поучиться здѣсь нашимъ компаніямъ. И что-же? Многіе акціонеры не знаютъ этихъ превосходныхъ изданій и по названію; большаго нерѣдко стóитъ труда отысканіе ихъ въ цѣломъ

губернскомъ городѣ. Нельзя сказать, чтобы мы вовсе не интересовались гласностію общественной дѣятельности. Мы готовы даже принять къ сердцу всякій возмутительно-безнравственный поступокъ; мы охотно и потолкуемъ о немъ, погорячимся въ порывѣ благороднаго негодованія, пошумимъ и въ заключеніе — махнемъ рукой, а втихомолку даже подсмѣемся надъ гласностію. Въ иныхъ странахъ гласность имѣетъ живое значеніе, отзывается серьезными практическими послѣдствіями, а у насъ одна вспышка, а въ сущности апатія и — все почти идетъ по старому.

Наконецъ, мы требуемъ строгой отвѣтственности директоровъ и расширенія административныхъ правъ акціонеровъ. Но вѣдь законъ не устранялъ вліянія акціонеровъ на управленіе, предоставляя имъ и право контроля надъ дѣйствіями правленій, и развѣ законъ не прямо говорилъ, что директоры не болѣе какъ повѣренные компаніи? И что-же? Давно ли и многіе ли акціонеры сознали необходимость обратиться къ осуществленію своихъ правъ, давно ли и совершенно ли они перестали смотрѣть на директоровъ какъ на своихъ начальниковъ и полновластныхъ господъ предпріятія? Правда, юридическія отношенія акціонеровъ къ администраціи терпятъ, какъ мы видѣли, нѣкоторыя стѣсненія. Но къ чему послужитъ расширеніе нашихъ правъ, если мы не дорожимъ и тѣми правами, которыя предоставлены уже самимъ закономъ?

Апатія, равнодушіе къ общественнымъ и собственнымъ интересамъ, пресловутая обломовщина — вотъ наша общая болѣзнь, вотъ тяжеловѣсный тормозъ обще-

ственнаго саморазвитія. Корень апатіи не чего искать въ духѣ или природѣ самого народа: въ насъ достало бы довольно силъ и энергіи для самой кипучей самодѣятельности. Но есть въ насъ одинъ коренной недостатокъ, подавляющій всякую энергію и серьезное стремленіе къ нравственному прогрессу, — недостатокъ живаго сознанія правъ, или, вѣрнѣе, живой вѣры въ свои права. Незабвенный нашъ цивилистъ, покойный профессоръ Мейеръ говорилъ, что сознаніе права пробуждено у насъ впервые во второй половинѣ XVIII вѣка: до того же времени оно было подавлено идеею общественнаго порядка, блистательно воплотившеюся въ государствѣ Петра; въ реформѣ великаго организатора Россіи онъ не признавалъ прогресса въ пользу правъ гражданъ; не отрицая постепенной подготовки, онъ видѣлъ рѣшительный переворотъ на пользу народнаго юридическаго самосознанія въ эпохѣ Екатерины II, даровавшей гражданамъ сословныя права и впервые признавшей самостоятельное значеніе права частной поземельной собственности. Такой важный законодательный шагъ, давшій первый толчокъ пробужденію сознанія правъ, онъ признавалъ за эру, съ которой должна начинаться новая исторія русскаго права. Нельзя не видѣть въ такомъ воззрѣніи глубокое и вѣрное пониманіе исторіи права; въ немъ рѣзко высказывается различіе государства и права; общепринятая грань, раздѣляющая нашу исторію на двѣ половины, оказывается по всей справедливости примѣнимою къ исторіи государственной, но отнюдь не къ исторіи юридической. Къ сожалѣнію, воззрѣніе глубокаго знатока права и юридическаго быта

не было доселѣ, сколько намъ извѣстно, оглашено печатно. Но сходный съ этимъ взглядъ высказанъ недавно другимъ самостоятельнымъ дѣятелемъ по русскому праву, профессоромъ Кавелинымъ, по поводу вопроса объ историческомъ развитіи нашего наслѣдственнаго права. Независимо отъ прежняго своего воззрѣнія на значеніе эпохи Петра въ развитіи нашего юридическаго быта, онъ прямо говоритъ, что государственное начало при Петрѣ также всецѣло поглощало всѣ стороны общественной и гражданской жизни, какъ и до него, что не прежде второй половины XVIII вѣка, при императрицѣ Екатеринѣ II, частныя гражданскія права стали постепенно выдѣляться изъ безразличія государственнаго элемента и получать самостоятельное существованіе, и что право частной поземельной собственности, въ которой прежде не видѣли самостоятельнаго значенія, и которую терпѣли какъ фактъ, признано только въ это царствованіе за юридическій принципъ. — Такимъ образомъ совершенъ громадный шагъ въ нашей юридической исторіи: за правами отдѣльныхъ лицъ признано самостоятельное значеніе въ общественномъ быту. Высвобожденіе юридическаго начала изъ-подъ гнета исключительной идеи порядка должно было пробудить въ обществѣ сознаніе правъ. Это былъ первый толчокъ къ развитію въ обществѣ сознанія самостоятельной личности. Но его было недостаточно для полнаго пробужденія юридическаго самосознанія и — недостаточность эта чувствуется донынѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ сознаемъ мы свои права? Мы возглашаемъ, что мы въ правѣ по закону дѣлать то-то, что у насъ такія-то законныя и неотъемлемыя

права, но — возглашаемъ какъ-бы съ чужаго голоса. Мы привыкли смотрѣть на свои права какъ на что-то зависимое, условное, шаткое, непрочное, гнущееся отъ малѣйшаго вліянія сторонней силы. Мы знаемъ напримѣръ, что законъ уполномочиваетъ насъ сдерживать строгимъ контролемъ произвольныя дѣйствія лицъ, держащихъ бразды акціонернаго управленія, но на дѣлѣ, вообще говоря, мы какъ будто боимся и заикнуться о своихъ правахъ, трепещемъ чтобы осуществленіе законнаго нашего права не встрѣтило отпора и не обрушилось бы на нашу собственную голову. Сознаніе правъ въ насъ есть, но какъ-бы мертвое, боящееся вылиться наружу, на дѣлѣ. При опорѣ внѣшняго покровительства и заступничества мы умѣемъ отстаивать свои права, даже болѣе чѣмъ слѣдуетъ, а безъ гарантій такого рода, при всей законности правъ, мы безропотны, какъ-бы безправны, готовы на самоотреченіе. Нѣтъ въ насъ такого юридическаго сознанія, которое было бы соединено съ убѣжденіемъ въ прочности и свободной осуществимости нашихъ правъ. Насъ упрекаютъ въ недостаткѣ чувства законности, которое такъ развито въ Англіи. Но можетъ ли быть искренняя вѣра въ силу закона въ томъ обществѣ, въ которомъ нѣтъ живаго довѣрія къ собственнымъ правамъ? Будемъ однакожъ справедливы, не станемъ слишкомъ винить въ этомъ наше общество. Всѣмъ извѣстно, какъ долго тяготѣли надъ нами самыя неблагопріятныя условія, унижавшія личную самостоятельность, обрекавшія на безропотное и безличное существованіе, и державшія юридическое самосознаніе общества въ мертвомъ оцѣпенѣ-

ніи. Идея порядка, изъ-за котораго русскіе славяне за тысячу лѣтъ назадъ такъ любовно взывали къ помощи заморскихъ князей, прососалась во всѣ поры общественнаго нашего тѣла и слишкомъ придавила свободныя права отдѣльной личности. И потому толчокъ, данный нашему юридическому самосознанію законодательною дѣятельностію Екатерины II, мы согласны признать гранью отъ древней исторіи, но назвали бы его эрою, съ которой пошла, такъ сказать, средняя исторія нашего права. Знаменемъ же новой нашей юридической исторіи должно быть пробужденіе живаго сознанія правъ. Заря ея зажигается на нашихъ глазахъ при свѣтильникѣ благодѣтельныхъ общественныхъ реформъ вызванныхъ мудрою политикою АЛЕКСАНДРА II. Одна за другой, съ изумительной быстротой, падаютъ препоны, мертвившія наше саморазвитіе. Расширеніе свободы слова и печати, возвращеніе многимъ милліонамъ гражданъ личной свободы и призывъ общества къ гласному обсужденію государственныхъ мѣръ — вотъ неоцѣненные царственные подвиги, совершенные въ столь короткое время, но успѣвшіе разшевелить дремоту юридическаго самосознанія. Право заговорило. Акціонеры громко стали заявлять свои административныя права, строгимъ контролемъ стали провѣрять дѣйствія правленій, — правда, слишкомъ еще отрывочно и тревожно, съ рѣзкими еще оттѣнками лихорадочнаго озлобленія и скандалёзной придирчивости, но таковъ ужъ неизбѣжный характеръ эпохи переходной. Все общество какъ-бы встрепенулось и стало расправлять свои юридическія силы. Даже въ простодушной оживленности меньшихъ

нашихъ братій, горячо благословляющихъ имя даровавшаго имъ свободу Монарха, зазвучалъ отрадный голосъ юридическаго сознанія. Дай же Богъ, чтобы живое сознаніе правъ стало общимъ достояніемъ всего народа, но съ тѣмъ, чтобы юридическія убѣжденія вступили въ тѣсный, гармоническій союзъ съ благороднѣйшими основами общественной нравственности. Тогда... тогда мы спокойно и безтрепетно будемъ пользоваться законными правами, смѣло будемъ глядѣть въ глаза самовластію, и не попустимъ акціонернымъ пашамъ безнаказанной растраты нашей собственности. Но — отстаивая свою личность, мы научимся уважать ее и въ другихъ; ратуя за собственные частные интересы, будемъ дорожить и благомъ цѣлаго общества; цѣня силу правъ, съумѣемъ вполнѣ оцѣнить и святость закона. Скоро ли все это сбудется, скоро ли мы совершимъ полный курсъ акціонернаго перевоспитанія, скоро ли просіяетъ на Руси радостный свѣтъ общаго нравственно-юридическаго перерожденія — извѣстно Всевѣдущему; но въ лучшую будущность мы вѣруемъ и — вѣруемъ отъ всей души.

